

Афганский дневник - это мои личные воспоминания о службе и жизни в Афганистане, изложенные в хронологической последовательности и связанные между собой по месту и времени.

Всё события по службе происходят в провинциях, Бадахшан, Кундуз. Всё что описано в дневнике на 97% правда, 3% оставляю на стариковскую память и свою субъективную оценку событий...

Афганский дневник.

Часть первая.

16 ноября 1986 года я пересек границу Афганистана. Этот день разделил мою жизнь на две половины. Вторую половину мне ещё предстояло узнать....

Я убывал в Афганистан без особого рвения и желания. Военные люди не выбирают, куда прикажет Родина, туда и едут служить кадровые офицеры и прапорщики, отстаивая интересы своей страны. После службы в Центральной группе войск, в Чехословакии, у меня был заграничный служебный паспорт. Я не был обременен семейным положением. Меня не нужно было обеспечивать квартирой... Поэтому сотрудник отделения кадров Туркестанского военного округа предложил написать рапорт о добровольном направлении меня для прохождения службы в составе ограниченного контингента Советских войск в Демократической Республике Афганистан. Накануне отправки, я разговаривал по телефону со своими родителями, ничего не сказал о своем новом назначении, только младшему брату Олегу намекнул о службе в Афгане.

Самолет на Кабул должен был вылетать ночью. Уже не помню, каким способом я добрался до аэродрома Тузель (Ташкент-Восточный), но последние двести метров шел пешком по ночному Ташкенту и тащил полный чемодан вещей, привезенных из Чехословакии. Видел, как тяжелый тягач, от заводских ворот медленно буксировал раскачивающийся Ил-76-ой по широкой ночной улице, на которой были убраны контактные электропровода.

Под утро мы взяли курс на Кабул. Соседи, летевшие к новому месту службы, молча, наблюдали за происходящим. Каждый по своему, и я в том числе, переживали и были наедине с собственными мыслями. Неизвестность и неопределенность, страх и тревога - вот эти четыре слова, которые характеризовали моё состояние. Что будет дальше? Как пройдет полет и посадка? Где и в каком месте буду служить? Как сложится дальнейшая судьба? Останусь ли живым и вернусь ли домой?...

Подлетая к аэродрому Кабула самолет начал снижение. Посадка проходила не так, как это происходит в обычных, мирных условиях. Для обеспечения безопасного расстояния от точки возможного обстрела до самолета, существовала зона, которую контролировали наземные части боевого охранения аэродрома. Самолет должен попасть в охраняемую зону, начать снижение почти вертикально по спирали, делая два витка перед посадкой, не давая возможности противоборствующей стороне произвести выстрел из переносного зенитного ракетного комплекса или крупнокалиберного пулемета. Одновременно самолет производил отстрел так называемых ловушек (пиропатронов). Их тепловой эффект был значительно выше температуры выходящих газов воздушного судна, что усложняло прицеливание инфракрасной головки самонаведения ракеты. Кроме этого, в небо поднимались вертолеты для прикрытия транспортных самолетов. Всю картину происходящего мы, сидевшие в Ил-76, сполна прочувствовали на себе. Уши не просто закладывало, они сворачивались в трубочку. Легкая паника и ужас охватили нас. Вся посадка заняла считанные минуты, лайнер благополучно приземлился на взлетно-посадочной полосе Кабульского аэродрома, и груз облегчения свалился с плеч.

Яркое афганское солнце, несмотря на середину ноября, ласкало своими жаркими лучами. Встречавший нас колоритный старший прапорщик в рыжих усах, зычным голосом скомандовал прилетевшим, пройти за ним, на территорию Кабульского пересыльного пункта. Нас построили, распределили по модулям казарменного типа.

Из громкоговорителей то и дело доносились объявления о необходимости сдать кровь, соответствующей группы, оглашался список военнослужащих, которым необходимо было собрать вещи и проследовать к месту посадки, для отправки в свой гарнизон или в штаб 40-й армии.

Мы сдали свои документы для определения своей дальнейшей участи. Ближе к обеду, вновь прибывших военнослужащих собрали в большом металлическом ангаре, который одновременно служил клубом и столовой. Молодой замполит провел с нами беседу о нравах и обычаях народов Афганистана.

После просветительского мероприятия, вместо пищи познавательной, стали потчевать дарами съедобными. Несмотря на откровенно плохо приготовленные блюда, я без разбора съел все, что было предложено, потому что к этому моменту я не ел почти двенадцать часов.

В столовой я познакомился с летчиком, командиром звена Су-25, из Кандагара, который возвращался из командировки в Союз. Алексей был в кожаной летной куртке и в летном камуфлированном обмундировании, подтянутый, с голубыми глазами, брюнет – таких мужиков любят женщины. Я обратил внимание, что питался он не так, как все остальные и спросил его:

- Почему у тебя другой рацион?- на что он ответил, что у него летный паек по талонам.

В модуле мы расположились на соседних кроватях и разговорились о службе. Алексей уже второй раз в Афганистане. После года службы, летный состав и обслуживающий технический персонал заменялся в Союз.

Тем временем, по громкой связи в очередной раз объявили, что срочно требуется третья положительная группа крови. Как раз у меня была такая группа. Я первый раз решил сдать кровь, за это полагалось двое суток к отпуску и дополнительный паек, в виде шоколадки, двух банок консервов, пачки печенья и банки сгущённого молока.

На пересыльном пункте кипела своя, особая жизнь. Кто-то прилетал в Афганистан, а кто-то улетал в Союз или к новому месту службы в Афгане. Интересно было наблюдать за вновь прибывшим контингентом, коим был и я. По бетонному тротуару прогуливалась одна весьма интересная особа женского пола, привлекавшая к себе внимание. Она была одета в короткую юбку, которая еще больше усиливала и приближала мужские взгляды.

Незаметно наступил вечер, в клубе показывали фильм с ужасным звуком, который то и дело прерывался из-за объявлений и обрывов киноплёнки. Суэта не прекращалась ни на минуту. В модуле играли на гитаре. Несколько офицеров расписывали преферанс. Война была где-то далеко и совсем рядом... Мы с Алексеем приготовились немного поспать. После новых впечатлений, раздумий и тревог, я провалился в безмятежный сон. Не помню, сколько я спал, но сон мой и моих соседей был прерван раздавшимся поблизости мощнейшим взрывом. Я автоматически свалился под панцирную кровать. Алексей невозмутимо лежал рядом, и не скрывая улыбки, стал успокаивать меня, говоря, что всё уже позади. И правда, зачем падать, когда взрыв уже прогремел... Не показывая, что испугался, я встал, отряхнулся от толстого слоя прикроватной пыли, как вдруг ещё один взрыв прогремел в ночной тишине. Выбитые окна в углу нашего модуля и осколки

стекла подтвердили опасность происходящего. Вот тут я, наконец, понял - я на войне.... Затем было еще несколько разрывов реактивных снарядов, которые уже не представляли опасности для нас, обитателей пересыльного пункта, но, несомненно, принесли боль и горе неизвестным нам людям...

Наутро моего нового друга Алексея вызвали для отправки к своему месту службы. Широким гусарским жестом он отдал мне пару своих талонов. Мы попрощались. Алексей пожелал нам обоим, чтобы количество взлетов соответствовало количеству посадок. Впервые от него я услышал выражение, что «не бывает ничего в жизни в последний раз, бывает только крайний раз...»

На пересыльном пункте я провел ещё пару дней. Не знаю, чем было вызвано мое столь длительное пребывание, но мне порядком это надоело. Народ сменял друг друга, а я всё никак не мог определиться, где же я буду служить...

Наступил день когда, наконец, объявили мою фамилию и номер борта Ан-12-ого на Кундуз. Окружающие, с которыми я успел познакомиться, одобрительно закивали головой. Хорошо, что в Кундуз, на север страны, а не на юго-запад, куда-нибудь в Кандагар. «Если хочешь жить как туз, поезжай служить в Кундуз», такая поговорка «ходила» по Афганистану.... Получив в каптерке свой чемодан, я чуть было не опоздал к самолету, который стоял уже с запущенными двигателями на дальней стоянке и поднятой аппарелью грузового отсека. Я с трудом закинул чемодан, попробовал самостоятельно загрузиться, но с первой попытки не получилось. Затем чья-то мощная рука подтолкнула и закинула меня в чрево самолета... Боковые створки закрылись. Почти половина самолета была загружена деревянными ящиками, с фамилиями и адресами доставки скорбного «Груза-200». Рядом, на развернутом брезенте, лежали туши говяжьего мяса. По бортам самолета сидели человек двадцать солдат и офицеров. Мне досталось место в хвосте Ан-12-ого...

В мыслях о предстоящих событиях и встречах, время в полете пролетело незаметно. Самолет «садился» по-афгански, под прикрытием пары Ми-24-х... Ситуация усугублялась тем, что при изменении давления, воздух внутри фюзеляжа наполнялся смесью запахов, исходивших от грузов. Шасси самолета коснулись твердой поверхности, наступило, несравнимое ни с чем, облегчение...

В тот момент я еще не знал, что мне не раз предстоит «путешествовать» по северным провинциям Афганистана на различных типах воздушных судов...

Спустя несколько месяцев, когда транспортные самолеты стали летать по ночам, родились эти строки:

Ночь темна, только звезды мерцают,
Тишина..., но никак не уснуть,
Это гул самолета прорвался наружу,
И пытается в небе спираль завернуть.

Тем, кто там, им, наверное, туго,
Уши всмятку, прижало к скамье,
Да и прыгать, наверное, глупо,
До земли 2500, я в себе...

Гул моторов всё ближе и ближе,
Подустали работать в кромешной ночи,
Им бы надо бы просто выжить,
Всё спокойно, сиди и молчи.

Ну а летчик, знать парень бывалый,
Заложил свой вираж на второй уж виток,
Без отстрелов идет, и на малом,
Он заваливает на восток.

И с востока, под рев моторов,
В крайний свой, крутейший вираж,
Двести метров осталось, посадка,
Всё, не сбили сегодня вас...

Часть вторая.

На аэродроме Кундуза меня встретил водитель, рядовой Сандуленко Николай. Белокурый парень с Донбасса на командирском бронетранспортере, бортовой номер 350 отвез в распоряжение отдельного батальона. Поездка заняла минут десять, не больше. При въезде в батальон, по обе стороны от ворот, я увидел два крыла, забетонированных в постамент. Это был один из символов нашего батальона, так называемые «крылышки». На входе справа стоял магазин военторга, за ним солдатская казарма. Слева, напротив магазина, какие-то незнакомые мне пока строения. Штаб батальона с пристройками располагался в тридцати метрах прямо перед въездными

воротами. Все помещения были выкрашены в серый цвет. Территория была ухожена, ровные бетонные дорожки, зеленые насаждения, в виде небольших раскидистых, похожих на пальмы, растений. Между штабом и солдатской казармой, рядом с глубоким оврагом, я увидел открытый бассейн, загороженный щитами с плакатами и наполненный водой, который вызвал у меня удивление.

В замешательстве я стоял и не знал, куда же мне идти и что делать дальше. Согласно Уставу внутренней службы, мне необходимо было представиться своему новому командиру части. Кто-то из офицеров сказал, что комбат в бане и придется немного подождать. Через некоторое время меня пригласили в помещение штаба, который одновременно служил и местом для проживания комбата. Моему взору предстала небольшая комната, в которой сидел сержант-писарь, попросивший у меня все документы. Затем меня пригласили к комбату. Я зашел в кабинет-спальню. В кресле сидел худощавый молодой человек, лет тридцати, в махровом халате, в солдатских прикроватных тапочках. Я слегка напрягся и не знал, как обращаться к командиру. Он, видя моё замешательство, сам назвал свое звание, должность и предложил продолжить установленный церемониал. Теперь уже я четко, как учили, отрапортовал:

-Товарищ капитан, старший лейтенант Коряков, представляюсь по случаю назначения на должность командира взвода!

Мы обменялись с ним и присутствующим в кабинете начальником штаба батальона капитаном Никитиным, рукопожатием. Начались расспросы - какое училище я закончил, где служил до Афганистана? Сергей Геннадьевич Перевозчиков, мой новый командир батальона, рассказал о батальоне, о роте, в которой я буду служить, и в чём заключались особенности моей новой службы. Мне предстояло еще одно путешествие - убыть на вертолете в северо-восточную горную провинцию Афганистана, в Бадахшан, на аэродром города Файзабада, где располагалась первая рота батальона.

Комбат выразил сожаление, что время года, в которое я прибыл, было прохладным. Иначе я должен был пройти ритуал, который проходили все, вновь прибывшие офицеры и прапорщики батальона. А ритуал заключался в следующем. Начштаба, под предлогом ознакомления, забирал у офицера все имеющиеся документы, а кто-то незаметно подходил сзади и толкал прибывшего в бассейн. Это было так называемое первое афганское крещение. Если честно, не хотел бы я оказаться в такой ситуации. Может со стороны такая процедура скрашивала афганские будни и выглядела смешно, но для виновника сего события это был дополнительный стресс.

Между тем, быстро наступил вечер. Меня определили на первое время пребывания, до отправки в Файзабад, во вторую роту батальона, которая находилась в километре юго-западнее управления батальона. Нужно было пешком, с чемоданом преодолеть широкий овраг, глубиной около тридцати метров. Тут я впервые увидел и почувствовал, что такое афганская пыль. Эта была не просто пыль, а мучная, мелкодисперсная субстанция. Мои сапоги проваливались в неё, поднимая пыльное облако, которое я хватал своим носом и ртом. Пыль оседала на обмундирование, сапоги и забивалась во все открытые участки. Когда я пришел на заставу второй роты и на свету увидел себя в пыли, долго отмывался, но все попытки были тщетны... С этой пылью я прожил в Афганистане почти два года. Чуть позже я услышал, что за два года в Афганистане военнослужащие увозят по два кирпича в своих легких, это было недалеко от истины...

Я вовремя попал к ужину. Офицеры и прапорщики второй роты сидели за накрытым столом. По случаю знакомства, в знак гостеприимства, или по другой, неизвестной мне причине, старшина разлил по рюмочкам, представляющих собой пластмассовые колпачки от упаковки для хранения и перевозки НУРСов, в обиходе прозванные «нурсиками», домашний самогон. Мое тело расслабилось, обмякло и успокоилось. За разговорами мы просидели недолго. Меня отправили спать на выносной пост первого взвода второй роты. В маленькой землянке, в крохотной комнатенке, я провел первую на новом месте службы ночь.

Часть третья.

Утром из штаба батальона пришло распоряжение о сборе офицеров, для участия в методических занятиях руководителей групп политзанятий, которое проводилось в клубе 201-й мотострелковой дивизии. К назначенному времени собрались все, свободные от службы, офицеры дивизии, в том числе и офицеры нашего батальона, с которыми я виделся впервые. Многих из них, как оказалось впоследствии, я видел в первый и в последний раз, по причине того, что подразделения находились на удалении друг от друга и часть военнослужащих вскоре уехали по замене в Союз, а на смену им прибыли новые офицеры и прапорщики.

Из всех присутствующих я выделялся своей серой повседневной офицерской шинелью и глаженными хромовыми сапогами. Мне казалось, что все смотрят только на меня. Но, как говорится, нет худа без добра. У стены клуба, в компании сослуживцев, я увидел старшего лейтенанта, со знакомой широкой, белозубой улыбкой. Это был весельчак Шура Полянский, мой однокашник по Омскому общевойсковому командному

училищу. Он подошел ко мне, мы обнялись. Он был удивлен и, увидев меня, спросил:

- Юра, ты, что здесь делаешь?

- То же самое, что и ты, Саня, - ответил я. Мы перекинулись с ним новостями об однокашниках. Срок его службы подходил к концу. Он служил командиром роты в Кундузском разведбате. Затем я увидел офицера, с которым служил в 30-й Иркутско-Пинской дивизии, в Чехословакии. Он рассказал, что приехал в сентябре и служит в 149-м мотострелковом полку. В перерыве между занятиями ко мне подошел полковник Шеходанов Владимир Николаевич. Под его началом я служил в Чехословакии, в 30-й гвардейской Иркутско-Пинской, шести орденоносной мотострелковой дивизии. Он запомнил меня по учениям Щит-84, в которых мне посчастливилось принимать участие. Наша мотострелковая рота в составе первого батальона наступала совместно с Венгерской народной армией. Моему взводу выпала честь, на стыке двух дружественных армий, в непосредственной близости от наблюдательной вышки, на которой находились министры обороны стран Варшавского договора, «атаковать» условного противника. В ходе каждодневных тренировок он запомнил мое лицо. И когда мы встретились с ним взглядами уже в Кундузе, приветствовал меня. Спустя десять месяцев, судьба вновь сведет меня с этим офицером. Но это будет совсем другая история. А сейчас мы постигали новые горизонты и методы политического образования в деле воспитания беззаветной преданности и патриотизма своих бойцов.

Часть четвёртая.

Через три дня после моего прибытия в батальон, я впервые должен был лететь на вертолете. Диспетчер указал борт, на котором предстоял полет. Я подошел к указанному вертолету, но один из членов экипажа сказал, что в вертолете нет парашютов. Мне пришлось побегать с чемоданом по вертолетной стоянке, прежде чем я «нашёл» вертолет, в котором был свободный парашют. Это был Ми-6, бортовой № 142 отдельной вертолетной эскадрильи «советников», которая специализировалась на доставке гуманитарных грузов (крупа, мука, сахар и другие продукты) по всему Афганистану. Караван из семи вертолетов Ми-6 и двух вертолетов сопровождения Ми-8 эскадрильи «советников» взял курс на Файзабад. В декабре 1986 года полеты выполнялись днем. Глядя в иллюминатор вертолета, я рассматривал покрытые снегом пики горных вершин. Проплывающий внизу горный пейзаж завораживал.

Из кабины пилотов до меня доносились отдельные фразы вертолетчиков. Выйдя на заданный курс, они вели переговоры между экипажами каравана и открыто сообщали, какой груз доставляется в Файзабад. По статистике, а затем и на личном опыте, я знал, что вертолеты эскадрильи «советников» никогда не сбивали, по причине того, что часть перевозимого груза, в конечном итоге, оказывалась у «духов».

Вертолеты производили посадку, так же как и самолеты, по спирали. Но здесь, в Файзабаде, ситуация усугублялась наличием горного массива, который располагался по периметру узкой поймы реки Кокча. Расстояние от гор до взлетно-посадочной полосы и аэродромных сооружений позволяло прямой наводкой производить обстрел всего того, что летает и передвигается по земле.

По установленной традиции, каждый «караван» вертолетов встречали, в том числе и представители нашей первой роты. По прилету, меня встретил заместитель командира роты, старший лейтенант Арсалан Гомбоев. Он выпускник Дальневосточного общевойскового командного училища, 1983 года выпуска. В этом же году и я закончил училище, поэтому у нас было много общих знакомых-однокашников, с кем мы учились или служили до Афганистана. Арсалан рассказал, что из восьми офицеров и прапорщиков в роте находятся четыре человека. Он и сам, незадолго до моего прибытия лежал в санчасти и лечился от малярии. Остальной командный состав роты лечился в инфекционном госпитале в Кундузе. Не было командира роты, старшего лейтенанта Сергея Ефимкина, командира первого взвода - Артура Егиазаряна, командира второго взвода - лейтенанта Александра Екимовского и замполита роты - лейтенанта Владимира Канушина. В строю оставались старшина роты - прапорщик Игорь Богданович Кузив, техник роты - старший прапорщик Володя Кравцов, Арсалан и вот теперь еще и я, старший лейтенант Коряков Юрий, вновь прибывший командир третьего взвода. Единственный человек нашего небольшого подразделения, кто не подхватил «желтуху» (гепатит) - техник роты Володя Кравцов. У него была коронная фраза - «красные глаза не желтеют...» А всё почему? Да потому, что он почти каждый день дезинфицировал свой организм тридцатью граммами сорокаградусного напитка. Остальные это делали от случая к случаю, поэтому и подхватили заразу. По нему никогда не было видно, что он «подшофе»... Тридцать граммов, для стокилограммового русского мужика, как слону дробина...

Меня переодели в полевую форму-афганку, выдали армейский черный тулуп и представили бойцам. Практически с этого момента началась моя настоящая служба в Афганистане. Застава моего третьего взвода

располагалась в землянке, в трехстах метрах от афганского кишлака Кури. Два поста наблюдения находились в непосредственной близости, через дорогу от кишлака. Землянка, окруженная небольшим каменным забором, на котором стояли гильзы от снарядов, представляла собой заглубленное сооружение со сквозным проходом, обитое изнутри деревянной «вагонкой», сделанной из досок от ящиков из-под реактивных снарядов для «Града». Снаружи стены землянки были усилены большими, округлой формы, камнями, стыки между которыми промазаны глиной. Небольшие оконные проемы, которые на ночь завешивались светомаскировкой, одновременно служили бойницами. Солдаты спали на двухъярусных кроватях, рядом со входом, у стены стояли пирамиды с оружием и боеприпасами. На спинках кроватей висели бронежилеты. В отдельном месте, в землянке, находилось помещение для приема пищи. Рядом со спальным помещением располагалась маленькая канцелярия командира взвода, на одной из стен которой висел щит взводной документации, закрытый плотной тканью. В этом же помещении была оборудована небольшая спальная комната, со встроенными деревянными нарами и креслом, сколоченным из двух ящиков от выстрелов ПГ-7.

Часть пятая.

Я начал свою службу со знакомства с подчиненными. Молодые парни, немногим старше восемнадцати лет, почти ровесники моего брата, представляли срез нашего общества. Они были из семей простых родителей, разных национальностей, призванных из разных регионов нашей огромной страны. Солдаты выглядели замученными не только экстремальной обстановкой, но и чем-то ещё, пока непонятным для меня. Я видел в глазах почти всех своих бойцов тоску, печаль и безысходность. Лица многих были не бриты и грязны. Обмундирование и постельное белье давно не стираны. Я видел, как бойцы чесали в кровь свое тело, из-за паразитов. Мне нужно было как можно быстрее разобраться с этим состоянием всеобщего хаоса и привести их «к нормальному бою».

Днем, замкомроты провел меня пешком по всем заставам и постам наблюдения нашей роты. Маршрут составлял чуть более пяти километров. За ночь необходимо было пройти этим маршрутом два раза и проверить, как осуществляется дежурство в роте в ночное время.

Помню свой первый проход по периметру, который начался от управления роты. В подразделении была установлена особая система паролей и отзывов, которая сообщалась личному составу каждый день, в момент отдачи приказа и постановки задач на охрану и оборону зоны

нашей ответственности. Вечером выпал снег, который продолжался всю ночь, и то, что было понятно и очевидно днем, ночью приобрело совершенно другие очертания и ориентиры.

Первым пунктом моего дежурства был наблюдательный пост первого взвода, который находился в центре нашей роты. Я двигался по незнакомой мне местности самостоятельно. При мне был мой личный автомат и два магазина с патронами. Приблизившись к месту, где по моим ощущениям должен был находиться наблюдательный пост, меня никто не окрикнул (на самом деле, до поста надо было пройти еще пятьдесят метров). Я проследовал дальше и слегка напрягся, сделал ещё несколько шагов и услышал, как сзади меня, метрах в десяти, кто-то чертыхнулся. У меня по спине потекли холодные капли пота. Никакого установленного окрика в мой адрес не последовало. Конечно, я испугался, но, слава Богу, никто этого не видел... Спустя небольшую паузу выстрелил на звук. Наутро, мы с Арсаланом по отпечаткам следов от обуви на свежем снегу определили, что кто-то неизвестный хотел проверить нас на прочность и бдительность.

Две пары афганских калош уходили в сторону горной реки Кокчи. Река была своеобразным барьером между афганской стороной и расположением нашей роты, быстрое течение которой не позволяло спокойно форсировать её. Тем не менее, несмотря на холодное время года, кто-то смог переправиться и выйти к нашему посту...

По рассказам моих сослуживцев, летом 1985 года, на бортовом ГАЗ-66 с ёмкостью, бойцы решили привести в роту воды для помывки личного состава. Грузовик заехал в реку чуть больше допустимого, и бурным потоком автомобиль утащило ближе в середине реки. Хорошо, что обошлось без жертв. Только спустя несколько недель, когда уровень реки спал, автомобиль удалось вытащить из реки. Единственным материальным ущербом была утрата одного автомата, который мы нашли на берегу реки летом 1987 года.

Под утро я пошел на второй круг. Уже светало. Мое первое дежурство близилось к завершению. Я подходил к своей заставе, которая находилась на противоположной стороне взлетно-посадочной полосы. Совершенно неожиданно, со стороны расположения отдельной роты аэродромного обеспечения, в мою сторону бежали четыре разъяренных псины. Три серые собаки, с обрезанными ушами, южно-азиатские овчарки огромных размеров, лаяли и кидались на меня, четвертая, рыже-белого окраса, хитро, без звука забегала за мою спину и тайком пыталась напасть. Позже я узнал её кличку – «Наташка-провокатор». Я схватил автомат за ствол двумя руками и стал отмахиваться им как палкой. В панике, я забыл, что у меня в руках оружие.

Со стороны вся эта картина выглядела комично, но мне точно было не до смеха. И вот когда я совсем устал размахивать автоматом, вспомнил, что у меня в руках есть надежное средство обороны. Я перехватил автомат, одним движением снял оружие с предохранителя, передернул рычаг затворной рамы и готов был пристрелить эту безумную свору. Услышав звук затвора, стая собак, как по мановению волшебной палочки, остановилась. Лай собак прекратился, разъяренные псы успокоились и ретировались в свои будки...

Усталый, с чувством исполненного долга я завалился на свою кровать. Проснулся от того, что кто-то щекочет меня по носу. Я открыл левый глаз и увидел, как рядом с моей правой щекой на подушке сидит мышь и её хвост то и дело касается моего носа. Спросонья, не поверив своим глазам, я перевернулся на левый бок. Тут моему взору предстала еще одна мышь, которая спокойно расположилась на другой стороне подушки. Я пулей выскочил из постели, а сон, как рукой сняло....

К обеду снег растаял. На улице образовалась грязь, слякоть и лужи. Небо в плотных черных тучах. По полевому телефону из управления роты поступила команда, срочно всем, незадействованным в несении службы солдатам, прибыть в расположение управления роты. Взвод сломя голову побежал к месту сбора. Усталый после ночного дежурства, я побрел за ними. Выйдя за границу заставы, в луже я увидел пачку разбросанных афганских купюр, собрал все денежные знаки, которые видел в первый раз. Приближаясь к управлению, увидел и поднял ещё несколько сотенных бумажек. Для меня эта картина была неожиданной.

На построении роты объявили, что ночью, в расположении второго взвода, на одном из наблюдательных постов, корова «не ответила на пароль». Да, бывает такое. Корову выпустили из стойла, непредсказуемое животное по ошибке побрело в известном только ей направлении. Боец, стоящий на посту, в крошечной мгле услышал чьи-то шаги, окрикнул:

-Стой, пароль?

Отзыва не последовало. На звук шагающего объекта в одно мгновение он произвел короткую очередь. Утром мирные жители кишлака Баймаласы не досчитались «Зорьки» в своем стойле. По мусульманским обычаям животному должны были перерезать горло и выпустить кровь, но так как животное пролежало до утра, этого никто не сделал. Дехкане принесли кормилицу на носилках на заставу и просили выкупить её у них. Мы через переводчика – таджика, объяснили, что им самим необходимо было следить за «Зорькой» и не выпускать корову на прогулку в ночное время и, что это их проблемы, а не наши заботы. На том и разошлись. Народ поднял носилки с животным и удалился восвояси....

Я подошел к Арсалану, показал вымазанные в грязи афгани. На лице заместителя командира роты промелькнула легкая ухмылка.

- Наверно бойцы испугались, что их будут проверять и избавились от пайсы (афганских денег), - тихим голосом, почти полупшепотом произнес Арсалан.

- Откуда столько денег у бойцов? – переспросил я.

- Чуть позже все расскажу и покажу, – ответил он.

- И что нам с этим богатством делать? – недоумевал я.

- Оставь пока себе до приезда ротного, потом решим, на что их использовать.

Такого поворота событий я не ожидал. Мы прошли по тропинке, ведущей к моей заставе, и подняли ещё несколько бумажек разного достоинства. Наметанный взгляд Арсалана увидел в грязи ещё и лепешки чарса (афганский гашиш)... Нет, я, конечно, слышал, что в Афганистане этого добра хватает, но я не думал, что это все безнадежно рядом и что это явление когда ни будь, окажется близко ко мне...

Подойдя к заставе, мы построили личный состав взвода. Опытным взглядом Арсалан осмотрел бойцов и сразу определил, чьих рук это дело.

Арсалан отвел меня в сторону и показал на командира отделения, младшего сержанта Климова, он был родом из Фрунзе.

- Обрати на него внимание, сейчас не предпринимай резких движений, понаблюдай за младшим командиром, - посоветовал зам. комроты...

Почти все солдаты во взводе были одного призыва. Большинство военнослужащих отслужило не более полугода. Из всех бойцов моего взвода выделялись рядовые: Саша Шапран из города Энергодар Запорожской области Украины, Мансур Рябиков из Тобольска, Миша Аспидов из Моздока, Игорь Карпюк из Тулы и Костя Чугуряну из Молдавии. Парни brave, три месяца перед Афганом проходили службу в учебном полку в Чирчике, их готовили в разведчики.

Шапран, вылитый Рэмбо, с приятными чертами лица, белозубой улыбкой, косая сажень в плечах, высокий и стройный запорожский казак. Мансур, застенчивый молодой человек, но в боевой работе – зверь. Миша, рубаха-парень, любитель пообщаться на разные темы. Костя, слегка в себе, немногословный, хозяйственный парень из молдавской деревни. Игорь – интеллектурал и борец за справедливость...

В дальнейшем, все пятеро стали моей главной опорой во взводной жизни. Они хоть и самые младшие по призыву, но спуску никому не давали.

Под предлогом проведения комсомольского собрания взвода я собрал подчиненных в столовой. Саша Шапран был взводным комсоргом. Он начал собрание, я как старший товарищ выступил со вступительным словом.

Мне было важно вывести своих ребят на откровенный разговор. Я напомнил им, что в любой ситуации необходимо быть со своей совестью в ладу. Я говорил прописные истины: о том, что всех их ждут на родине близкие и родные люди. Что для людей не придумали запасных частей, чтобы они поддерживали друг друга в самых трудных ситуациях и были как одна семья. Нам всем нужно было вернуться домой. Вот лейтмотив моего выступления. Кто-то сидел и смотрел стеклянным взглядом сквозь меня, но подавляющее большинство солдат, мои слова задели за живое. После моего вступительного слова, комсорг встал во весь свой богатырский рост и стал «резать» правду-матку....

Всё, что было сказано Шапраном, он сделал открыто и честно. Бойцы устали жить и служить под постоянным давлением старослужащих из других взводов, особенно первого. Те часто использовали моих солдат для выполнения «специфических поручений». Мне и в голову не могло прийти, что в Афганистане была дедовщина. Я, наивный человек, полагал, что военнослужащие, объединенные одной большой и важной задачей, которая сопряжена с каждодневным риском для жизни, могут по-свински относиться к младшим призывам. Озлобленный на своё униженное положение солдат, способен выместить свою обиду в бою.

Речь зашла и о младшем сержанте Климове. Худощавый, со впалыми щеками, небольшого роста, тщедушный и безобидный на вид, Климов был наркоманом со стажем. Судя по всему, попробовал и пристрастился к этой заразе он ещё на гражданке, в Киргизии. Взводные материальные ценности младший сержант тайком менял в кишлаке на наркотик. Сослуживцев тоже не устраивала такая ситуация, поэтому мы вместе приняли решение, помочь ему и попытаться избавиться от пагубной привычки, полностью ограничив его контакты с местным населением. Не сразу, но это возымело свои плоды.

Мне, двадцатичетырехлетнему старшему лейтенанту, необходимо было взять ситуацию под особый контроль и личную ответственность за каждого солдата, словно бы они все, мои родные братья. В общем-то, на самом деле, так оно и было. В последующем я стал для них одним большим щитом, за которым мои подчиненные чувствовали себя спокойно и уверенно. В свою очередь и они платили мне достойным отношением к службе.

Совместными усилиями мы привели свое жилище в нормальное состояние. Несмотря на декабрьский холод, в походных условиях, постирали обмундирование и прокипятили постельное бельё. Раз в неделю устраивали банный день. Я увидел, как по-особому засветились лица моих бойцов, они почувствовали вкус к жизни. Мы стали усиленно заниматься спортом. И

каждодневная рутинная служба стала приносить свои положительные результаты.

Часть шестая.

Спустя две недели после моего прибытия в роту, ночью, во время своего дежурства, я вновь проверял посты. Проходя по позициям первого взвода, я обнаружил, что на посту возле афганской пересылки Файзабадского аэродрома, два наблюдателя, откинув свое оружие в сторону, спят мертвецким сном. По установленному в таком случае поводу я произвел в воздух три коротких очереди из автомата. Бойцы на заставе должны были подняться по тревоге и прибыть на боевые позиции. Никакого движения со стороны заставы первого взвода не наблюдалось. Я проследовал в расположение первого взвода. Спустился в землянку и увидел сидевшего за столом, в полумраке, подсвеченного «летучей мышью», дежурного сержанта, который так же спал, опустив свой лоб на стол, положив под него шапку-ушанку. Я скомандовал:

- Застава в ружье!

В ответ была тишина, и лишь кто-то из старослужащих, кого я не видел в темноте, буркнул нечленораздельную фразу. Я не стал никого уговаривать и предупредил, что если команда не будет выполнена, на счет ТРИ, буду стрелять. Вновь чьи-то уста выдавили непере译имый текст, означавший примерно следующее: я должен был отвалить подобру-поздорову, пока меня тут же не пристрелили и не закопали в отхожей яме.... Короткой очередью над кроватями я прервал монолог солдата-старослужащего. Народ на кроватях не ожидал такой реакции и слегка напрягся. В ту же секунду, из угла выскочила громадная «горилла», которая скачками направилась в мою сторону. Я спокойно успел подняться из землянки на улицу. Встав напротив выхода, внизу показалась голова рядового Сарсенбаева, руки которого нервно сжимали автомат. Выбежав со света в темноту, он не увидел меня. Я воспользовался внезапностью и приставил ствол своего автомата к его лбу.

- Ещё одно движение и ты труп, - чуть слышно произнес я...

Секундное замешательство, он быстро принял правильное решение и опустил оружие.

- Я всё поняль, товарищ старший лэйтнант, всё, всё, товарищ старший лэйтнант, - заблеял Сарсенбаев.

Что нужно было делать мне в такой ситуации, я не знал. Решения и действия были спонтанными, но как оказалось в дальнейшем, единственно

правильными. Тогда, в целях воспитания коллективной ответственности, я вместе с первым взводом провел в окопах почти целый день. Солдаты и я принимали пищу в окопах, я проводил с ними душещипательные разговоры «за жизнь» и видел, как меняется их настроение. Ближе к концу светового дня, когда все, в том числе и я, продрогли насквозь от сырой и мерзкой погоды, ко мне подошли виновники «прекрасного времяпровождения на лоне природы», во главе с рядовым Сарсенбаевым. В присутствии всего взвода, они попросили прощения и заверили, что впредь ничего подобного больше не повторится.

До их дембеля оставалось несколько недель. Никто не хотел проблем перед встречей с родными...

Часть седьмая.

Ближе к Новому году из госпиталя вернулись все вылечившиеся офицеры. Я познакомился со своим ротным Сергеем Ефимкиным. Сергей был сухим, можно сказать худощавым, с острым кадыком, двадцатичетырехлетним молодым человеком, с зычным командирским голосом, заряжающим своей неуёмной энергией. Поначалу я чувствовал его настороженность по отношению ко мне, но через некоторое время он увидел, каким стал мой третий взвод. Он видел моё отношение к службе. Может быть, до него дошла история с дембелями первого взвода. Большим плюсом было то, что я быстро освоился с окружающей действительностью.

В течение нескольких дней я написал пару-тройку текстов и положил их на мелодии известных песен. При случае, я исполнил их в нашей офицерской столовой. Незамысловатые, в шутливой форме тексты песен-переделок создавали неформальную атмосферу. Это приветствовалось в армейской среде. В дальнейшем я написал цикл таких песен-переделок, стихов и даже поэму... Мы не заикливались только на службе, у нас была своя, особая армейская жизнь. Общими усилиями мы вместе раскрашивали суровую действительность новыми красками....

За неделю до празднования Нового 1987года, Сергей предложил съездить в Файзабад. Благо в нашем распоряжении были, найденные мною, афганские деньги, которые я решил сдать ротному, когда тот приехал из госпиталя.

Ранним утром, когда солнце не успело показать свои лучи из-за гор, мы вдвоем с ротным и ещё парой солдат, в полном снаряжении сели по-боевому в БРДМ-2 и поехали в город. Проезжая мимо кишлака Кури, я отчетливо услышал, что в борт БРДМа кинули горсть камней. Как оказалось

позже, это была автоматная очередь, которая оставила на броне недвусмысленные следы...

Дорога пролегла вдоль горной речки Кокча. По правую сторону узкой колеи свисала отвесная скала, которая местами едва не задевала за броню. На некоторых участках дороги, практически невозможно было разъехаться с впереди идущими гужевыми повозками и уж тем более с барбухайками (афганским грузовым автомобильным транспортом).

Мы въехали в Файзабад, по мосту переехали через Кокчу, повернули налево и оказались на главной торговой улице города. Дуканы представляли собой старые деревянные, полуразвалившиеся торговые лавки, на дверцах которых и внутри, в хаотичном порядке был выложен товар, от изобилия и ярких красок которого разбегались глаза. Солдаты заняли оборону. Мне нужно было закупить для взвода мыльно-пузырные принадлежности, белую ткань для подворотничков и ручки с цветной пастой. Конечно, мне хотелось приобрести что-то и для себя. У меня не было часов. На прилавке я увидел японские часы разных марок. Мы подошли к дукаднику Ибрагиму, который позиционировал себя, как дукандор, у которого есть всё, что необходимо покупателю. Я спросил у него часы, с синим циферблатом, на что уважаемый торговец ответил по-русски:

- Уважаемый, в Файзабаде нет, - сие означало, что если у Ибрагима нет, то и во всём Файзабаде таких часов нет.... Мы одобрительно переглянулись с Сергеем, услышав такой довод. Я выбрал себе RICON AUTOMATIC. Ибрагим оценил мой выбор. Он подкурил сигарету, приставил её огонек к часам, показывая, что это настоящий хрусталь, а не какой-нибудь пластик и предложил положить часы под колеса бронемашины, на что получил категорический отказ со стороны ротного.

Возвращаясь обратным маршрутом, на левом берегу реки, в центре Файзабада, Сергей показал на три, одиноко стоящих, высоких хвойных дерева. Метров десять на стволе дерева не было ни одного сучка и веток. Вся крона располагалась на макушке

- Надо чтобы к Новому году одна елка была у нас в роте, - вслух поделился своими мыслями ротный.

Сказано, сделано...

Мы тщательно разработали план операции по захвату елки и через два дня снова были в Файзабаде. Во время утреннего намаза и омовения, по всем законам военного искусства, выставили группу прикрытия, организовали группы захвата и обеспечения. Самый ловкий и цепкий Игорь Карпюк, в одно мгновение забрался на макушку дерева, быстро отпил кончик елки высотой около полутора метров, оставив большую часть кроны нетронутой,

скинул её вниз. Саня Шапран с Мансуром Рябиковым перевязали елку простыней и кинули её в люк командирского бронетранспортера, с закрашенными номерами. Вся «операция» длилась не многим более трех минут. Мы спокойно выехали из города и вздохнули полной грудью. У нас в первой роте, на весь Бадахшан, была своя настоящая ёлка!!!

Теперь её необходимо было нарядить. Игрушек нет, гирлянд нет, мишуры тем более, нет. Как известно, из каждой безвыходной ситуации, есть как минимум два выхода...

Из ЗИПа бронетранспортёров мы собрали лампочки, спаяли их последовательно в гирлянду, рассчитав необходимое количество штук. Затем цветной пастой из стержней для авторучек выкрасили их. Мишуру, тонкими полосками серебристого цвета, нарезали из полиэтиленовых пакетов для трупов. Игрушки сделали солдаты из подручных материалов.

К встрече Нового 1987 года первая рота готова!!!

Наш старшина Игорь Богданович Кузив, выходец из Западной Украины, небольшого роста и плотного телосложения, слегка лысоватый прапорщик, тоже готовился к праздничному мероприятию. Имея такого старшину, профессионала с большой буквы, бойцы нашей роты, и мы офицеры, никогда не испытывали проблем с обеспечением всеми видами довольствия. Надо отдать должное пробивной способности Богданыча. У нас частенько в рационе имелись дефицитные продукты питания, которые не всегда были на столе у командира фэйзабадского отдельного полка. Игорь Богданович встречал вертолетные караваны с грузом из Кундуза и первым узнавал, что сегодня привезли в наш гарнизон. Как-то раз поступила свежемороженая «красная» рыба. Практически вся, без остатка, она оказалась у нас на складе. Богданыч засолил её в дубовом бочонке и на протяжении трех месяцев кормил нас этим деликатесом по утрам. На всех складах гарнизона служили его земляки, славные представители украинского народа. Имея разветвленную сеть поставщиков, Игорь Богданыч щедро расплачивался с ними, установленной в Афганистане «валютой» - самогоном. А самогон у Богданыча был знатный, после употребления, которого не было никаких последствий измененного сознания, потому что как он сам выражался:

-У меня-мэдь....,- так как самогонный аппарат сделан из медных трубок, которые не окисляются. И еще он использовал активированный уголь для фильтрации произведённой продукции.

Праздник вдали от родных, да ещё в такой непривычной обстановке, в мужском коллективе – это особый случай. Вечером на построении, ротный поздравил всех военнослужащих, приказав всем нам вернуться живыми

домой! Силами поваров был приготовлен праздничный ужин, главными деликатесами которого были пельмени и вареники. Фарш для пельменей представлял собой прокрученную через мясорубку тушенку с обжаренным луком.

В каждом взводе солдаты скидывались деньгами и закупали сладости и другие вкусные штучки в местном магазине военторга.

Отличительной особенностью праздничных мероприятий было приготовление большого торта на весь взвод, который едва умещался на столе. Покупалось несколько коробок югославского печенья, которое замачивалось в каком-нибудь соке или SiSi (газированный аналог Фанты). Часть сухого печенья измельчалась до однородной массы, в него вмешивалось сгущённое молоко. Это был крем для промазки слоев вымоченного в соке печенья. Затем все это вкусное безумие соединялось, и последний верхний слой заливался вареной сгущенкой. Ягодами из компота выкладывалось поздравительное приветствие...

Новый год встречали несколько раз, по числу часовых поясов большой страны, откуда приехали офицеры и прапорщики нашей роты. Первым был Арсалан Гомбоев - он из Читы, потом я из Красноярского края, дальше замполит роты из Новосибирска. По местному времени праздник отмечала вся рота. По московскому времени отмечали все остальные ребята из западной части нашей необъятной Родины...

С боем Кремлевских курантов небо над аэродромом и горными заставами расцветало от трассирующих пуль, сигнальных и осветительных ракет. Автоматными очередями дембеля выписывали в небе воображаемый «ДЕМБЕЛЬ – 1987!!!»

Встретив долгожданный праздник, я как самый «молодой» в нашей роте, в Афганистане взводный, пошел проверять посты наблюдения, заодно еще раз поздравить всех, кто находился на службе. Зайдя на заставу первой роты, я увидел Айдара Сарсенбаева. Он подошел ко мне, в почтении склонил голову, сложил мои руки в свои и произнес важные для него и меня слова:

- То, что произошло между нами, послужило для меня хорошим уроком, который я буду помнить всю жизнь. Я уважаю вас, как мужика и как офицера. На вашем месте я поступил бы точно так же...

Я молча положил ему руку на плечо и ответил:

- Ягши, ягши (хорошо, хорошо)... Все будет хорошо...

Часть восьмая.

1 января 1987 года, после утреннего развода и разбора ночных праздничных «полетов» (несения ночного дежурства) офицеры и прапорщики роты собрались в офицерской столовой. Иллюминация сверкала огнями, приятная обстановка способствовала легкой расслабленности после моего ночного дежурства.

По телевизору шел репортаж хоккейного матча из Канады. Мы мирно обсуждали перипетии происходящего в хоккейной коробке, как вдруг, недалеко от нас раздался взрыв. Наблюдатель забежал в столовую и сбивчивым голосом сказал, что рядом со сбитым несколько лет назад афганским Ан-26-м, увидел черный дым от гранаты...

Все сидевшие в столовой офицеры и прапорщики вышли на улицу и поднялись на землянку продуктового склада, чтобы оценить произошедшее. Тут же прозвучал еще один взрыв, черный дым от которого могли видеть уже и мы.

Сергей, Арсалан и я вскочили на бронетранспортер и поехали туда, где прогремел взрыв. Подъезжая к предполагаемому месту взрыва, метрах в ста пятидесяти от самолета, увидели толпу офицеров и прапорщиков отдельной вертолетной эскадрильи. Мы остановились у самолета. Рядом с ним стоял офицер, руки которого были скрыты зимним офицерским бушлатом. На лице лейтенанта красовались сизо-желтые разводы и ссадины. Белёсые волосики усов торчали в разные стороны. Внешний облик вертолетчика был не свеж и слегка потрёпан. На вид ему было не больше двадцати трех лет.

Мы спрыгнули с бронетранспортера, подошли к виновнику чрезвычайного происшествия. Из толпы вертолетчиков отделились две фигуры, это были заместитель командира 181 отдельного вертолетного полка - подполковник Ильдуз Минибаевич Халитов, который командовал сводным отрядом вертолетчиков в Файзабаде, со своим заместителем. Наш ротный Сергей Ефимкин, жестом, не терпящим возражений, остановил приближающихся офицеров.

- Что случилось? - спросил Сергей у летуна. В ответ не последовало никаких намеков на диалог.

- Родной, давай будем говорить, - терпеливо не унимался ротный.

- Первый, второй, третий, я четвертый, ахтунг, взлетаем,- указывая пальцем, посчитал нас и себя вертолетчик.

Каждый из нас троих подумал, что эта фраза, озвученная офицером, имеет отношение к пилотскому сленгу и означает одновременный взлет

группы вертолетов... В этот момент, кто-то из толпы крикнул, что у него в карманах может быть граната. На обледенелой кромке лужи лежало кольцо, с согнутыми усиками предохранительной чеки. Такого поворота событий мы явно не ожидали. Судя по тону произнесенной фразы, стоящего перед нами человека, вертолетчик намеревался сиюминутно исполнить озвученную им «команду». Нужно было немедленно что-то сделать, чтобы вывести его из оцепенения и предотвратить надвигающуюся угрозу. Счет шел на секунды.

-Слышь, брат, как тебя зовут? Меня Арсалан, - вступил в диалог замкомроты....

-...Коля, - через затянувшуюся паузу ответил офицер.

- Что случилось, Коля? – продолжил Арс.

- Да ничего, сука она...,- процедил сквозь зубы Коля.

- Кто сука? – подхватил Серега.

- Да эта, шалава Верка, - выдавил из себя Николай.

Хоть какая-то картина произошедшего начала проясняться. Оказалось, что во время празднования Нового года, официантка отдельной вертолетной эскадрильи, Вера Носкова, одна из четырех представительниц женского «ограниченного контингента», которые территориально относились к вертолетной эскадрильи, годящаяся Коле в матери, явилась яблоком раздора и конфликта среди офицеров.

- Ну и что, давай сейчас всех разбомбим и нас всех четверых увезут в цинках на Родину. Маме с папой лучше сделаешь? Они тебя и нас троих живыми ждут домой, а мы тут в цинке нарисовались...,- начал партийно-воспитательную работу я.

- Где граната? – перехватил инициативу ротный.

- Здесь..., - слезливым взглядом указал на правый карман, спрятанную от посторонних глаз гранату, летун. Горе вертолетчик и сам уже решил закончить своё шоу, поэтому выторговывал у нас привилегию - не причинять ему физическую боль. Мы заверили его в полной неприкосновенности и приступили к изъятию гранаты из кармана.

Арсалан взял Колину руку, вытащил её из кармана, и мы увидели синий от напряжения кулак, в котором как в клещах была зажата граната Ф-1.

-Давай осторожно, по пальчику, разжимай..., - тихим голосом произнес Серега. Вертолетчик, с помощью ротного начал по очереди разжимать пальцы на гранате. Арсалан стал удерживать рычаг гранаты. А я разговорами отвлекать Колю....

Наконец, граната оказалась в руках у Арсалана. Он отошел с ней метров десять в сторону и бросил её в глубокую траншею. Гулкий взрыв

эхом раскатился среди гор.... Хотелось тут же вмазать этому сморчку, но обещанная неприкосновенность не позволила выплеснуть копившуюся всё это время злобу....

К нам подбежали командир отряда со своим заместителем и ещё несколькими офицерами эскадрильи. Мы гарантировали Николаю полную неприкосновенность и попросили офицеров не применять к нему репрессивных мер. Вертолетчики скрутили Колины руки и увели в казарму.

Подполковник поблагодарил нас и рассказал предысторию того, что случилось ранним утром. Наши предположения подтвердились.

Во время празднования Нового года Коля проявил к Вере недвусмысленные знаки внимания. Она улыбалась всем присутствующим мужчинам. Николай под воздействием алкоголя ошибочно предположил, что эта лучезарная улыбка предназначалась исключительно для него, и предложил Вере уединиться с ним в укромном месте, но у женщины были другие планы и предпочтения. В конечном счете, Николай получил от Вериных воздыхателей по полной программе, обиделся и решил выместить свою обиду на сослуживцах, устроив охоту с гранатой на тех, от кого «выхватил» накануне.

Никто точно не подсчитывал, сколько представительниц прекрасной половины человечества приходилось на одну тысячу молодых, здоровых, сильных и отважных мужиков в Афганистане. Думаю немного. Оттого, в силу различных причин, возникали подобные ситуации в воинских гарнизонах ограниченного контингента.

Через два дня лейтенанта отправили в Союз. Так бесславно закончилось выполнение интернационального долга в Республике Афганистан для боевого вертолетчика отдельной файзабадской вертолетной эскадрильи...

Часть девятая.

После инцидента с горе-возлюбленным вертолетчиком, благодаря подполковнику Халитову и нашему ротному старшему лейтенанту Сергею Ефимкину, между командованием наших подразделений завязались приятельские отношения.

Каждый день своими глазами мы видели боевую работу вертолетчиков. Это поистине адский труд, сопряженный с огромным риском для жизни. Прогрев двигателей начинался в пять часов утра. Вертолетчики проходили медицинское обследование, уточняли и корректировали задачи на день полетов. Затем осуществлялась загрузка необходимых грузов и

групп военнослужащих 860-го отдельного мотострелкового полка, для доставки на точки всего необходимого для выполнения боевой задачи, начиная от боеприпасов, продовольствия и воды, заканчивая углем и дизельным топливом. Во время боевых операций вертолетчики осуществляли огневую поддержку наземных подразделений.

Запомнился эпизод, когда четыре «вертушки» Ми-24 на наших глазах «обрабатывали» близлежащий кишлак, становясь в так называемую «карусель», по очереди заходя на цель и выпуская на неё огненный шквал из своего вооружения. За день вертолетчики производили до сорока вертолето-вылетов. Тяжелая мужская работа оказывала негативное психологическое и физическое воздействие на организм вертолетчиков, поэтому в отличие от остальных военнослужащих ограниченного контингента, они служили по году и заменялись в Союз.

В редкие минуты отдыха, вертолетчики приглашали нас на волейбольные баталии и на просмотр кинофильмов на открытой площадке в вечернее время. На территории эскадрильи находился магазин военторга, в который, до установления неформальных отношений между командованием соседствующих подразделений, наших солдат старались не пускать. Простые вертолетчики, члены экипажей, ревностно относились к посещениям якобы «своей» торговой точки, думая, что наши солдаты «скупают весь магазин».

23 февраля Сергей пригласил командира сводного отряда, с заместителем, отпраздновать профессиональный праздник – День Советской армии и Военно-морского флота, а заодно и свой день рождения. Кроме вертолетчиков на праздничные мероприятия приехали заместитель командира 860-го отдельного мотострелкового полка - майор Ториханов, командир группы ГРУ в провинции Бадахшан – капитан Мамедов Алиджан и другие высокопоставленные ответственные товарищи.

Мы заранее готовились к этому событию. Каждый взвод подготовил свою программу. После праздничного построения, рота выдвинулась к футбольному полю, на котором и происходили наши выступления.

Первый взвод подготовил программу одиночной строевой подготовки и в составе мотострелкового взвода. Были показаны приемы обращения с оружием. Второй взвод показал эвакуацию раненых с поля боя различными способами. Мой третий взвод выполнил базовые комплексы рукопашного боя, в составе двадцати человек и показывал приемы самообороны.

Завершающим аккордом было исполнение нашей ротой строевой песни - «День Победы» Давида Тухманова, которую разложили на два

голоса. Единственным негативным моментом была пасмурная, дождливая погода, но и она не омрачила праздник, удавшийся на славу.

Всё мероприятие прошло торжественно и динамично, без каких-либо заминок. Пригашенные гости были в восторге. Особую благодарность высказал майор Ториханов. Он удивился выучке наших солдат и выразил надежду на возможность передачи этого опыта своим подчиненным. Впоследствии мы участвовали в аналогичных мероприятиях, на стрельбище отдельного мотострелкового полка, почетными гостями которого были представители афганской армии.

По завершении наших выступлений, Сергей пригласил гостей в здание строящейся бани, которая трансформировалась в столовую, на званый ужин. Такие мероприятия, особенно в непривычной обстановке, сближают людей. Два офицера нашей роты, Арсалан и я, контролировали ситуацию и не позволяли себе лишнего, потому что, несмотря на праздники, в подразделении должны оставаться адекватные командиры, способные принимать правильные решения. Это было непреложным правилом нашей роты.

Спустя час после начала ужина, с разрешения виновника торжества, командир эскадрильи отдал команду своему заму, пригласить двух продавщиц магазина и разбавить мужской коллектив женским присутствием. Через полчаса за нашим столом сидели две представительницы прекрасной половины: Галина, выше среднего роста и плотного телосложения женщина, настоящая кубанская казачка и Надежда, примерно такой же наружности, средних лет женщина. Галя под села к Ильдусу Минибаевичу, а Надя к его заместителю. Обе вели себя достойно и были приветливы, настолько, насколько позволяла незнакомая компания. С приходом женщин, мужская половина преобразилась, было заметно, как в два раза красноречивее стали произноситься тосты, как каждый из присутствующих хотел рассказать более смешной анекдот или историю, чем предыдущий оратор. Все мужики хотели обратить на себя внимание, но приоритеты были расставлены тогда, когда дамы расселись по своим местам и все попытки каким-либо образом поменять устоявшийся порядок, разбивались о равнодушные взгляды продавщиц. В конце ужина Сергей попросил меня спеть пару песен-переделок под гитару, я с удовольствием сделал это. После выступления, попрощавшись с гостями, со спокойным сердцем я отправился к себе на заставу, для подготовки к ночному дежурству.

Часть десятая.

После очередного ночного обхода, я отдыхал у себя в комнате, писал письма на Родину, вкладывая в каждый конверт фотокарточку популярной актрисы из Боливуда. В этот раз это была индийская актриса Пунам Дхилон.

Мой замкомвзвода старший сержант Рахмонов готовился отметить свой день рождения. С этой целью он отправился в магазин, чтобы закупить необходимые сладости к праздничному столу. Через полчаса Рахмонов пришел на заставу с пустыми коробками и запиской от казачки Галины Владимировны, в мой адрес. Галя отказалась продавать печенье и соки в больших количествах, а в записке написала: «Не хотел бы взводный прийти в магазин и лично попросить у неё за своих подчиненных»... Я понимал, что это был повод для завязывания неких отношений. В мои планы не входило более тесное знакомство с этой женщиной. Она была на несколько лет старше меня, к тому же все знали, что Галя имеет отношения с высокопоставленным руководством.

Под жалостливым взглядом сержанта, я нашел в себе силы сходить в магазин. При моем появлении, Галя расплылась в улыбке. Мы поздоровались. С каменным лицом я попросил Галину Владимировну продать пару коробок печенья и далее по списку, на что продавщица неожиданно заявила моим бойцам:

- А не слабо ли купить своему командиру кроссовки?

- Не слабо,- ответил Рахмонов. Он обвел взглядом прилавки и полки на стене. На прилавке стояли серые кроссовки PUMA, на липучках, и еще какая-то импортная обувь. В ответ на Галино обращение сержант предложил ей выбрать для себя любые женские туфли. Галина не ожидала такого поворота событий и без паузы указала на пару красных, на высоком каблуке австрийских туфель.... Сержант, молча, заплатил за обувь. По выражению Галиного лица было видно – она в шоке от широкого жеста сержанта и быстро убрала туфли с полки. От кроссовок я отказался, потому что это был перебор...

На обеде, в офицерской столовой, я рассказал Сергею и Арсалану историю, случившуюся со мной в магазине. Все одобрительно посмеялись и высказали претензию в мой адрес о том, что нельзя упускать благоприятную возможность иметь взаимовыгодные партнерские отношения с представительницами торговой организации на территории вертолетной эскадрильи. Ротный, почти в приказном порядке, призвал меня буквально броситься под танки, ради возможности беспрепятственно покупать в магазине товары. Зная способности Сергея, я предложил ему самому

поступить подобным образом. Серега ответил, что у него нет шансов, в отличие от меня. Но я - то знал, он лукавил...

Часть одиннадцатая.

В начале апреля 1987 года к нам с проверкой прилетел командир батальона - капитан Перевозчиков С.Г., с начальником службы артиллерийских вооружений батальона - старшим лейтенантом Афониним. Я узнал, что Сергей Ефимкин и Сергей Перевозчиков до Афганистана служили в одном батальоне прославленной гвардейской Кантемировской танковой дивизии. Капитан Перевозчиков был ротным, а Сергей – командиром взвода. Потом оба получили повышение по службе. Комбат первым прибыл в Афган, Сергей приехал чуть позже. Бывают и такие совпадения....

В армии есть выражение: «Строевая – два, огневая – два, обед – хорошо, общая оценка – хорошо». Но к нам это выражение не относилось. У нас действительно не было серьезных замечаний. Везде был порядок и дисциплина. Начиная от каждого солдата до офицера, все знали свои задачи и четко их выполняли. Весь ротный механизм работал как часы. За короткий срок мы привели роту «к нормальному бою». Комбат остался доволен нашим подразделением.

Дня через два после отъезда комбата, ко мне на заставу около часа ночи пришли командир роты старший лейтенант Ефимкин со своим заместителем старшим лейтенантом Гомбоевым. Их сопровождал солдат-узбек, фамилию, к сожалению, не запомнил. Как нельзя, кстати, я не спал. Под тусклый свет сорока ватной лампочки я писал очередной «шедевр».... Дежурный по взводу сержант Шевченко постучал в дверь канцелярии, предупредив меня о гостях. Я вышел на улицу и увидел знакомые силуэты.

- Ну что, Михалыч, пойдём, посмотрим, как твои бойцы службу на постах несут, - обратился ко мне ротный.

Я вернулся в землянку, взял автомат, и мы проследовали к постам. Мы шли узкой тропинкой, на которой я знал каждый камушек, потому что по несколько раз за сутки в любое время дня и ночи был на позициях своего взвода.

Мы подошли к посту. Метров за тридцать, один из наблюдателей окрикнул установленной командой и назвал пароль - от меня последовал отзыв. Затем наблюдатель назвал число – я озвучил другое число, чтобы их

сумма была равна той, которую установил командир роты на вечернем разводе при отдаче боевого приказа...

Ротный и Арсалан подошли к бойцам. Сергей пристальным взглядом оценил состояние моих солдат, задал пару вопросов, на которые получил вполне развернутые ответы. Судя по выражению лиц «проверяющих», оба офицера управления роты, в том числе и я, остались довольны увиденным.

- Юра, давай с нами прогуляемся в лунную апрельскую ночь, воздухом свежим подышим, – закончив проверку моего взвода, предложил Сергей.

- Без проблем, пойдем в первый взвод, до него примерно километр, - принял предложение я.

Мы вышли на взлетно-посадочную полосу, сделанную из специальных металлических щитов, скрепленных между собой. Время в пути было недолгим. Мы подошли к афганской пересылке, рядом с которой располагался один из постов первого взвода нашей роты и увидели следующую картину. На посту находился один наблюдатель (второго, почему то не было). Прислонив свой ручной пулемет к стенке из саманного кирпича, он спал так, что своим храпом мог разбудить всю округу. Нашему возмущению не было предела. Сергей указательным пальцем прикрыл свой рот, показывая всем нам, что надо тихо «снять» наблюдателя и скрутить его. Мы одобрительно кивнули головами, Арсалан нашел поблизости брошенный старый мешок, ни слова не говоря на русском языке, накинул его на бойца. Солдат-узбек взял пулемет. Мы скрутили и связали горе наблюдателя и потащили в сторону афганской пересылки. Сопровождавший нас солдат стал говорить что-то на узбекском, давая понять заснувшему наблюдателю, что его тащат «духи». Боец не сопротивлялся, его тело обмякло и покорно повиновалось нашим манипуляциям.

- Дяденьки, только не бейте, пожалуйста, только не бейте, дяденьки! – завопил солдат, - я расскажу вам, где спят офицеры и прапорщики роты....

Услышав последнюю фразу, ротный пинком приложился по мягкому месту солдата... Мы дружно взяли его за руки и ноги и молча пронесли метров десять. Узбек продолжал что-то кричать на своём языке и когда мы увидели, что между ног у переносимого нами солдата образовалось мокрое пятно, отпустили...

Арсалан развязал мешок и освободил «пленника». Надо было видеть глаза этого маленького, тщедушного русского солдата. Что творилось у него в голове – одному Богу известно. Он не мог понять, что с ним случилось. Из глаз текли слёзы, адекватные мысли были далеки от тела. Ещё не известно, что могло бы быть для него лучше: оказаться у «духов» в плену

или быть «освобожденным» своими родными офицерами, после слов об оказании помощи душманам, рассказав о том, где они находятся....

Арсалан произвел из РПК горе-наблюдателя три коротких очереди. Через пару минут личный состав первого взвода был на боевых позициях. Остатки ночи подчинённые лейтенанта Егиазаряна провели в окопах. Только с помощью коллективной ответственности достигается слаженность воинского коллектива. А ведь всё могло закончиться для всех нас весьма плачевно, о чем на утреннем построении роты рассказал командир....

Через полторы недели после случившегося, Сергея перевели в Кундуз, во вторую роту, на аналогичную должность, как нам сказали, с перспективой назначения на должность начальника штаба нашего батальона, а мы остались в ожидании приезда нового командира роты....

Часть двенадцатая.

Без Серёги стало грустно. Мы привыкли к его шуткам и острым, порой жестким выражениям. Он был мозгом и мотором нашей роты. С его уходом я стал реже приходить в управление роты. Не с кем было поговорить. Разве что с Арсаланом.

Замполит, качок, сам себе на уме. Вроде парень нормальный, но как все качки занимался самолюбованием. У него была одна, как теперь говорят фишка. При случае, когда он хотел показать себя в выгодном свете, замполит напрягал грудную мышцу так, что мог спокойно поставить на неё кружку с водой. Мы и сами иногда просили его показать этот трюк.

Однажды у меня с ним произошла неприятная история. Он пришел на мою заставу во время ночной проверки. Ему не понравилось, как его встретил наблюдатель на посту. Замполит зашел в землянку, не объясняя причин и не замечая меня, поднял взвод по тревоге и заставил солдат выйти на боевые позиции и продолжать нести службу в окопах.

- Что случилось, кто-то спал на посту? – спросил я замполита.

- Иди разбирайся с подчинёнными, - свозь зубы ответил замполит и ничего не объясняя, покинул заставу. Вместе с бойцами я расположился на боевых позициях, попутно стал выяснять, что же произошло во время ночной проверки...

Я выяснил, что при приближении замполита к посту, наблюдатель окрикнул установленной командой, назвав соответствующий пароль. В ответ лейтенант Канушин произнес неправильный отзыв. В кромешной темноте наблюдатель еще раз произнес пароль, на что в ответ снова прозвучал неправильный отзыв. Тогда солдат предупредил замполита:

- Стой, стрелять буду!

Лейтенант Канушин разразился нецензурной бранью:

- Зияев, твою мать, это я, твой замполит роты, лейтенант Канушин... Ты что, меня не узнал?»

- Стой, стрелять буду! - вновь не услышав правильный отзыв, передернул затвор автомата Зияев. Осерчавший на солдата Канушин проследовал на заставу моего взвода...

Выяснив все обстоятельства инцидента, я отвел вернувшегося на боевые позиции замполита в сторону от подчиненных и спокойным голосом посоветовал ему сходить на три известные всем буквы, и впредь употреблять в пищу недостающие микроэлементы, способствующие восстановлению памяти, а взводу скомандовал покинуть окопы и убыть в землянку...

Лейтенант обиделся и молча удалился в управление роты, а ближе к ужину прислал записку, в которой вызывал меня, ни много ни мало, на дуэль... Дуэль, как много в этом звуке!!! Почти как у Куприна...

Необходимо было обязательно реагировать на вызов. Вечером я пришел в управление роты на ужин и застал лейтенанта в плачевном состоянии, он сидел в полумраке офицерской столовой. На столе стояла почти пустая бутылка сорокаградусного самогона. Увидев меня, не вставая, он буркнул, чтобы я выбирал оружие, из которого предстояло стреляться. Особой альтернативы в выборе оружия не было - автомат Калашникова или пистолет Макарова. Из автомата стреляться, как-то не с руки. Пистолет в роте был только у замполита, остальные офицеры и прапорщики предпочитали нормальное оружие в боевых условиях. Решили стреляться по очереди из его пистолета. По жребию первым должен был стрелять лейтенант Канушин. Единственным моим условием было написание замполитом «предсмертной записки», обращенной к своим родным и близким. Дрожащей рукой замполит стал писать текст под мою диктовку. Он написал, что в своей смерти никого, в частности меня, не винит. По окончании написания, я положил записку к себе в карман. Мы вышли на улицу в полной темноте, выдвинулись от столовой метров сто в сторону полка и отсчитали расстояние в двадцать пять шагов друг от друга. Я специально встал со стороны расположения полка, который в ночи светился ярким светом. Мы оба замерли. Сердце kloкотало. Неужели выстрелит? Я видел, что замполит с трудом мог разглядеть меня в лучах света, от тяжести момента его рука болталась в разные стороны. Неожиданно прозвучал выстрел. Я стоял не шелохнувшись. Расчет оказался оправданным. Слава Богу, я жив!!! Мало ли что могло произойти...

После небольшой паузы я подошел к замполиту, взял пистолет, проверил наличие патрона в патроннике. Проследовал на свое место, поднял ПМ на вытянутой руке. Замполит заорал:

- Ну, стреляй же, стреляй быстрее!!!

Выдержав паузу, я произвел выстрел. Да, я намеренно выстрелил мимо, не собираясь убивать замполита, но честь, офицерская честь, превыше всего.

Я подошел к Владимиру, похлопал его по плечу, обнял и повел в столовую. В знак примирения, я попросил у Богданыча бутылку самогона. За рюмкой горькой, мы высказали друг другу свои «обиды».

По прошествии лет понимаю, что зря поддался на этот эмоциональный порыв. Не стоила эта история такого развития событий. Всё для нас обоих могло закончиться плачевно. Зачем, когда и так каждый день жизнь любого из нас висела на волоске от смерти, испытывать себя подобным образом, ради чего? Даже сейчас, спустя тридцать лет, грустно от той истории, которая до сих пор занозой сидит в моем сердце...

Часть тринадцатая.

Володя Кравцов, техник роты, готовился к замене. Он первым выходил из своего жилища, когда слышал приближающийся звук каравана «вертушек», вставал на землянку продовольственного склада и молил Всевышнего о том, чтобы наконец-то прилетел его заменщик. Глядя на эту сцену, у меня родился текст к песне про «заменщика» на музыку Владимира Кузьмина «Мячик»:

Я ещё вчера гулял в гражданке,
И с подругой шёл кино смотреть,
А теперь сижу в сырой землянке,
Мне осталось только лишь потеееть.

Слава Богу, я теперь не буду,
Ночью по постам ходить пешком,
Я скорее всё это забуду,
Спасть с женою стану нагишо-о-о-ом.

Пр.

Где же ты заменщик дорогой?
Где же ты заменщик дорогой?
Приготовил я тебе бакши-и-и-щ,

Вот и вышел срок, пора домой,
Вот и вышел срок, пора домой,
Ну а ты зараза не летишь,
Ну а ты, зараза, не ле-ти-шь...

Кончились обстрелы и разводы,
Лишь во сне я буду вспоминать,
Фанту, шурави и пепси-колу,
От кошмаров в ужасе встава-а-а-ать,

Пр.

Однажды, при обстреле «взлётки» реактивными снарядами, техник выбежал из своей комнаты, прихватив большой чемодан с подарками для родных и магнитофон в коробке. Положив на дно старой воронки весь свой нехитрый скарб, он накрыл его своим телом. Вся эта комичная картина в дальнейшем служила поводом для шуток и приколов в его адрес.

Лишь в начале мая 1987 года, технику прилетел заменщик, старший прапорщик Алексей Разаренов, с которым в Файзабаде у нас сложились теплые и дружеские отношения. Жаль, что мало пришлось прослужить вместе.

Игорь Богданыч Кузив представлялся нам в то время «древним стариком», хотя ему было немногим за сорок. Мы были людьми разных поколений, и наши взаимоотношения носили характер общения отцов и детей. Он жил своей жизнью, но заботами подразделения. Старшина единственный из офицеров и прапорщиков роты, кто для проведения ночной проверки постов надевал каску, два бронежилета, брал с собой сигнальные и осветительные ракеты. Мы с пониманием относились к его причудам и никто, никогда за это его не подкалывал. Благодаря его стараниям у нас в роте появился свой огород, на котором выращивали свежие овощи. Семена присылали родные, вместе с письмами в конвертах.

Часть четырнадцатая.

Спустя неделю после отъезда Сергея, к нам в роту прибыл новый командир роты, лейтенант Паша Сосенков, до назначения служивший в третьей роте нашего батальона взводным. Кстати и замполит был тоже из третьей роты. В общем, собиралась компания выходцев из третьей роты. Мы

с Арсаланом были явно не в восторге от этих перестановок. Одним словом, армия...

Весна бурным цветом раскрасила яркими мазками окружающую природу. Редкие проливные дожди сменились выжигающим солнцем. После обеда на улице не было ни души. Казалось, что и дышать было невозможно. Спасала только Кокча. В пятидесятиградусную жару я окунался в ледяную воду этой реки на несколько секунд и пулей выпрыгивал из горного потока. Затем полчаса сидел на берегу и не мог согреться под палящими солнечными лучами. В один из таких дней, на берегу реки мы с Арсом увидели прибитый к берегу труп паренька, лет шестнадцати. На нем не было одежды. Во лбу было отверстие от пули.... Чтобы никто не задавал нам лишних вопросов, мы оттолкнули тело от берега, и оно поплыло дальше по течению.... Позднее мы узнали, что парня убили духи в верховьях реки Кокчи, потому что его семья не хотела отдавать сына в банду.

В середине мая, после обеда я возвращался к себе на заставу. Проходя мимо склада ГСМ роты аэродромного обсежения сводного вертолетного отряда, я увидел перед собой фонтанчик пыли, через несколько секунд услышал звук от выстрела снайперской винтовки. Затем услышал еще один выстрел, раскатившийся эхом в горах. В первое мгновение не придал этому значение, затем понял последствия происходящих событий. Я присел, огляделся по сторонам. Естественно, никого, кто бы мог стрелять в меня, невозможно было разглядеть. Расстояние от стрелявшего до меня было предельным. Возможно, это было чье-то предупреждение в мой адрес. Я догадывался о причине этого предупреждения, а пока, постарался, как можно быстрее оказаться на своей заставе.

Часть пятнадцатая.

Лейтенант Артур Егиазарян, командир первого взвода, закончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета Азербайджанской ССР, до Афганистана служил в Забайкальском округе, в Монголии. С ним было весело, это человек праздник и у него всегда был позитивный настрой. Казалось, что он никогда не унывал.

Мы могли общаться с ним на разные темы, но наши заставы были на удалении друг от друга, поэтому не всегда удавалось найти возможность для разговоров.

Однажды, когда у нас в офицерской столовой сломался телевизор, мы вместе поехали в отдельный мотострелковый полк, к его другу-однокашнику

по училищу - лейтенанту Набику Гамидову. Артур сказал, что его товарищ может оказать содействие в ремонте телевизора.

Полковые подразделения готовились к боевому выходу. Рядом с палатками проходил смотр готовности к «боевым». В толпе солдат и офицеров мы увидели лейтенанта Гамидова. Артур по-братски обнялся с другом, и было видно, что они дорожат своими отношениями. Набик с ходу стал рассказывать нам о своём выходе на «боевые»....

- Артур, брат, тут, такая плотная война намечается..., - растягивая слова и закатывая глаза, с колоритным, присущим только бакинцам акцентом, начал офицер.

- Ара, нам прививки перед выходом уколом поставили, чтобы какая-нибудь зараза не «цапанула»..., - показывая указательным пальцем на вену, усмехнулся лейтенант. Артур перехватил инициативу и пояснил, что у нас тоже проблема – сломался телевизор и для его ремонта нам нужен транзистор.

- Брат, транзистор, это такой черный, с антенной, когда на кнопку нажимаешь, из него музыка играет, да? - попытался уточнить лейтенант Гамидов.

- Нет, Набик, это такой маленький, черненький, с двумя усиками, который вставляешь в телевизор, и он начинает показывать, КТ – 807б, называется,- пояснил Артур.

- Ара, понял, брат, маленький, черненький, с двумя усиками, который вставляешь в телевизор, и он начинает показывать? Так бы сразу и сказал, - недоумевал Набик...

- Ара, давай, записываю, КаТэ - восемьсот семь бэ. Лейтенант достал из бокового кармана полевой формы ручку с гелиевыми чернилами и чтобы не забыть и не смыть надпись, записал название транзистора между пальцев, на всякий случай....

Я смотрел на лейтенанта и не мог понять, почему он такой заторможенный? Неужели предстоящий боевой выход мог ввести человека, офицера, наконец, в такое состояние? А может причина в другом? Как он будет командовать людьми, которые находятся у него в подчинении? На него рассчитывает командование роты, батальона, полка. Всё было намного проще и намного сложнее одновременно....

Набик провел нас в роту связи, мы нашли необходимый нам транзистор, расплатились со связистами бутылкой самогона, которую передал Богданыч.

В следующий раз лейтенанта Гамидова мы увидели на «взлётке», во время выгрузки личного состава из вертолета после боевого выхода. На лице

офицера была черная борода, он еле стоял на ногах и едва шевелил губами, не скрывая катившуюся по щеке слезу.

- Артурчик, братишка, я живой, брат...! - не мог сдержать эмоций Набик.

Он рассказал нам, как духи внезапно атаковали его взвод, как в одно мгновение он набросал вокруг себя огромные булыжники, которые после боя не смог передвинуть даже на сантиметр, как дух закинул гранату за его бруствер, а он взял её в руки и кинул обратно в его сторону. Где была правда, а где вымысел, останется на его совести. Всё могло быть в этой жизни, в этой стране, в той обстановке...

Часть шестнадцатая.

В конце апреля 1987 года, меня отправили в батальон за новым старшиной роты. Прилетев в Кундуз днём, вечером я уже был с прапорщиком Романом Бендасюк на аэродроме. Офицер Кундузской пересылки назвал номер вертолета, в котором мы должны были лететь на Файзабад, и записал наши фамилии в журнал вылетов. Вертолеты стояли в готовности и запускали двигатели. Мы с трудом нашли «свой» борт, в котором предстояло совершить незабываемое путешествие, но оказалось, что в нём не было парашютов. В поисках средств десантирования мы с прапорщиком обежали почти по всем вертолетам, пока, наконец, в крайнем Ми-8-ом не оказалось два заветных парашюта.

С помощью борттехника мы надели парашюты. Для меня эта процедура была не впервой, а вот со старшиной пришлось повозиться. Вертолетчик ловкими заученными манипуляциями рук и «какой-то матери» водрузил на прапорщика подвесную систему с запасным парашютом и проинструктировал, как необходимо действовать в случае экстремальных обстоятельств, показав вытяжное кольцо, за которое нужно дернуть после покидания борта вертолета. Инструктаж проходил при работающих двигателях, поэтому прапорщик с трудом слышал и понимал, что от него требуется. По выражению его лица было видно, что это был его первый полет на вертолете. У меня, в своё время, тоже было такое же лицо, которое без слов выражало страх и ужас перед неизведанным....

Наконец в салоне выключили свет, иллюминаторы были закрыты светонепроницаемыми шторками, мы почувствовали движение вертолѐта, он на несколько секунд оторвался от земли, немного «завис» в воздухе и через мгновение совершив разгон, помчал нас к конечному пункту нашего назначения.

Полеты транспортной авиации в Афганистане осуществлялись в ночное время, поэтому особых эмоций за наблюдением пейзажа под винтокрылыми машинами никто из нас не испытывал. Нормальное общение не представлялось возможным по причине шума вертолетных двигателей, поэтому мы сидели молча, друг напротив друга, и каждый находился наедине с собственными мыслями.

Тем временем, полёт приближался к своему завершению и наш вертолетный «караван» приступил к снижению. Приоткрыв шторку, я посмотрел в иллюминатор. Внизу, среди гор была настоящая война. Разрывы от крупнокалиберных снарядов и очереди трассирующих пуль в разных направлениях. Подойдя к прапорщику, я отодвинул шторку и техник увидел сюрреалистическую картину «апокалипсиса наших дней». В темноте я не видел эмоций прапора, мне хватало своих. Быстрее бы коснуться твердой поверхности и оказаться у себя в землянке на своей заставе. Тем более, при таких обстоятельствах, в горах, ночью, даже если ты супер опытный десантник, никакой парашют не поможет. Об этом неоднократно говорили нам вертолетчики. Я и сам подозревал о возможных последствиях экстренного выхода за борт вертолета в горах, к тому же ещё и в ночное время....

С первым касанием шасси, в салоне вертолета включился свет и тут же я увидел, что у прапорщика «распорот живот», и он в спешном порядке неуклюжими движениями пытался собрать оранжевые «кишки» обратно. Но ничего из этого у него не получалось, «кишки» с большей силой выворачивались из-под ладоней и вновь устремлялись на пол вертолета. Открылась дверка кабины вертолетчиков и из неё вышел борттехник....

- Ё...я пехота!!!!!! Сколько можно? Опять после вас парашют собирать! Дал бы по твоему чайнику, прапорщик, - борттехник чуть не вмазал Бендасюку по затылку. Я готов был упасть под лавку от смеха. Такого ржачного хохота я не испытывал давно. После того, как я показал в иллюминаторе «войну» прапорщик, с перепугу, заранее рванул вытяжное кольцо и оранжевый запасной парашют, находящийся спереди, в одно мгновение раскрылся....

Новый старшина оказался полнейшей противоположностью нашему славному старшине, Игорю Богдановичу Кузив. Есть такая категория военнослужащих, от которых хотят срочно избавиться. Командир в Союзе отправил нерадивого прапорщика с глаз подальше, чтобы провинившийся «кровью», так сказать, искупил свою вину. Но такой прощельга, как Бендасюк, и в Афганистане нашёл себе «теплое» место. Наша рота находилась на удаленном расстоянии от штаба батальона. Попасть к нам можно было раз в год, во время армейской операции или на вертолетах.

Командование батальона не часто прилетало с проверками, поэтому прапорщик пользовался этим моментом. К этому времени ротой командовал лейтенант Сосенков, который не смог привести его в нужное чувство.

Однажды пьяным он поехал на ГАЗ-66-ом в отдельный мотострелковый полк за продуктами. Бойцы вместе с офицерами роты, неделю питались «подножным» кормом, израсходовав все запасы продовольствия. На поиски старшины отправили техника роты, старшего прапорщика Алексея Разарёнова. С большим трудом он нашёл его на каком-то складе пьяным и без продуктов. Такого безобразия в нашей роте не было никогда. Пришлось экстренно предпринимать соответствующие репрессивные и воспитательные меры воздействия на прапорщика. После этого случая, в стройных рядах нашего небольшого подразделения образовалась невосполнимая брешь - на этого человека нельзя было рассчитывать...

Часть семнадцатая.

В начале июня 1987 года, из Файзабада меня неожиданно перевели во вторую роту, в Кундуз. О причине своего перевода, могу только догадываться...

В Кундузе я вновь стал служить под командованием Сергея Ефимкина. За короткий срок службы в Файзабаде, между мной и Сергеем установились не только служебные, но и теплые дружеские и доверительные отношения. У нас во многом были общие взгляды на службу и на взаимоотношения между людьми. Мы дополняли друг друга. Сергей, по характеру прямой и резкий в поступках человек, не терпящий компромиссов и уверенный в своей правоте командир. С ним можно было обстоятельно обсудить предстоящее событие, произвести анализ того, что уже стало историей. Мы общались с ним на любые темы. Он очень начитанный и эрудированный молодой человек, с хорошим чувством юмора, который был жизненно необходим в той обстановке, в которой мы находились. Сергей родился в семье военного, когда отец проходил службу в Венгрии. С родителями он сменил не один гарнизон, и судьба не могла распорядиться иначе - он продолжил славную офицерскую династию.

С Сергеем мы одногодки, закончили военные училища в 1983 году, он Орджоникидзевское ВОКУ, я Омское ВОКУ. Оба наших учебных заведения готовили не паркетных офицеров, а настоящих профессионалов своего дела. До службы в Афганистане мы прошли хорошую школу и

получили богатый опыт в прославленных соединениях Советской армии. Сергей три года был командиром взвода и роты в гвардейской Кантемировской танковой дивизии Московского военного округа, я три года командовал мотострелковым взводом в гвардейской Иркутско-Пинской мотострелковой дивизии Центральной группы войск, дислоцированной в Чехословакии. Поэтому без труда и раскочки, мы сполна использовали навыки и умения, полученные до назначения в Афганистан.

Спустя пару месяцев, после моего приезда в Кундуз, меня назначили заместителем командира второй роты. Я заменил старшего лейтенанта Акмышева Тойбека Жакиниязовича, выпускника 1979 года выпуска Алма-тинского общевоинского командного училища, убитого в Союз по замене. Между собой мы звали его Толиком....

На моё место, командиром первого взвода второй роты из Среднеазиатского военного округа прибыл лейтенант Мамедов Габиль Сабирович, выпускник Киевского высшего общевоинского командного дважды Краснознамённого училища имени М.В. Фрунзе. Несмотря на то, что в Азербайджане располагалось общевоинское командное училище, он поехал поступать в Киев. Мечта стать кадровым военным зародилась у него в раннем детстве, поэтому Габиль поступил в Бакинскую специализированную школу имени Джамшида Нахичеванского и, уже после её окончания, продолжил учебу в военном училище в Киеве.

Габиль невысокого роста, худощавый и крепкий парень, очень хорошо говоривший по-русски, но с небольшим бакинским акцентом. Мне вообще везло на выходцев из Баку. Бакинцы особый народ, со своим колоритом и пониманием жизни. Первые три года офицерской службы в ЦГВ меня опекали два выпускника этого училища. Это гвардии старшие лейтенанты: Артур Балаев и Женя Вожов. Я быстро нашёл с ними общий язык, потому что всегда был с ними на одной волне. Теперь пришло время самому отдавать долги. Теперь я опекал молодого офицера, лейтенанта Мамедова и вводил его в курс событий для того, чтобы он как можно быстрее освоился в новой обстановке. Несмотря на мои наставления о том, что здесь особые условия службы и что все без исключения военнослужащие должны соблюдать определённые правила поведения в условиях ежеминутной опасности, как славный представитель Кавказа, Габиль старался быть самостоятельным в принятии решений, что могло привести к непредсказуемым последствиям.

В первую неделю пребывания на заставе, Габиль решил познакомиться с одним из солдат своего взвода, который был прикомандирован в миномётную батарею нашего батальона. Габиль поехал

к миномётчикам, которые находились в десяти километрах от нашей заставы и лично встретиться с подчинённым. Ближе к вечеру, никого, не предупредив, вдвоём с водителем бронетранспортёра рядовым Помазковым, он поехал «знакомиться с личным составом». На ужине я заметил, что командира первого взвода нет в расположении заставы. Замкомвзвода доложил, что новый взводный уехал «знакомиться» с Пашей Польшиным.... Признаться честно, моему негодованию не было предела, и по возвращению лейтенанта в расположение роты, у меня с ним состоялся мужской разговор. Спустя час после проведенной политико-воспитательной работы, я увидел и почувствовал, что мои слова дошли до сознания Габиля....

Через два дня, на совещании офицеров и прапорщиков в управлении батальона, начальник штаба доводил до личного состава приказы командующего 40 армии. Одним из первых зачитанных приказов, был приказ: «О наказании молодого, вновь прибывшего из Союза лейтенанта», который самостоятельно, в вечернее время покинул расположение части, чтобы познакомиться с личным составом взвода, расположенного на удалённой заставе.

По выражению лица лейтенанта Мамедова было видно, что он не на шутку напрягся и готов был понести суровое наказание за опрометчивый поступок..... Я тоже было подумал, неужели, кто-то быстро сработал и доложил о случившемся аж на самый верх. Я, как и Габиль приготовился к самому худшему..... Однако, когда в приказе зачитали совершенно другие фамилии, всё встало на свои места. Тот случай в приказе, один в один повторял события, которые произошли у нас в роте двумя днями ранее...

Только последствия происшествия, которые послужили поводом для приказа, были плачевны. Бронетранспортёр с лейтенантом попал в засаду и офицер с одним из его подчинённых были отправлены в цинковых гробах домой, третий солдат был тяжело ранен.....

Для Габиля и меня, это был урок, который мы оба запомнили на всю жизнь....

Часть восемнадцатая.

В конце июля 1987 года подходила к завершению служба в Афганистане командира нашего батальона, капитана Перевозчикова С.Г. Ему на замену прибыл новый командир батальона - майор Чуваев Сергей Александрович.

27 июля я пригласил обоих комбатов и пару офицеров управления батальона к себе на день рождения. Мы славно отметили мои четверть века, и буквально через пару дней «старый» комбат попросил Сергея Ефимкина и меня сопроводить его со спутниками до Кундуза. Целью нашего

сопровождения было посещение дукана, в котором можно было приобрести подарки для себя и своих родных.

За полгода до описываемых событий, в Ишантопской степи произошло происшествие, которое в дальнейшем послужило поводом для нашей поездки в дуканы, в расширенном составе. Дело в том, что известный в узких кругах Кундузский «дукандор» Ибрагим попал в душманскую засаду, аккурат в зоне ответственности нашего батальона. Бойцы батальона под командованием капитана Перевозчикова С.Г., не только предотвратили убийство Ибрагима и ограбление машины с товаром, но и сопроводили дуканщика к месту назначения, в Кундуз. В свою очередь, Ибрагим предложил свои услуги комбату в покупке любого товара в своей лавке, когда тому пожелается.

И вот этот день настал. Мы благополучно доехали до знаменитого Кундузского кольца, на котором располагался дукан Ибрагима. Организовав круговое наблюдение, мы оставили бойцов на броне для охраны, а сами направились к торговой точке. Перед входом в лавку нас, с распротёртыми руками, встречал сам хозяин дукана. На вид ему было не больше тридцати пяти лет, невысокого роста, смуглое, точеное лицо, с широкой белозубой улыбкой, которая не сходила с его лица.

- Салам Аллей-кум, командоры!!! – Ибрагим раскинул руки в широких объятиях.

- Салам, Ибрагим, - комбат приветствовал дуканщика и его помощников, рукопожатием.

Все, вошедшие в помещение гости, по очереди поздоровались с дукандором по мусульманскому обычаю. Он каждого приветствовал троекратным прикосновением щека к щеке, протягивая свои руки к нашим.

- Как дела, командор? – обратился Ибрагим к комбату.

- Всё в порядке, вот решили заехать к тебе в гости, - с участием ответил капитан Перевозчиков.

- Может чай? Что хочешь, командор, для тебя всё есть?

- Ташакор, Ибрагим (спасибо по афгански), сейчас выберу подарки, потом решим, - продолжил комбат.

- Давай смотри, есть много хороших вещей, только вчера из Пакистана приехал.

После Советского тотального дефицита, от изобилия и разнообразия товара, глаза у присутствующих разбегались в разные стороны. Недаром в одной из «афганских» песен про «день такой отличный» поётся:

«В дуканах можно всё приобрести:

«От «жевачки» и до пулемёта,

Мумие, скафандр, кольчугу и шлем,
Ятаган, мотор от вертолета.....».

Так и у Ибрагима, был, весьма, солидный выбор всевозможных вещей. Афганцы прирождённые торговцы, сами любят торговаться и уважают тех, кто с ними вступает в торговый поединок. Поэтому, зная такую национальную, я бы сказал восточную особенность, мы приступили к процессу. Первым торговцем с нашей стороны, естественно был капитан Перевозчиков. По большому счёту, я сам во второй раз был в дуكانе и в большей степени смотрел за окружающей обстановкой и как торгуются другие.

Комбат без примерки выбрал костюм «Командо» и показал его Ибрагиму.

- Три тысячи афгани, - озвучил цену дуكانщик.
 - Две с половиной, - с улыбкой посмотрел в сторону Ибрагима командир.
 - Хоп, - склонил голову дукандор, записывая карандашом на бумажке сумму костюма.
 - Кофейный сервиз с мелодией, - Сергей Геннадьевич кивнул головой на синюю коробку с сервизом.
 - Три с половиной тысячи, - чуть было не приступил к записи дуكانщик.
 - Две с половиной, - твёрдо отрезал капитан.
 - Тогда может и чайный сервиз в придачу? Два сервиза отдам за четыре с половиной тысячи афгани....
 - Хорошо, но только за четыре тысячи афгани, - комбат был непреклонен.
- Затем были кроссовки, джинсы, покрывало, и ещё очень большое количество всего, что было в списке у комбата....
- На весь товар Сергей Геннадьевич просил скидку и получал утвердительный жест дуканщика.

Надо сказать, что Сергей Геннадьевич долгое время прожил в Узбекистане и окончил Ташкентское общевоинское командное училище. Он хорошо знал тонкости базарного этикета и психологию торговцев, поэтому уверенно гнул свою линию, играя на тонких струнах восточного человека.

В конце комбат попросил Ибрагима озвучить всю сумму за приобретённый товар.

- Пятьдесят две тысячи афгани (афгани – денежная единица Афганистана), - вытирая пот со лба, выдавил Ибрагим.

- Сорок тысяч и ни афушкой (производная от афгани) больше. Я думаю торг здесь не уместен, - улыбаясь процитировал знаменитую фразу Остапа Бендера из «Двенадцати стульев» комбат....

- Хорошо, командор, сорок тысяч, и по рукам. Я всегда буду помнить, как ты меня спас. Пусть ты и твои друзья примут мои угощения.

Вдруг, как из сказочного ларца, у каждого из нас в руках появилось по палочке горячего шашлыка из молодого барашка и по баночке немецкого пенного напитка.

Мы мирно беседовали с дуканщиком, попутно для себя я тоже присмотрел кое какой товар, но самым главным приобретением для меня стал радиомикрофон. Этот микрофон можно было вручную настроить на FM – частоту любого импортного магнитофона с тюнером и через него вещать окружающему миру свои голосовые изречения. В тот момент я толком не представлял, как я смогу использовать его возможности, но на подсознательном уровне я чувствовал, что иметь в то время такой микрофон, это очень круто....

Уже вечером я опробовал микрофон в действии. У Сергея Ефимкина в комнате стоял японский «SHARP -777». Совместными усилиями, мы с ротным настроили микрофон на FM – частоту радиоприёмника и через динамики зазвучал мой голос. Я по достоинству оценил звучание микрофона, тем более, что с помощью встроенного эквалайзера можно было регулировать воспроизводимые частоты. Сергей тоже пару раз попробовал, как звучит его голос и остался доволен моей покупкой, сожалея о том, что не купил себе такую же игрушку.

Часть девятнадцатая.

На следующий день, во время хозяйственных работ на заставе, мы с ротным поставили магнитофон в раскрытое окно сержантского класса, находящегося в помещении управления роты. Из магнитофона доносились «мелодии и ритмы зарубежной эстрады», а бойцы под зажигательные аккорды известных исполнителей месили глину для забора, который возводился по периметру всего комплекса помещений управления роты. После одной из песен, я незаметно переключил магнитофон в режим радиотрансляции, и после небольшой паузы из динамиков отчётливо стали доноситься слова известного диктора. Растягивая рубленные фразы, из колонок прозвучал низкий бас:

- От Советского Информбюро, слушаете информационное сообщение:

Сегодня, двадцать девятого июля, 1987 года, в провинции Куднуз Республики Афганистан, в расположении 1360-го отдельного батальона

охраны, силами бойцов первого взвода второй роты, производятся работы по инженерному оборудованию заставы. Несмотря на пятидесятиградусную жару, солдаты и сержанты подразделения старшего лейтенанта Ефимкина Сергея Геннадьевича достойно выполняют поставленную перед ними задачу. Особой благодарности заслуживают рядовые: Хайдаров Нурмамат Маматрахимович, Саидов Файзали Муратович, Суранчиев Досым Турганович, Казанцев Алексей Леонидович и другие....

Двумя днями ранее, в ночное дежурство, на выносном посту первого взвода уснул рядовой Балбекин Николай Евгеньевич. Командиром роты, старшим лейтенантом Ефимкиным, принято решение о направлении письма на Родину рядового Балбекина, чтобы родители Николая знали, как на самом деле несёт службу их сын в Республике Афганистан. А сейчас, по заявкам «тружеников армейских полей», звучит любимившаяся в подразделении песня в исполнении английского вокально-инструментального ансамбля Статус Кво - «You in the army now» (Теперь ты в армии).....

Во время «радиотрансляции» весь личный состав взвода стоял и не мог пошевелиться. Все буквально оцепенели, особенно те, чьи фамилии прозвучали в «прямом эфире». До них никак не могло дойти то, что это я сидел в соседнем помещении и по бумажке зачитывал текст «информационного сообщения».... В нужный момент, я переключил тумблер воспроизведения кассеты, и из колонок зазвучало знакомое вступление и.....

«A vacation in a foreign land,
Uncle Sam does the best he can,
You're in the army now,
Oh, oh, you're in the army now...»

Ещё минут пять, пока играла песня, никто из присутствующих не мог прийти в себя. Коля Балбекин стоял с опущенной головой, предвкушая ненужные в такой ситуации расспросы своих родственников. Солдаты, чьи фамилии были озвучены в качестве «тружеников армейских полей», стояли с высоко поднятой головой и с открытым ртом, слушали любимившуюся композицию. Все без исключения были в полной уверенности, что это настоящая радиотрансляция и ждали продолжения информационного сообщения.....

Только мы с Сергеем Ефимкиным и командиром взвода, лейтенантом Мамедовым, едва сдерживали слёзы от смеха....

Часть двадцатая.

В середине августа, из штаба батальона поступило распоряжение о подготовке сводной роты нашего батальона к участию в армейской операции по сопровождению автомобильной колонны по маршруту Кундуз–Талукан-Файзабад. Мне предстояло командовать сводной ротой в составе шестидесяти человек личного состава и шести БТР – 70, с задачей обеспечить беспрепятственное прохождение колонны техники, на выделенном для нашего батальона участке дороги. Личный состав и техника были привлечены из состава второй, третьей рот и управления батальона.

В назначенный день и час наша сводная рота под общим командованием, вновь прибывшего по замене командира батальона майора Чуваева Сергея Александровича, выдвинулась из расположения батальона в направлении Кундуза. Мы проезжали по дороге, которую и дорогой назвать было сложно. Через каждые десять – пятнадцать метров воронки от разрывов крупнокалиберных снарядов. Мучная пыль, от идущей впереди техники, добавляла неудобств. Вдоль дороги глинобитные дувалы (заборы) и заросли растительности, каждый из которых таил в себе опасность. Солдаты, находящиеся на «броню» БТРов, сканировали пространство в своих секторах обзора, пристально вглядываясь в каждый подозрительный уголок глиняных строений.

Наша небольшая колонна въехала в Кундуз. Город встречал недружелюбно. Мужчины в чалмах и тюбетейках с ненавистью смотрели на нас. После восьмилетней войны, постоянных лишений и невзгод, невозможно было по мановению волшебной палочки изменить сознание местных жителей. Люди были озлоблены и ненавидели пришельцев из-за речки. Бачата (афганские пацаны) бежали за техникой, показывали указательный палец и громко выкрикивали:

- Чарс, командор, чарс, командор! - предлагая афганский гашиш, в виде скатанных в карандаш тёмно-зелёных «сигареток» или лепешек.

- Командор, давай бакшиш (подарок)! - неистово кричали бачата.

Проехав немногим более километра по окраинам Кундуза, каким-то неуловимым и непостижимым образом, под колесами одного из бронетранспортеров оказалась маленькая девочка лет четырех.... Колонна остановилась. Комбат дал команду занять круговую оборону. Ужас, страх и оцепенение охватили нас. В первые мгновения случившегося, мы не знали, что произошло и что нам делать. Крики и истерика афганцев всех возрастов усугубляли ситуацию. Спустя несколько минут к нашей машине подошел, одетый в разодранное тряпье, седовласый старик, на вид лет шестидесяти, и

стал что-то говорить сбивчивым голосом. Через переводчика рядового Саидова я понял, что эта девочка, лежащая на обочине, его младшая дочь. «Саид» перевел, что у него в семье еще девять человек, что он гарип (бедный), что ему нечем кормить семью.... Народ обступил девочку, отец поднял ее с земли, прижал к себе, затем обратил её на вытянутых руках к небу и стал молиться Всевышнему...

Не знаю, сколько бы это безумие продолжалось, если бы кто-то из бойцов, выходцев из среднеазиатских республик, не предложил откупиться тем, что было у нас в бронетранспортерах. Я дал команду своим солдатам, отдать «старика» несколько пар старых солдатских ботинок и х/б, полмешка риса, перловки и макарон, пол-ящика тушенки и сгущенки, растительного жира, еще какой-то снеди, которую мы брали с собой на блокпост.... Наступила минутная пауза, мы переваривали случившееся и наблюдали за афганцами. Вдруг отец девочки подошел к моему БТРу и стал что-то говорить. Он прикоснулся своими руками к моим ногам. «Старик» то и дело взывал к Аллаху и благодарил меня за «подарки». «Саид» перевел, что этих «подарков» хватит семье на несколько месяцев. А девочка? Девочка все равно ушла бы из семьи. С ней надо было отдавать приданное, которого у него нет, и не будет, а это одни убытки... Он благодарил Аллаха за то, что мы избавили его от больших проблем и забот. У меня не укладывалось в голове то, что произошло минутами ранее... Жизнь маленького, родного человека ничего не стоила для этого отца. Что говорить о жизни людей, которые пришли в его страну, непонятно для каких целей. В те мгновения я не думал об этом. Осознание произошедшего события, пришло гораздо позже....

Часть двадцать первая.

Колонна бронетехники сводной роты продолжила движение по заданному маршруту и вскоре прибыла в назначенный район, который располагался в «зеленой зоне», в двух километрах напротив заставы 2 взвода 3 роты нашего батальона. Комбат расположил бронетранспортеры вдоль дороги, которая изгибом напоминала тупой угол треугольника. В середине этого треугольника расположился мой блокпост, служивший одновременно командным пунктом нашей роты. По левую сторону от меня расположился взвод третьей роты под командованием, недавно прибывшего из Союза, великовозрастного старшего лейтенанта Виолора Колибана, справа в километре, находился взвод лейтенанта Александра Екимовского. Сергей Александрович уточнил задачи и определил каждой «коробочке» свой

сектор для наблюдения и стрельбы, в случае внезапного нападения духов на колонну. Уже вечерело, командир пожелал нам удачи и убыл в расположение батальона.

Бойцы проверили местность на наличие мин и приступили к обустройству окопов для себя и техники. Командиры взводов организовали ночное дежурство на блокпостах. Я еще раз проехал по дороге по всем блокпостам, составил на рабочей карте командира схему расположения подразделения, указал на ней сектора обстрелов для каждой «коробочки», уточнил с командирами взводов ориентиры, напомнил сигналы оповещения и порядок взаимодействия в случае обстрела со стороны духов. Вокруг каждого блокпоста, в ночное время, на расстоянии тридцати – сорока метров были установлены сигнальные мины. Солдаты отрыли в земле так называемые щели, выложили на дно сухой тростник и перекрыли щели плащ-палатками. Рядом с нами протекал арык, воду из которого пить было нельзя, чтобы не дай Бог подхватить какую-нибудь заразу.

Жаркий и тяжелый во всех смыслах день сменился непроглядной ночью. Дежурство на блокпосту было установлено попарно. Хотелось спать. Глаза слипались от нервного напряжения, но ответственность за порученное дело не давали возможности оказаться в сонном царстве. То и дело раздавались одиночные автоматные выстрелы и разрывы от автоматического гранатомета, которые не давали заснуть и мне. Так бойцы, находящиеся в боевом охранении, обстреливали сомнительные участки местности, из которой могла поступить угроза. Через каждый час я заслушивал по связи доклады от всех блокпостов об обстановке.

Неожиданно, с левого фланга расположения нашей роты, ночную тишину пронзили автоматные очереди, а затем и выстрелы из крупнокалиберного пулемета, установленного на бронетранспортере. Я наблюдал, как ответным огнем кто-то пытается подавить огневые точки «противника»... Выйдя на связь с командирами взводов, я приказал прекратить стрельбу. Через несколько мгновений воцарилась тишина. Оценив обстановку и заслушав доклады командиров, я понял, что стрельбу спровоцировал одиночный, шальной, сонный выстрел из расположения старшего лейтенанта Колибана в сторону взвода лейтенанта Екимовского. Затем началась прицельная стрельба в направлении друг друга. Как в такой обстановке подчиненные не перестреляли друг друга, остается только догадываться... Я передал по связи, чтобы все успокоились и продолжали наблюдение.

Утром всех ждал «разбор полетов». Жалкое зрелище представляли лица командиров, а их объяснения случившегося не поддавались никакой

критике. Каждый из командиров не мог адекватно оценить свои действия и признать ошибки, которые могли привести к непредсказуемым последствиям. Возможно сказалось огромное напряжение от увиденного днем на окраине Кундуза...

Вся ночь прошла в тревоге. С бойцами моего блокпоста, я позавтракал вкуснейшим и «изысканным» блюдом, в виде приготовленной на костре гречневой каши с тушенкой и горячим крепким чаем. Я решил немного подремать. Еще в училище я привык использовать каждую предоставленную минуту для сна и отдыха, мгновенно отключаясь от происходящего вокруг. И здесь, в экстремальных условиях, оставив за себя на блокпосту старшего сержанта Хуршеда Уракова, я в течение нескольких секунд провалился в безмятежность...

Однако сон продолжался недолго. Я проснулся от визга сигнальной мины и душераздирающего пронзительного крика. Вскочив, я увидел картину, которую смело можно было включить в сценарий комедийного фильма. Рядом с нашим блокпостом, через арык, располагалось рисовое поле, по небольшим канальчикам которого текла вода из арыка. Утром местные жители, как ни в чем не бывало, вышли на сельскохозяйственные работы, обрабатывать рис. Как вдруг, один из них наткнулся на растяжку сигнальной мины. В ужасе, дехканин повалился в грязную водяную жижу и заорал что есть мочи. Оказалось, что с наступлением утра, мои бойцы забыли снять одну из установленных растяжек. Мне и моему переводчику Саидову пришлось долго успокаивать правоверных мусульман, принося им свои извинения...

Часть двадцать вторая.

Не прошло и трех часов после сцены с сигнальной миной, как к моему блокпосту приблизилась делегация из старейшин, расположенного поблизости кишлака. «Саид» перевел мне, о желании старейшин, оказать честь уважаемым людям в моем лице, отведать с ними плов и принесенные фрукты. Я поблагодарил за оказанное доверие и пригласил группу из семи человек за свой, быстро сооруженный достархан. Старейшины выложили из казана в большое расписанное разноцветными восточными красками блюдо плов, разложили виноград, груши, персики и нарезали особым способом, огромного размера ароматную дыню. Высказав друг другу уважение и почтение, мы говорили о жизни, и о том, что каждый из нас должен быть благороден и благоразумен в своих помыслах и поступках. Мной были

произнесены слова благодарности за оказанное доверие и уважение к седым головам достопочтимых людей. Мы договорились, что в период проведения армейской операции, никто из противоборствующих сторон не предпримет попыток, каким-то образом нарушить хрупкий мир и тишину в близлежащей местности.

Я и мои подчиненные, свободные от несения службы, втайне не решались вкушать принесенные дары, памятуя о коварных душманах, которые с улыбкой на устах, могли воткнуть нож в спину или отравить приготовленное блюдо и фрукты... Мы сидели и не прикасались к еде. Видя наши сомнения, один из присутствующих старейшин взял в сложенную пятерню плов и большим пальцем ловко отправил его в рот, закусив это кусочком отрезанной дыни. Мы расслабились и принялись за трапезу. Завершающим аккордом были, приготовленные нашей делегацией вкусный крепкий чай, сгущенное молоко и купленное в военторговском магазине югославское печенье и пряники. Завершив достигнутые договоренности, скрепленные званым обедом, мы распрощались, обнявшись по мусульманскому обычаю, троекратно прижавшись друг к другу щеками...

Впереди нас ждал новый день и новые события.

Часть двадцать третья.

На следующее утро началась армейская операция по доставке грузов в северо-восточную провинцию Афганистана, в Бадахшан.

На предельно низкой высоте, вдоль дороги, барражировали вертолеты огневой поддержки Ми-24. Первым, на большой скорости, проследовал боевой дозор десантников, в составе трех бронетранспортеров, с личным составом на «броню» и танком Т-62 с минным тралом. Затем, на приличной скорости, соответствующей дорожной обстановке, начали движение автомобили с грузом и боевая техника. Мимо меня мелькали загорелые и запыленные лица солдат и офицеров, сидевшие на «броню». По выражению лиц было видно, что это будничное и привычное для них дело. Многие из участников операции не раз и не два проходили этот нелегкий путь. Иногда в колонне образовывались разрывы между боевой техникой и транспортом, в которые вклинивались одиночные афганские барбухайки доверху забитые различным товаром.

В конце дня мимо нашего блокпоста ехала барбухайка, груженная большими, продолговатой формы, арбузами и здоровенными желтыми

дынями. Бронетранспортер с десантниками поравнялся с афганским автомобилем. Ловкий боец в тельняшке перемахнул на «балкон», установленный над кабиной барбухайки, огороженный деревянным штакетником, и на полном ходу стал перекидывать бахчевые своим сослуживцам. Видя такое форменное безобразие, водитель, высунувшись из кабины, попытался возмутиться, махая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное в адрес десантников, как тут же над его головой раздалась длинная очередь из автомата. Афганец от неожиданности завалился на свое место и резко нажал на педаль тормоза. Барбухайка встала, как вкопанная, что дало возможность «десантуре» спокойно завершить начатое ранее дело....

Ближе к вечеру, когда начало темнеть, движение техники завершилось, а наша работа продолжалась непрерывно: солдаты осуществляли наблюдение за местностью, в установленное время я получал доклады от всех блокпостов, сам выходил на связь с командованием батальона, пару раз проехал по дороге, в зоне нашей ответственности.

Очередная ночь прошла спокойно. Утром, до начала движения колонны, я решил немного вздремнуть. Не успел я посмотреть ни одного сна, как меня разбудил Хуршед Ураков и сказал, что к нашему блокпосту подъехал БТР, на броне которого сидел какой-то подполковник с сопровождающими бойцами.

Намочив лицо водой, слегка приведя себя в порядок, я подошел к бронетранспортеру. Подполковник в новеньком, ещё не выцветшем обмундировании и бронежилете, с бледным и потным лицом в позе Наполеона сидел на башне БТРа. Не спрыгивая с «брони», не представившись и не дослушав мой доклад, он приступил к экзекуции...

- Почему ты спишь с утра пораньше? Почему не в бронежилете и где твоя каска? Как на блокпосту организована политико-воспитательная работа? Где боевые листки?

Я не терплю, когда любой «начальник» начинает тыкать. Мне стало понятно, что это за птица. Несмотря на звания и должности, таких, вновь прибывших в Афганистан военнослужащих, называли: «зеленый, как хрен у крокодила, кинь в траву, не сразу и найдёшь». Я не стал при личном составе уточнять новую для него данность. Было ясно, что это политработник, который прибыл в Афган накануне операции.

Для начала я посоветовал подполковнику спрыгнуть с башни бронетранспортера, так как его нахождение на ней могло послужить преждевременным возвращением в родные края, уж больно хорошая мишень

для снайпера получалась, но он упорно сидел и не хотел прислушаться к голосу разума...

Мне пришлось объяснить, что в боевых условиях нет необходимости выпускать боевые листки. Этим займется замполит роты после прибытия подразделения к месту постоянной дислокации. Бронежилет я принципиально не носил, собственно, у меня его никогда и не было. Солдаты в обязательном порядке были в бронежилетах и касках. Почему сонный? Потому что всю ночь не спал, но этого я не стал говорить, так как этому гусю бесполезно было что-то доказывать. У меня было одно желание, чтобы он быстрее закончил самолюбование в глазах, сидевших на «бронне» подчиненных и уехал из моего расположения. Подполковник что-то ещё продолжал говорить, переходя на крик, но для меня его слова не означали ровным счетом ничего. Я стойко выслушал тираду подполковника, развернулся на сто восемьдесят градусов и ушёл прочь. Он кричал вслед, что примет необходимые меры, что я получу строжайшее взыскание ... «Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона»!!!

Часть двадцать четвёртая.

Об отдыхе не могло быть и речи. Мои бойцы видели и слышали, что происходило на обочине дороги. Мы молча сидели в большой воронке рядом с арыком, заросшей травой и каждый из нас «переваривал» произошедшее в своих мыслях. Таких случаев, за почти два года службы в Афганистане, было немного, но они, к сожалению, были.

С началом нового дня, колонна до Файзабада вновь продолжила свое движение. В установленное время на связь вышел начальник штаба батальона мотострелкового полка, которому мы были приданы и озвучил информацию о мотоциклисте, который курсирует по дороге, обгоняя идущую параллельно технику, то в одну, то в другую сторону. Я и сам видел, как на большой скорости несколько раз проехал мотоцикл.

Вместе с двумя бойцами, один из которых был мой переводчик - рядовой Сайдов, я вышел на дорогу. Через несколько минут, из-за поворота на полной скорости, мимо нас промчался мотоцикл, с двумя «наездниками». Странно было видеть в Афганистане современный кроссовый мотоцикл. Мотоциклист с напарником, не останавливаясь, проехали мимо. Через некоторое время, мы вновь увидели знакомый силуэт, который ехал в обратном направлении, но уже без попутчика. Чтобы не дать возможности снова беспрепятственно проехать мимо нас, мы вышли на дорогу и выставили в его направлении оружие. Жестом, не терпящим возражений, я

остановил мотоциклиста. Это был молодой человек, лет тридцати, с черными, как смола длинными волосами, без головного убора, с чисто выбритым подбородком, в темной афганской одежде. На ногах были тапочки на босую ногу. Новый кроссовый мотоцикл блестел никелем, на черном бензобаке красовалась надпись Honda...

«Наездник» не вписывался в местный пейзаж, и что-то подсказывало мне, что это не простой афганец, праздно разъезжающий по дороге, во время армейской операции. Через переводчика я попросил его отойти от мотоцикла и поднять руки для проведения досмотра. Афганец, жестикулируя руками, стал размахивать и громко орать. Саидов подошел сзади, своей коленкой подбил афганца в подколенную ямку, выведя из равновесия задержанного, уронил в пыльную землю, приставив ствол автомата к его затылку. Второй боец осмотрел афганца и мотоцикл. Ничего подозрительного мы не нашли. Тем не менее, я вышел на связь с начальником штаба батальона, которому была придана наша сводная рота на время проведения операции, и доложил о задержании мотоциклиста. Начальник штаба незамедлительно прибыл на мой блокпост. Не разбираясь, с помощью своих бойцов он связал мотоциклиста и «загрузил» его в БМП, и на мотоцикле самостоятельно проследовал на свой командный пункт. Позже, после завершения операции я узнал, что мы задержали «духа». Подробности остались мне, неизвестны....

Вероятность мести после инцидента с мотоциклистом, со стороны его соратников была высока, поэтому я попросил командиров и бойцов усилить бдительность на блокпостах, особенно в ночное время. Я осознавал, что духи могут организовать провокацию или выкрасть кого-то из моих солдат для обмена на своего. Оставшиеся до окончания операции дни мы фактически не спали, даже днем...

Узнав о произошедшем случае, командование нашего батальона прислало на усиление ещё пятнадцать человек. Вместо старшего лейтенанта Колибан из третьей роты приехал лейтенант Алексей Корнилов. Я равномерно распределил личный состав на каждый блокпост, что позволило немного снять напряжение.

Между тем, мы заметили, что колонна налегке, стала возвращаться в обратном направлении. По уставшим глазам водителей было видно, насколько тяжелыми были километры дорог и горных серпантин, проведенные за рулем своих автомобилей.

Всё когда-нибудь заканчивается, подошла к завершению и эта армейская операция по сопровождению колонны до Файзабада и обратно, в которой нашему подразделению была отведена небольшая её часть. В общей сложности, мы находились на блокпостах около десяти дней, а ощущение

такое, что нас не было в батальоне целый месяц. Столько событий, переживаний и самых разных впечатлений осталось на этой дороге.... Недаром, срок выслуги для военнослужащих в Афганистане исчислялся, один день за три дня...

Часть двадцать пятая.

Самым «сладким» моментом после возвращения с боевых выходов было хорошенько отмыться и выспаться. На каждой заставе, ещё до моего назначения, были построены бани. На нашей заставе она представляла собой целый «спа-комплекс» с парилкой, моечным помещением и бассейном, с камином, который был выложен при непосредственном участии солдата, эстонца по национальности, Вилли Рубина. Я сам был удивлен, когда впервые увидел это чудо посреди Ишантопской степи. Плюс к этому, в едином пространстве было три небольших спальных помещения и сержантский класс.

Однако повседневная служба не позволяла особо расслабиться. Каждый день приносил новые заботы. Я отвечал за боевую подготовку и проводил занятия с личным составом на учебных стрельбах из стрелкового оружия и бронетранспортеров, проверял готовность бойцов и командиров взводов к выполнению возложенных на роту задач. В зоне ответственности нашего батальона, в составе небольших мобильных групп, вместе с командиром роты принимал участие в поисковых действиях (патрулировании местности). Периодически, в местах наиболее возможного перемещения оружия и снаряжения бандформированиями, небольшие сводные группы нашего батальона организовывали засады. Эта рутинная боевая работа была незаметной и обыденной, потому не отпечаталась в моей памяти до мельчайших подробностей. В памяти остаются яркие моменты, которые сопряжены с риском или какими-нибудь неординарными событиями.

В начале августа 1987 года в штаб батальона поступила информация о готовящейся «переброске» оружия и боеприпасов в районе ответственности нашего батальона. Нашей роте предстояло принять участие в очередной засаде. Командиром группы назначили Сергея Ефимкина, меня его заместителем. Из офицеров управления батальона был привлечен секретарь комсомольской организации подразделения, старший лейтенант Игорь Крамарчук. Бойцы нашей роты были основным костяком группы, несколько человек привлекались из управления батальона. Состав участников засады определялся командиром группы. Каждый боец рассматривался в индивидуальном порядке. Важно было всесторонне оценить его качества и

предвидеть, как военный сможет применить полученные им навыки в реальном бою. И если по каким-либо причинам мы отклоняли и не включали в группу солдата, у некоторых возникали нешуточные обиды: - «Почему Васю Пупкина взяли в засаду, а меня нет?» Приходилось сглаживать углы и аргументированно доказывать правоту принятого решения.

Мы с Сергеем по карте изучили возможные маршруты движения духов, а накануне днем, под видом очередного рейда, провели рекогносцировку (изучение) местности, на которой предстояло выполнить задачу.

Шестого августа, после обеда, группа в полном составе собралась в управлении батальона. Командир батальона, майор Чуваев С.А. и начальник штаба батальона майор Панченко Константин Александрович. произвели смотр личного состава и проверили готовность к выполнению задачи. Начштаба отдал приказ на выполнение засадных действий.

Командир группы довел до бойцов сведения о противнике, затем на карте и схеме указал расположение позиций каждой подгруппы и их задачи, порядок открытия огня и действий при захвате пленных (документов, вооружения) и после выполнения задачи, сигналы открытия огня, нападения, отхода и назначил своего заместителя. Кроме этого, Сергей уточнил порядок эвакуации раненых и убитых, а также доставки пленных, захваченных документов, образцов вооружения, порядок действий подразделения при обнаружении засады противником в ходе выдвижения к месту засады. Таков был установленный порядок, определенный боевым уставом и опытом, который мы приобрели в Афганистане и неукоснительно его выполняли.

В десятом классе средней школы я прочитал знаменитый роман Александра Бека «Волоколамское шоссе», о подвиге советских солдат и офицеров 1-го батальона 1073 стрелкового полка 316-й дивизии генерал-майора Панфилова, которые сражались и отдавали жизни в схватке с немецкими захватчиками под Москвой на Волоколамском направлении, осенью – зимой 1941 года. Большое впечатление произвела глава, в которой описывалось, как остатки батальона выходили из окружения по единственной дороге. В какой-то момент фашисты открыли автоматнo-пулеметный огонь трассирующими пулями, почти в упор. Автор описывает безумие, которое охватило наших бойцов от того, что каждый из них своими глазами видел пули, летящие в них. Перед выходом на засаду мы решили воспользоваться этим опытом и снарядили первые магазины автоматов и ленты пулеметов трассирующими патронами.

На трех бронетранспортерах, чтобы не привлекать внимание, по боевому (весь личный состав находился внутри БТР), наша группа выдвинулась в район проведения засады. Нам необходимо было проехать около десяти километров до заставы минометной батареи нашего батальона, которой командовал капитан Алексей Визитиу. Эта застава была самая удаленная от расположения батальона. На заставе было несколько глиняных строений, огороженных высоким глиняным забором, с большим внутренним двором, поэтому наше пребывание на заставе было скрыто от посторонних глаз. Рядом с заставой находились два небольших кишлака (Дехи Калан и Шахтапа), из которых постоянно осуществлялось наблюдение за передвижениями на заставе. Позиции 120-ти миллиметровых минометных расчетов, с окопами и ходами сообщений, располагались за периметром строений.

В этот день у заместителя командира первого взвода, старшего сержанта Хуршеда Уракова был день рождения. Мы вспомнили об этом событии и поздравили его перед строем нашей группы.

Дождавшись темного времени суток, под покровом ночи, группа выдвинулась к месту проведения засады. Бронетранспортеры остались на заставе, в готовности немедленно прибыть к месту проведения засады. Пеший путь до места засады занял около часа. Мы старались как можно тише, без лишнего шума, продвигаться по тропе, сначала по высохшему руслу реки, а затем по тропе вдоль дороги на Алиабад. Условленными сигналами дозорные докладывали об обстановке. Колонна солдат, с дистанцией пять-шесть шагов, размеренным шагом двигалась установленным маршрутом.

Наконец группа заняла свои позиции. Место засады было выбрано на пересечении двух дорог: Алиабад – Ханабад и одной из многочисленных проселочных дорог в направлении на Карамколь. При подготовке к засаде мы предполагали, что перемещение духов с оружием будет осуществляться по проселочной, обходной дороге, со стороны Кундуза, в направлении Карамколя, поэтому основная подгруппа, во главе со старшим лейтенантом Ефимкиным, расположилась за небольшим валом, на удалении ста метров от перекрестка, воль дороги на Карамколь. Подгруппа из четырех человек со старшим подгруппы – сержантом Гуджюнас, заняла позиции в пятидесяти метрах дальше от основной группы, в направлении Карам Коля, с задачей захвата или уничтожения боевого дозора. Подгруппа во главе со старшим лейтенантом Игорем Крамарчуком, из четырех человек, находилась вдоль дороги Алиабад – Ханабад, с задачей - обеспечить уничтожение противника, который будет пытаться выйти из боя, отходя обратным маршрутом. В

каждой подгруппе было разделение на двойки, чтобы бойцы могли страховать друг друга.

В засаде главное – скрытность, внезапность и четкое взаимодействие всех подгрупп. По опыту проведения подобных боевых действий, не всегда удавалось реализовать то, что было задумано командованием и нами, непосредственными участниками событий. В засаде большое значение имеют его Величество Случай и Везение.

Непосредственно на месте, где расположилась засада, не было каких-либо естественных укрытий, поэтому для скрытного расположения пришлось использовать небольшой вал вдоль дороги, который не позволял со стороны предполагаемого движения противника, наблюдать нашу группу.

Темное время неумолимо заканчивалось, прошло около двух часов нашего пребывания в засаде. Ещё немного и нам необходимо было возвращаться «на базу», нужно было до рассвета скрытно покинуть место засады. Сергей взглядом показал на часы. Я понял, что через полчаса надо собирать группу в обратный путь. Наступило чувство легкого разочарования от того, что все усилия потрачены впустую, что мы вернемся в батальон без результата. Где-то в глубине души я радовался, что мы живы, нет пострадавших и все наши результаты ещё впереди...

В таких мыслях меня застала, шёпотом произнесенная ротным, фраза:
- Духи, духи, духи...

Наблюдатель на правом фланге нашего расположения доложил по радиостанции, что увидел душманов. В прибор ночного видения Сергей увидел двух дозорных, которые озираясь по сторонам, шли в нашем направлении, и передал прибор мне. Ротный жестом показал, чтобы никто не трогал эту парочку. Мы выдерживали паузу, давая душманскому дозору пройти мимо основной подгруппы, ничем себя не выдавая. Через некоторое время я и сам смог разглядеть приближающиеся силуэты. В составе душманской группы было несколько выючных лошадей, которых сопровождала банда из семи – десяти человек.

Между собой мы распределили цели. Расстояние до «духов» было не больше десяти метров. Отчетливо слышались вдохи-выдохи и стук копыт лошадей. Сергей на мгновение приподнялся из-за земляного вала на колени, не произнося никакой команды, первым произвел автоматную очередь. Огненный шквал обрушился на «духов» и животных. Сержант Усербаев Азим, огромными ручищами схватил пятидесятимиллиметровый осветительный патрон и с руки направил его в сторону душманов. Ракета яркой вспышкой врезалась в первую лошадь, озаряя близлежащее пространство. От трассирующих пуль на противоположной стороне дороги

загорелся сухостой. Вся картина происходящего напоминала замедленную съемку художественного фильма-боевика. Никто из основной группы душманов не оказал сопротивления. Одновременно с началом скоротечного боя, подгруппа сержанта Гуджюнаса уничтожила дозор духов. Через минуту мы услышали и увидели автоматные очереди подгруппы старшего лейтенанта Игоря Крамарчука. Несколько душманов, которые замыкали караван, попытались убежать от места засады.

От всех подгрупп поступил доклад о выполнении задачи и о том, что никто не пострадал. Скоротечный бой занял немногим более трех минут.

Командир группы дал команду бронетранспортерам – прибыть к месту засады. Захваченные тюки были забиты оружием и снаряжением. Я слышал, как ротный докладывает в батальон о выполнении задачи, о приблизительном количестве уничтоженных духов и о количестве добытого оружия. После доклада Сергей выругался и приказал подчиненным загрузить на БТР несколько трупов. В тот момент мы вместе с бойцами недоумевали о полученном из батальона приказе. Только по прибытии в батальон, поняли, нам не верили, что был настоящий бой и что есть результаты этого боя. Такое иногда было в Афганистане, когда подразделение, в качестве результатов боевого выхода, использовало ранее захваченное оружие. Матерясь, бойцы закинули четыре трупа на броню и, убедившись, что всё «зачищено», группа выдвинулась в обратном направлении.

Отъехав от места засады метров пятьсот, старший лейтенант Ефимкин отдал команду командиру минометной батареи – капитану Визитиу, произвести огневой налет на место, где минутами ранее была засада...

Обратная дорога показалась скоротечной. Солнце вышло из-за горизонта и осветило своими лучами крыши землянок и строений нашей роты. Нас встретили офицеры и прапорщики родной второй роты. Два бронетранспортера с личным составом второго взвода нашей роты и солдатами управления батальона проехали в расположение батальона. По горячим следам, вкратце, мы рассказали своим сослуживцам о засаде. Наш рассказ прервал телефонный звонок из штаба батальона. Комбат просил нас с Сергеем приехать в управление батальона.

Сергей Александрович, с начальником штаба батальона встретили нас у входа в батальон. Ротный ещё раз доложил о результатах засады. Бойцы выгрузили оружие, боеприпасы и снаряжение на плац перед зданием штаба. На бетонном плацу лежали: две винтовки «Бур» английского производства, два пистолет-пулемета Шпагина, два пулемета Дегтярёва и около тридцати «китайских» автоматов АК-47, с магазинами и боеприпасами.

Комбат пригласил нас и офицеров батальона в столовую. Как это ни странно, я в первый раз был в батальонной офицерской столовой. Все было уютно, по-домашнему, с белыми занавесками на окнах, с разными картинами на стенах. Стол был накрыт специально к нашему приезду. Когда только повара успели приготовить званый завтрак?

Сергею, Игорю и мне налили по стакану самогонки. Мы залпом опустошили содержимое. Ротный во всех тонкостях и мелочах рассказал о ночной засаде. По своему состоянию я чувствовал, что алкоголь не оказывает своего воздействия на меня. Я был абсолютно трезвым. Видимо количество адреналина в организме зашкаливало и компенсировало возможности самогона...

В беседе с комбатом и начальником штаба батальона, мы узнали, что в результате засады нами была уничтожена группа «духов», которая накануне вечером захватила царндоевский пост (пост афганской милиции), и двигалась по предполагаемому нами маршруту.... Обсуждение произошедшего заняло немного времени. Участники засады сфотографировались для истории, и мы уехали на свою заставу.

День набирал свои обороты. После ночных приключений необходимо было отдохнуть, но ближе к обеду звонок из батальона прервал наш отдых. Звонил комбат и попросил снова приехать в управление батальона.

На въезде в батальон стоял белый афганский пикап. Это не сулило ничего хорошего. Мы увидели афганцев, которые исподлобья смотрели в нашу сторону. Среди встречавших нас афганцев был родной брат одного из убитых в ночном бою «духов»....

Нам предстояло показать афганцам место проведения засады, с тем, чтобы те смогли забрать оставшихся после боя собратьев и до захода солнца успеть их предать земле. По сути это было ещё одно «задание» за сутки, которое потребовало от нас повышенной бдительности и особой концентрации. Мы выехали на двух бронетранспортерах с частью тех же бойцов, с кем накануне ходили в засаду. Посадили на свою «броню» троих афганцев. Это были такие же «духи», с которыми мы встречались в ночном бою.

Проезжая мимо гарнизонной свалки, гул двигателей бронетранспортёров и клубы пыли, подняли в небо бесчисленную стаю грифов. Сергей сидел на «шторке» смотрового люка, держась левой рукой за ствол крупнокалиберного пулемета. Я, развернувшись в противоположную движению сторону, контролировал афганцев, которые расположились на задней части БТРа. По их лицам было видно, что они готовы в любую минуту

открыть огонь по нам. Единственное, что немного успокаивало - отсутствие в руках афганцев оружия. По мере приближения к месту засады, напряжение возрастало. Мы были готовы к любому развитию событий.

Наконец мы прибыли к знакомому месту. Афганцы спрыгнули с «брони», подошли к телам своих соплеменников, часть из которых мы не стали забирать ночью, и совершили молитвенный обряд. Сидя на бронетранспортёрах, мы сверху наблюдали за происходящим. Загрузив тела в кузов пикапа, афганцы стали думать, как транспортировать туши лошадей. Решили вторым рейсом перевести распухших на жаре животных. Обратная дорога была еще тревожнее.

Не скрывая скорбь по своим родным и ненависть по отношению к нам, афганцы не проронили ни слова. Тоска и печаль от увиденного на месте засады, переполняли и мои чувства. Почему-то хотелось быстрее забыть этот эпизод своей афганской службы.

Часть двадцать шестая.

Старший прапорщик Верховский Николай Сидорович, техник нашей роты, прибыл к нам летом 1987 года. До Афганистана он служил в Одесском военном округе, помощником командира танковой дивизии, в городе Бельцы, в Молдавии. На вид ему было около пятидесяти лет. Слегка лысоватый, плотного телосложения, техник роты всегда был в чистом обмундировании. Он целенаправленно приехал служить в Афганистан для увеличения выслуги лет и не скрывал своего желания, чтобы ротный не брал его на боевые действия. Мы с понимаем относились к его желанию оставаться в «тылу». Он один из не многих военнослужащих в нашей роте, кто каждый день получал долгожданную большую пачку писем от родных и знакомых и сам ежедневно отправлял столько же на Родину.

В нормальном понимании соответствия его должности, старший прапорщик не был технарем. Этого, собственно, и не требовалось. Используя свой жизненный опыт и быстро наработанные на различных складах 201-й дивизии связи, Николай Сидорович смог организовать безаварийную эксплуатацию нашей техники.

13 сентября 1987 года, в день танкиста, по инициативе старшего прапорщика Верховского, офицеры и прапорщики роты, находившиеся на заставе, организовали небольшой праздничный стол. Не было только Сергея Ефимкина – он был в очередном отпуске. Ротный так же имел отношение к танкистам, так как до Афганистана служил в гвардейской Кантемировской танковой дивизии. Однако, не успев начать праздничную трапезу, мы

услышали гул самолетных двигателей. Командир первого взвода - Габиль Мамедов, выразил недоумение по поводу дневных полетов транспортной авиации. Через мгновение раздался хлопок, мы выбежали на открытое пространство заставы и увидели Ан-26-й, который залетел за границы охранной зоны, углубившись в «зеленку» (местность, покрытая растительностью, в которой укрывались душманы). Из правого двигателя валил черный дым. Мы молили Бога, чтобы пилоты смогли дотянуть до аэродрома, но самолет слишком далеко завернул спираль, а большое расстояние и малая высота не позволили благополучно совершить посадку. Самолет упал и взорвался в семи километрах юго-западнее нашей заставы, за кишлаком Мадраса.

Наше подразделение было самым близким к месту падения Ан-26-го. Наблюдатели с заставы третьего взвода нашей роты, которая располагалась в крепости, засекли предполагаемое место обстрела самолета и передали координаты в управление батальона.

Получив приказ из штаба, тревожная группа в составе двух бронетранспортеров и двадцати человек личного состава, немедленно выехала к месту падения самолета. По пути следования нашей группы, над нами пролетела пара Ми-24-х афганской армии, которая приступила к «обработке» предполагаемого места выстрела ПЗРК. Из этого следовало, что сбитый самолет предположительно был афганским. Подъезжая к горевшему самолету, мы увидели и услышали разрывы артиллерийских снарядов...

Наша группа первой прибыла к самолету, точнее к его останкам. Бойцы заняли круговую оборону. Солдаты отрыли одиночные окопы в полный рост. Пожар никто не тушил, да и тушить, собственно, было нечего.

На поверхности земли по разным сторонам лежали крылья, хвостовая часть и колпак носовой части. Фюзеляж самолета был скрыт землей. Спустя полчаса к самолету подъехали два ГАЗ-66-х, битком набитых афганцами в гражданской одежде. В первый раз я познакомился с бойцами ХАДа (название службы государственной безопасности в Демократической Республике Афганистан). Их невозможно было отличить от душманов. Командир группы ХАД, товарищ Али, первым подошел и представился. Мы поздоровались по мусульманскому обычаю. Али рассказал мне, что в самолете находилось пятнадцать человек. В составе пассажиров самолета был советник начальника службы ракетно-артиллерийских вооружений пехотной дивизии Вооружённых Сил ДРА с женой. Гораздо позже я узнал его фамилию и имя. Это был подполковник Артемов Алексей Иванович и его супруга, Рая. Кроме этого, самолет перевозил семьдесят миллионов афгани, для выплаты денежного довольствия в силовых ведомствах, в трех северо-

восточных провинциях Афганистана. Вот эта последняя новость немного насторожила. Я предположил, что «духи» знали, какой груз перевозил самолет. Поэтому была вероятность захвата самолета с деньгами со стороны душманов.

Когда стемнело, бойцы на костре разогрели сухой паёк. Я предложил товарищу Али отужинать вместе с нами. Он принял предложение и в знак благодарности протянул сигарету. Я догадался о её начинке и вежливо отказался.

Когда совсем стемнело, к нам подъехал КУНГ (специальная аббревиатура для кузовных типов транспортных средств, которая расшифровывается, как «кузов унифицированный нормального габарита») комендантской роты 201-й мотострелковой дивизии, с охраной в составе двух бронетранспортеров. Сержант комендантской роты попросил меня подойти к будке, в которой находился неизвестный мне начальник.

Дверь КУНГа открылась, и я увидел знакомое лицо – это был подполковник Шеховоданов В.Н. По случаю праздника, он был слегка навеселе. Снова судьба свела меня с этим офицером. Я представился.

- Ты что ли старший? - спросил подполковник. Заместитель командира дивизии узнал меня.

Я доложил о количестве задействованных для охраны самолета военнослужащих, о том, что группа заняла круговую оборону, что в случае нападения, группу поддерживает огнем застава третьего взвода нашей роты, что кроме нас на месте крушения самолета находится порядка сорока «хадовцев».

- Ты знаешь, что в самолете?

- Да, знаю, - ответил я.

- В общем, так, мне не надо семьдесят миллионов, мне достаточно одного. Понял? – без вариантов для возражений отрезал подполковник.

– Деньги лежат в несгораемых мешках, в переднем багажном отсеке. Надо убрать «хадовцев» от самолета и, ну ты меня понял..., – многозначительно протянул офицер.

Дверь КУНГа закрылась. Я шел к своим бойцам и не знал, как выполнять распоряжение офицера. С одной стороны – приказ вышестоящего командования, с другой – разлад с собственной совестью...

В этот момент я вспомнил слова своего товарища по училищу, Александра Походина, который служил в Ташкентском ВОКУ взводным. Он встречался со многими нашими однокашниками, возвращавшимися из Афганистана, и слышал от них, что в Афгане много различного рода

искушений. Зачастую они связаны с нарушением общепринятых норм, человеческих принципов и граничат с криминалом.

- При любой ситуации необходимо оставаться в ладу с собственной совестью, - слова старшего лейтенанта Походина я помнил....

Я подошел к командиру «хадовцев» и попросил собрать в кучу его бойцов, для того, чтобы мои солдаты в темноте не перепутали их с душманами, и выставил двух своих бойцов для их охраны. Через несколько минут над расположением афганцев образовался специфический смог и постепенно их голоса стали стихать. Я подошел к самолету. Оплавленный металл искорёженными кусками валялся под ногами. Кое-где еще догорало авиационное топливо.

С заставы третьего взвода, которая располагалась в крепости Насири, ночную тишину нарушали раскаты 120-ти миллиметрового миномета, который производил выстрелы осветительными минами в нашу сторону. Периодически я выходил на связь с командиром третьего взвода, старшим лейтенантом Артемом Купиным. Он передавал мои доклады в батальон.

Рассвет встречал ожиданиями, которые не сулили ничего хорошего. Сбившись в одну большую кучу – малу, афганцы спали на земле. Наши бойцы в полном составе бодрствовали. Проходя по периметру охраняемой зоны, мимо некоторых солдат, я не сразу мог их разглядеть. Окриком они останавливали меня, давая понять, что всё в порядке, «службу служат»....

Я не стал выполнять распоряжение подполковника....

С рассветом началось движение. Над нами пролетели две пары вертолетов афганских ВВС. Затем один Ми-8-й произвел посадку. Из вертолета вышла группа офицеров афганской армии, во главе с генералом, с пышными черными усами. Афганцы обступили самолет, о чем-то долго разговаривали. Один из офицеров фотографировал останки разбившегося самолета. Незаметно подошел подполковник Шеходанов и взглядом подозвал меня к себе. Я доложил ему, что не было никакой возможности что-либо сделать, чтобы выполнить его распоряжение. Тем временем, генерал отдал приказ на начало работ по откапыванию самолета. «Хадовцы» долгое время не решались приступить к работам. Тогда генерал заорал на них. Стоящий рядом со мной афганец попытался воткнуть свою лопату в землю. Его попытка не увенчалась успехом. Затем еще несколько «хадовцев» повторили попытку. Земля, как будто спеклась в один конгломерат...

Я дал команду своим бойцам принести ломы и помочь дружественному афганскому народу. Наши ребята лихо принялись за работу и показали, как необходимо копать землю.

Афганскому генералу стало неловко, и он попросил меня увести солдат. На этом наша миссия была закончена. Замкомдива приказал собраться и убыть к месту постоянной дислокации.

Ближе к вечеру, через заставу первого взвода нашей роты, под охраной «хадовцев», на двух, доверху заполненных ГАЗ-66-х, провезли обожженные мешки с пайсой (афганская валюта). Когда уже совсем стемнело, стали перевозить «двухсотые»...

Часть двадцать седьмая.

В двадцатых числах сентября 1987 года, в батальон с проверкой прибыл старший инспектор политуправления Туркестанского военного округа, майор Синельников Сергей Григорьевич. Командование батальона предупредило все заставы о проверке, поэтому как каждая хорошая хозяйка готовится к встрече гостей, мы тоже навели соответствующий порядок. Майор Синельников, в сопровождении заместителя командира батальона по политической части - майора Ермолаева Владимира Владимировича, поехал по заставам нашего батальона. Он проверял, как устроен быт наших солдат, как организована партийно-политическая работа в подразделениях. По прибытии на заставу управления нашей роты, мы с Сергеем Ефимкиным встретили проверяющих офицеров.

Майор был чуть выше среднего роста, светловолосый, загорелый, в новеньком обмундировании и в черных солнцезащитных очках. Сергей доложил, чем занимается личный состав подразделения, о численности военнослужащих, об обеспеченности бойцов всеми необходимыми видами довольствия.

Мы прошли в землянку, где располагались солдаты и сержанты. Проверяющий осмотрел прикроватные тумбочки, постельное бельё, поинтересовался, когда последний раз была его замена. Затем мы прошли в столовую. Все было почти в идеальном состоянии, за исключением огромного количества мух, с которыми мы боролись с переменным успехом. Главным местом его осмотра была, естественно, «Ленинская комната». Спустившись в землянку, где находилось помещение «Ленинской комнаты», майор Синельников спросил:

- Откуда вы, товарищи офицеры?
- Я из Наро-Фоминска, служил в Кантемировской дивизии, - ответил Сергей.
- А я из Абакана.
- Служили там? – с удивлением обратился ко мне проверяющий.
- Нет, я родился и вырос в Абакане.

- А где учились, в какой школе?
- В шестнадцатой, в районе кинотеатра «Космос»....
- А моя мама живет на проспекте Ленина, дом 28, - неожиданно поведал майор.
- Там ещё магазин на первом этаже, продуктовый....
- Да, рядом с мемориалом Победы....
- Точно всё, в соседнем доме, на первом этаже, с торца, находится караульное помещение поста № 1 мемориала Победы. Я имел честь стоять в почетном карауле....
- Ну, надо же, первый раз такого близкого земляка встречаю в Афганистане, - продолжил майор Синельников.

Меня переполняли эмоции. Дистанция между старшим инспектором политуправления ТуркВО и мною сократилась до теплых приятельских объятий. Мы отыскивали общих знакомых, так как Абакан небольшой город, и много людей было нашими общими знакомыми. По существу, на этом проверка в батальоне закончилась....

В августе 1986 года майор Синельников Сергей Григорьевич был заместителем командира по политической части, в Шиндантском полку. Это один из шести полков, которые были «выведены» из Афганистана по инициативе Генсека ЦК КПСС М.С. Горбачева. Дальнейшее прохождение службы в политуправлении ТурВО для майора Синельникова стало логическим продолжением карьеры. Он был самым молодым инспектором политуправления ТуркВО.

- Ну, так что, вечером встречаемся на ужине? – обратился к нам Сергей Григорьевич.
- Конечно, какие вопросы, - в голос ответили мы с Сергеем.
- Я буду не один, со мной старший лейтенант Коновалов и ещё, может быть кого-нибудь привезу...
- Хорошо, всё будет готово к восемнадцати часам, – подтвердил ротный...

Мы продолжили общение за ужином.

- Знакомьтесь, это Ирина, - вместе с Сергеем Григорьевичем в нашу роту приехала молодая женщина, которую мы с Сергеем знали.
- А мы знакомы, - с удивлением посмотрев друг на друга, ответили на призыв познакомиться мы.

Это была «Ирина-Прима». Такое прозвище ей дали офицеры фэйзабадского полка, за её безукоризненный внешний вид и потрясающие формы. Ирина «служила» продавцом в магазине фэйзабадского гарнизона. Когда мы изредка приезжали в полк и заходили в магазин, фэйзабадский замкомроты Арсалан Гомбоев оказывал ей безуспешные знаки внимания, а

мы перекидывались между собой отдельными фразами. Она была весьма хороша собой и знала себе цену. Увидев её у себя на заставе, мы были искренне удивлены и она тоже. «Прима» работала в дивизионном магазине «Книги». Именно там, накануне, Ирину увидел майор Синельников и пригласил её к нам на заставу, с тем, чтобы скрасить мужскую компанию своим присутствием.

Стол был накрыт в нашем огороде. Это был маленький оазис среди пустыни, накрытый армейской маскировочной сеткой, защищающей от палящих солнечных лучей. К столу был подан салат из свежих овощей с зеленью, плов, консервированная югославская ветчина, чай Lipton, югославские компоты и соки....

За рюмкой чая завязалась непринужденная беседа. Мы вспоминали нашу малую Родину. Затем, постепенно, разговор перешел на армейские дела. Я видел, как мутнели глаза майора. Он стал рассказывать о каких-то мешках с пайсой (афганские деньги), которые всегда стояли у него в кабинете, когда он служил в Шиндатском полку. Майор, наверно намекал на какие-то «бакшиши» (подарки), которыми мы должны были его отблагодарить? Я понял его намеки. Но при всем нашем желании, каким-то образом расположить к себе проверяющего, а тем более моего земляка, у нас не было никаких возможностей сделать это.

Единственное что я мог себе позволить – это показать «культурную программу» из своих песен-переделок, стихов, баню и бассейн. Что и было с восторгом встречено нашими гостями.

Расслабленное выражение лица майора Синельникова говорило о том, что ему и его спутникам понравилось наше гостеприимство, но осадочек, видимо, остался...

Не думал, что после Афганистана, когда я уже не буду служить в армии, судьба вновь сведет меня с С.Г. Синельниковым. Встреча с ним, спустя почти десять лет после Афгана на «гражданке», для меня, слава Богу, закончилась без последствий.

Часть двадцать восьмая.

Сергей Ефимкин прибыл из отпуска в начале октября. На лице ротного была нескрываемая печаль и тоска. Неохота было лезть в душу к командиру, да и он не особо горел желанием посвящать нас в свои размышления и переживания. После отпуска пребывание на войне становится настоящим испытанием для каждого, кто служил в Афганистане.

Там, в Союзе мирная и спокойная жизнь, со всеми вытекающими прелестями. Подавляющее большинство советских граждан представить себе не могли, в каких условиях проходят службу военнослужащие 40-й армии в Афганистане. Какому риску и опасностям подвергаются их соотечественники на афганской земле. Только узкий круг родных и близких людей, и то не в полной мере, знали, что на самом деле происходит в Афганистане. К концу 80-х годов дозированная информация о службе в Афгане была доступна широкой массе наших соотечественников, но в большей степени, страна старалась не замечать этого явления.

Вот этот контраст, между увиденным и прочувствованным в Афгане и равнодушием подавляющего большинства советских граждан, вызывал психологический дисбаланс в восприятии одного и того же события разными людьми.

На адаптацию к военной жизни уходило определенное количество дней. Сергей ждал изменения своего служебного положения. Но обещанных перемещений по служебной лестнице не было. Необходимо было найти новую мотивацию для дальнейшей жизни и службы. А мотивация была проста и банальна. Надо было сохранить себя и жизни своих подчиненных, во что бы то ни стало....

Часть двадцать девятая.

С новыми силами мы окунулись в военные будни. Да, у нас не было своего «Сталинграда», но рота ежедневно занималась боевой подготовкой. Каждое утро начиналось с трехкилометрового марш-броска и зарядки в бронежилетах. Мы приводили оружие к нормальному бою, выполняли стрельбы из различных видов оружия, отрабатывали действия по боевому расчету, совершенствовали материально-техническую базу на каждой заставе. Мы построили дополнительные укрепления и стены на заставах, хорошую столовую в управлении роты, дополнительную долговременную огневую точку на удаленной заставе третьего взвода, в крепости. У нас было пятнадцать единиц военной и транспортной техники, которые требовали постоянного обслуживания и ремонта. Кроме этого, с завидной периодичностью, рота осуществляла патрулирование зоны ответственности батальона и засады. Поэтому скучать и тосковать было некогда. Редкими вечерами занимались написанием писем домой, слушая музыку и просматривая новостные телевизионные программы.

Однажды вечером, за ужином, в расположении первого взвода раздалась автоматная очередь, затем ещё одна.... Мы выбежали на улицу. В кромешной темноте невозможно было сразу понять, что произошло....

Сбивчивым голосом дежурный по заставе доложил, что наблюдатель увидел в окопе какой-то силуэт и произвел очередь из автомата в направлении подозрительного лица. Мы с Сергеем и Габилем подошли к траншее, осветили карманным фонариком предполагаемое местонахождение «силуэта» и увидели хорошо отпечатанные, на ещё не высохшем от выпавших осадков дне окопа, следы. Одни следы представляли собой отпечатки босого человека, другие – отпечатки кроссовок. Пара следов вела к проходу в минном заграждении.

Немедленно была поднята тревожная группа, и мы на бронетранспортере стали преследовать непрошенных гостей. Освещая местность штатной фарой «Луна» и осветительными патронами, на ходу простреливая автоматными очередями складки местности, мы почти приблизились к кишлаку Накель. Не менее двух часов ушло у нас на поиск злополучной парочки, но так никого мы не обнаружили. Мы возвратились на заставу и ещё раз осмотрели следы. Сомнений кому они принадлежали, ни у кого не было, это были духи.

Сергей доложил о случившемся комбату. Было принято решение усилить бдительность на заставах и устроить ежедневные засады на возможных маршрутах передвижения лазутчиков.

В течение десяти ночей мы с Габилем Мамедовым, командиром первого взвода, в километре от заставы, по очереди выходили в засаду. В конце ноября в Афганистане обычно теплая погода днем и холодная ночами. Коротая время в засаде, приходилось лежать на «голой» земле, подкладывая плащ-палатки. После проведенной ночи, голова наполнялась галлюцинациями. Плащ-палатка лежала на маковой траве. Производя телодвижения на подстилке, эфирные масла перемешивались с росой и испарялись, и нам невольно приходилось вдыхать дурманящий аромат. Кроме этого, холодная сырая земля вытягивала остатки тепла из организма. Мы стойко переносили тяготы и лишения, но все наши старания оказались напрасными. Никто больше не посмел повторить попытку вылазки в наше расположение.

Часть тридцатая.

У военных есть одна байка. Молодого лейтенанта, отслужившего в воинской части после училища год, вызывает командир и спрашивает:

- Лейтенант, скажи, что тебе больше всего нравится, потная женщина или холодная водка?

- Конечно, холодная водка, - ответил лейтенант.

- Хорошо, в отпуск пойдешь в декабре, - резюмировал командир...

Приблизительно так же получилось и у меня. Только я не был молодым лейтенантом, и отпуск у меня был ровно через год моего пребывания в Афганистане.

Отпуск приблизился не заметно. Я собрал стандартный набор подарков для родных и близких, который включал в себя: платки с люрексом, сервизы кофейный и чайный с мелодией, костюмы спортивные, кроссовки, джинсы «вареные», костюм «Kommando», тигровое покрывало, ткань маме на платье, двухкассетный магнитофон, электробритву Sanyo, набор «ногтегрызок», ручки, и ещё какую-то мелочь. С одной пересадкой, через Кабул, долетел до Ташкента. Не помню, чтобы как-то особо тщательно проходил таможенный контроль, но в автобус, следовавший до Ташкентского аэровокзала, я не попал.

Пришлось воспользоваться услугами таксиста-частника. Много раз всех нас, воинов – афганцев предупреждали, Ташкент город хлебный, но он же и прифронтовой город, в котором криминальный мир способен на опасные преступления.

Ко мне подошел водитель узбек и спросил:

- Командир, куда едем?

Я назвал адрес своего товарища по училищу - Саши Походина. Он жил во флигеле рядом с Ташкентским ВОКУ. Мы загрузили вещи и поехали по незнакомому ночному шоссе. Проехав с километр, автомобиль свернул с основной дороги в махаллю (часть города с преимущественно мусульманским населением). Водитель сказал, что ему надо забрать своего брата, чтобы увезти в Ташкент. Он вышел из машины, прошел во двор и долгое время отсутствовал. Естественно, я немного насторожился и пересел на заднее сидение Волги, чтобы лучше контролировать ситуацию. Наконец, «братья» вышли, и мы продолжили движение в сторону города. Я плохо ориентировался в незнакомой местности и не представлял, где мы едем.

Вдруг посреди дороги возник переносной шлагбаум, в виде наспех срубленного ствола дерева, который был закреплен на подъемнике. Рядом со шлагбаумом стояли два милиционера и мотоцикл с коляской. Медленно

приближаясь к «милицейскому посту», «таксист» сказал, что надо дать денег, чтобы «не прикопались». Я протянул три рубля. Водитель вложил в водительское удостоверение купюру и, не выходя из машины, передал его милиционеру. Ловким заученным движением гаишник-узбек переместил трёшку в свой карман, посмотрел в кабину и произнес:

- У вас всё нормально?

- Ягши, ягши, командир, - у нас всё хорошо...

Мы продолжили поездку. Мои новые «друзья» на узбекском языке стали о чем-то разговаривать между собой. Разумеется, я не мог точно понять, «об чем речь», и решил перевести их разговор на русский, «включив» среднеазиатский акцент, вставляя узбекские и таджикские словечки и выражения, которые услышал в далеком детстве и общаясь с азиатами уже в армии.

- Бугун кундузи Тошкентда оби хавокандай? (Какая погода в Ташкенте днем?)

- Братан, ты, чё на узбекски гавариш? - удивился таксист.

- Кам-кам (чуть-чуть по-таджикски), у меня отцовский родня Пергана живет. Тетя Лида до сих пор с мужем там живёт, она на шелкомотальной фабрике бригадиром работает. Ещё тетя Надя в Киргилых на военном аэродроме у летчиков в медсанчасти служит. Бабушка давбно Пергана живёт. Знаешь, почему Пергана? Потому что «Пе» такой, - согнув руки и упершись ладонями в пояс, я показал букву «Ф»...

- Ай, брат, ну ты даёшь, хоп!!! А где Пергана тетка живет? – расплылся в улыбке «брат» таксиста.

- Ахунбабаевский массив, знаешь? Вот там и живет, дом 60, а бабушка живёт на Калининский массив, рядом с милисия, там ещё озеро искусственный есть, - во всех подробностях я начал описывать свои познания в географии Ферганы. При слове милиция, напарник слегка шелохнулся и повернулся в мою сторону. Последний раз я был в Фергане с родителями в 1975 году, но помню тот приезд во всех подробностях. Своими «баснями» я расположил «братьев» к себе и остаток пути, чувствовал себя немного спокойнее.

Тем временем мы подъезжали к Походинскому одноэтажному флигелю. Я показывал дорогу, которую хорошо изучил, прожив у Саши больше месяца перед отправкой в Афганистан. Я первым выскочил из машины, попросил открыть багажник с чемоданом, подошел к двери и нажал на кнопку дверного звонка.

- Сколько с меня?

- А, сколко не жалко, командир...

- Правда, сколько? Я не знаю ваших ночных расценок.

- Ну, давай сколько можешь.

Я достал сиреневую четвертную купюру и протянул таксисту.

- Эй, брат, я тебе там, в Тузеле, столко ждал...,- увидев «всего» двадцать пять рублей, жалобно протянул таксист, как будто он лично меня стоял и ждал.

- Ну, хотя б какой бакшиш-макшиш давай.

- Какой тебе бакшиш? Я тебе денег заплатил.

- Ну, там платок-маток, люрекс-мюрекс. Весе «афганцы» чё-нить везут.

В этот момент вышел Саня Походин в подаренных мною, ещё до «войны», красных фирменных шортах с тремя полосками, и мне стало спокойнее. Мы обнялись. Он увидел картину маслом и спросил меня:

- Сколько ты им денег дал?

- Двадцать пять рублей.

- Этого за глаза хватит, тинчгина кетинглар бу ерлардан (уезжайте отсюда с миром), на узбекском языке произнес Шура.

- Рахмат большой, брат, рахмат, – Саня поблагодарил водителя за мою доставку.

Часть тридцать первая.

Оказавшись в Союзе, я думал, что будет спокойно и мирно. Нет, Ташкент был прифронтовым городом, со всеми вытекающими последствиями. В Ташкенте четко работала «билетная» мафия, оказывая услуги по бесппроблемному приобретению билетов на все виды транспорта и на все направления. Около билетных касс стояли, так называемые «жучки», без труда вычислявшие «афганцев» и предлагали купить билеты в любую точку Советского союза.

На следующий день после прибытия в Ташкент, я поехал в аэропорт, отстояв в очереди, протягивая перевозочные документы, обратился к кассирше:

- Мне один билет до Абакана, через Красноярск, на завтра.

- Билетов до Красноярска на ближайшие дни нет, - даже не заглядывая в монитор компьютера, ответила, как отрезала женщина в синей форменной одежде.

Я отошел от кассы. Ко мне тут же подскочил «жучок», узбек с длинными вьющимися волосами, одетый в джинсовую рубашку и куртку и светлые льняные брюки.

- Куда летим, командир? – почти шёпотом, на ухо произнес молодой человек.

- В Красноярск, - ответил я.
- На Красноярск билетов нет, это точно, но я постараюсь помочь, брат.
- Давай, сколько это будет стоить?
- Двойная цена билета.
- Это сколько?
- Ну, сколько до Красноярска? Рублей пятьдесят? Вот и считай, пятьдесят рублей в кассу и сто рублей мне, - как вполне само собой разумеющееся озвучил «жучок».
- Понимаешь, надо всех «кормить».
- А проездные документы в кассу пойдут?
- Нет, только наличные.

Мне не жалко было этих денег, хотелось быстрее домой, к родным, но у меня просто физически с собой не было столько денег в кармане. Я решил съездить к Саше Походину, где я остановился, и вернуться в аэропорт.

Приехав домой, за обедом я рассказал Сане о своих мытарствах в аэропорту.

- Что-нибудь придумаем. У меня есть хороший знакомый, он служит военным комендантом в Ташкентском аэропорту. Я созвонюсь с ним, и сегодня вечером будем у него.

Так и случилось. Вечером, вдвоем мы нагрянули в холостяцкую квартиру к коменданту Ташкентского аэропорта.

Нас встретил молодой человек, наш ровесник, выпускник Ленинградского высшего ордена Ленина Краснознаменного училища железнодорожных войск и военных сообщений имени М. В. Фрунзе. Он был в курсе моих проблем и сходу пообещал отправить меня на Родину.

Мы быстро накрыли на стол, выпили за знакомство и за мою удачную отправку. Владимир, так звали моего «спасителя», попросил у меня документы и прошел в соседнюю комнату, с тем, чтобы продиктовать мои данные дежурному коменданту, для снятия его личной брони. Возвратившись, комендант от удивления широко открыл глаза.

- А у тебя случайно родственников генералов нет?
- Нет, не должно быть в родове генералов, - подумав, ответил я.
- У тебя фамилия, как у нашего начальника училища, и ты здорово на него похож, - не унимался Володя.
- Ты, наверное, скромничаешь?
- Нет же, точно говорю, ни одного генерала в родне не было, если только дед, где-нибудь.... Но дед офицер-танкист пропал без вести в первые месяцы войны.

- Хорошо, но это так редко бывает – и фамилия и похож на нашего генерала,
- чуть расстроившись, продолжил комендант.

Да, в этой жизни всё может быть. Спустя почти двадцать лет я был в Питере, вместе со своей женой Светланой, нашел улицу, которая носит мою фамилию и сфотографировался на память.

Утром следующего дня у меня был талон личной брони военного коменданта на приобретение билета до Абакана, с пересадкой в Красноярске. Я подошел к кассе и увидел знакомого жучка. Он метровыми скачками подбежал ко мне, в надежде, что я принял его предложение. Я жестом остановил его великодушный порыв и без очереди протянул талон кассирше.

- Что по брони? – с сожалением спросил молодой человек.

- Да, - коротко, без объяснений и с гордым видом ответил я.

Часть тридцать вторая.

В предвкушении встречи с родными, я летел домой. Мыслей никаких не было, быстрее бы увидеть маму и отца. Брата Олега в начале лета призвали в армию. У него была возможность пройти армейскую службу «заочно». Так практиковали спортивные функционеры, устраивая перспективных игроков хоккейной команды «Саяны» в местную железнодорожную военную бригаду. Но я категорически был против этого и в письме написал брату, чтобы тот не уваливал и как все нормальные мужики, отдал свой воинский долг нашей Родине.

Маме, наконец, дали квартиру в новом доме. Восемнадцать лет мы вчетвером прожили в крохотной однушке, имея только холодную воду. Чтобы помыться, необходимо было топить специальную ёмкость, так называемый титан. Я стеснялся пригласить своих друзей к себе в «апартаменты» и от этого испытывал комплекс неполноценного человека. Я не знал новый адрес, но у меня был новый номер домашнего телефона, поэтому приземлившись в Красноярске, я позвонил родителям, чтобы отец встретил меня в аэропорту.

Из Красноярска улетал последним ночным рейсом на Абакан. Весь свой багаж, а это большой чемодан весом тридцать килограммов, спортивная сумка около пяти килограммов и коробка с магнитофоном, необходимо было самому нести до самолета. В накопителе перед посадкой увидел своих знакомых абаканцев: заслуженного тренера по настольному теннису Ю.Д. Лебедева, мастера спорта международного класса Ирину Запевалову, мастера спорта Сашу Головченко, еще нескольких молодых спортсменов-теннисистов. Юрий Дмитриевич был моим первым спортивным тренером. С Ириной и Александром мы жили в одном районе и учились в одной школе.

Едва выйдя из теплого накопителя на посадочный перрон, у моего чемодана отвалилась ручка. Пришлось взвалить его на правое плечо, придерживая его той же рукой, спортивная сумка висела через тоже плечо, а коробка с магнитофоном расположилась в левой руке. Не пройдя и пяти метров, вся эта конструкция рухнула, и я оказался под ней. Я не мог пошевелиться, резкая боль в спине пронзила все моё тело.

- Что случилось, Юра, помочь? – знакомый голос Саши Головчено вселил в меня надежду на спасение.

- Да, если не трудно, Саня – еле шевеля губами от боли, ответил я.

- Юра, ты идти можешь, давай сумку или коробку, - предложил свои услуги Александр. Совместными усилиями мы добрались до трапа самолета. Пронизывающий декабрьский ветер продувал насквозь моё модное пальто. Непривычно было после Афганистана окунуться в холодный сибирский климат.

Ещё один перелет и я дома, в кругу семьи. Время в полете пролетело незаметно, всего сорок пять минут в воздухе и я снова на родной земле. Отсюда я неоднократно улетаю, уезжал и вновь возвращался. Знаю, как переживали за меня мама и отец. Чего им стоила моя служба в Афганистане, можно было только догадываться....

Превозмогая неугасшую за время полета боль в спине, я вышел к месту встречи пассажиров и увидел среди толпы встречающих своего отца. Мы крепко обнялись, я увидел, как потекли слезы из его глаз.

- Ну, здорово, батя, слава Богу, дома! – я стал успокаивать отца.

- Привет, сынок, как долетел?

- Нормально, если не считать проблем с чемоданом и вот этим барахлом,- я показал на свой багаж.

-А ещё спину в Красноярске сорвал, немного. Отец насторожился, подумав про себя, что у меня возможно ранение, о котором я ничего не написал и посмотрел, что можно сделать с ручкой чемодана, готовый устранить неисправность тут же, на месте.

- Поехали домой, я сорвал спину, подняв этот чемодан на перроне в Красноярске, - сказал я, предвидя ненужные расспросы отца.

Мы сели в такси и поехали по ночному Абакану. Я вглядывался в знакомые улицы, хотел запомнить и зафиксировать в своей памяти каждый пяточок родного города. Только теперь мы ехали не в свой, знакомый до боли «Космос», а в новый дом, по улице Советской....

Мама встретила на пороге квартиры, в слезах от радости и счастья. Старший сын вернулся на побывку. Из кухни по всей квартире разносился знакомый котлетный аромат. Стол уже был накрыт. Главное, что я выпил с

превеликим удовольствием, это цельное молоко, которого я не пил больше года. Это мой любимый напиток, который я любил с детских лет и мог за один присест с печеньем выпить литра два.

Непонятно, что это было, поздний ужин или ранний завтрак? Мы не могли наговориться, родители ловили каждое моё слово и старались запомнить всё, о чем я им рассказывал. Была сплошная семейная идиллия, не хватало лишь младшего брата Олега. Его летом призвали в армию, он проходил службу в Новосибирске, в батальоне охраны штаба Сибирского военного округа, водителем автомобиля. Я поделился с родителями мыслью о том, что мне обязательно надо съездить к брату.

Утром я не мог встать с дивана. Спина отваливалась, я не мог пошевелиться, резкая боль пронизывала всё тело. О какой-либо поездке в ближайшие дни не могло быть и речи. Я предположил, что результатом этих болей были мои ночные засады перед отпуском, когда мы лежали на сырой земле, в течение десяти ночей. Плюс ко всему, общее моральное и физическое истощение организма за год службы в Афгане.

Часть тридцать третья.

Лишь двадцать восьмого декабря я полетел к брату в Новосибирск. Поздно ночью пришел на КПП его воинской части в Мочищах, под Новосибирском. Олега вызвали и я, наконец, встретился с братом. Он, конечно, не ожидал меня здесь увидеть, но мне было важно встретиться с ним. С разрешения ответственного по роте офицера, меня разместили в ротной ленинской комнате. Я достал гостинцы, приготовленные мамой. Мы поели, поговорили и я попросил Олега, чтобы он поделился со своими сослуживцами разными вкусностями. Рядовой Коряков ушел спать, впереди его и меня ждал непростой день. Затем я встретился с ответственным офицером. Это был командир роты, в звании капитана. Офицер тоже служил в Афганистане. Нам было о чем поговорить. Я спросил ротного:

- Есть ли хоть малейшая возможность отправить брата со мной в небольшой отпуск?

- Скорее всего, такой возможности нет. Рядовой Коряков прослужил в батальоне немногим более полугода, поэтому командование вряд ли пойдет навстречу, - возразил ротный.

Но я знал, в батальоне служит мой училищный старшина, Валера Абрамов – командир стрелковой роты, к которому я и поехал ранним утром.

В училище, со старшиной Валерием Абрамовым мы были в одном взводе, одном отделении. Я командир курсантского отделения, он хоть и старшина курсантской роты, но на занятиях я командовал Абрамовым, и когда мы встретились в расположении батальона охраны СибВО, мой старшина чрезвычайно рад был меня увидеть. В училище он выделял меня и Саню Походина из всех курсантов и часто доверял нам выполнять особые поручения. Уже в начале учебы, когда вся рота проходила курс молодого бойца, мы втроем мастерили встроенные шкафы в двух каптерках нашей роты. Вечерами мы пели песни под гитару. Это занятие тоже нравилось старшине. Валера, как и я, был в группе курсантов, которая изучала французский язык. Он был очень старательным курсантом, но, без ложной скромности, у меня с французским получалось значительно лучше, чем у него, поэтому он иногда обращался ко мне за помощью, в чем я с удовольствием ему помогал. Все четыре года в училище прошли с нашим старшиной мирно и спокойно, хотя по отношению к остальным ребятам, он был непримирим.

Я рассказал Валере о своем желании попытаться взять Олега с собой в отпуск.

- Надо подумать. Я попробую поговорить с комбатом, если сможешь убедить майора, флаг тебе в руки, я постараюсь организовать тебе встречу, – обнадежил старший лейтенант Абрамов.

- Вечером поедем ко мне домой, Ирина накроет стол, посидим немного, пообщаемся.

- Хорошо, но только я должен знать, поедет ли брат в отпуск и надо ли покупать для него билет? – горел желанием закрепить свою надежду я.

- Ладно, я пойду к комбату и постараюсь с ним поговорить о тебе, решим твой вопрос, а потом, каждый по своим делам, - уступил Валера Абрамов.

До обеда я шатался по территории батальона, был в роте у старшего лейтенанта Абрамова. Затем посыльный пригласил меня к командиру батальона охраны штаба СибВО.

Зайдя в кабинет, я увидел здорового офицера, мы пожали друг другу руки. Большая теплая ладонь внушала уважение. До назначения в это подразделение, командир батальона командовал дисциплинарным батальоном Сибирского военного округа; я без раскочки и по существу начал излагать свои мысли:

- Товарищ майор, я брат солдата, который служит под вашим командованием в роте штабных машин, в Мочище. Я служу в Афганистане заместителем командира роты, сейчас нахожусь в отпуске, и хотел, чтобы вы предоставили возможность побыть мне немного дома вместе с братом. Я

понимаю, что он прослужил не так много, чтобы заслужить такое право, и я бы никогда не стал просить за него, но здесь ситуация исключительная, и я прошу вас пойти мне навстречу.

- Как вас звать, - поинтересовался майор.

- Юрий.

- А по отчеству?

- Михайлович.

- Юрий Михайлович, я все прекрасно понимаю, мы оба офицеры, хорошо, что вы такой сердобольный, но вы правильно заметили, он ведь отслужил всего полгода, как на это посмотрят его сослуживцы? - комбат сомневался и не решался сделать ответственный шаг.

- Товарищ майор, я бы никогда и сам не насмелился пойти на такую просьбу, если бы не служба в Афганистане, тут ведь всё может случиться, - я попытался использовать последний аргумент.

Закурив, комбат взял трубку телефона, набрал номер и спросил кого-то на другом конце провода.

- Здравия желаю, товарищ капитан! У вас в роте служит рядовой Коряков.... Да, он у меня сидит. Хочу спросить вас, как служит Коряков? – протянулась пауза, которая показалась мне вечностью. Я очень неловко чувствовал себя в положении просящего человека, но ради наших с Олегом родителей, надо было довести начатое дело до логического конца.

- Хорошо, срочно пишите ходатайство на его отпуск, и чтобы сегодня рапорт был в штабе батальона, а завтра рядовой Коряков должен быть в готовности убыть в отпуск, сроком на десять дней, не считая дороги, всё понятно? – распорядился комбат....

Наступило облегчение. Тут и без объяснений всё было понятно. Теперь необходимо было отблагодарить офицера. У меня, как у любого нормального человека в такой ситуации происходит ступор. Не знаешь, как тактично предложить подарок и как человек отреагирует на твоё предложение....

- Товарищ майор, как говорится, долг платежом красен, прошу принять скромный подарок, - я достал из дипломата две бутылки армянского коньяку, набор наливных ручек «Паркер – Золотое перо» и поставил весь подарочный набор на стол.

- Ни к чему всё это, старлей, не надо этих сантиментов, лишнее это, - скромничал майор.

- Это от души и от чистого сердца, товарищ майор.

- Ладно, если бы не Абрамов, вряд ли бы твой брат поехал домой. Давай по маленькой, - переходя на «ты» и доставая из сейфа две рюмки и лимон, предложил комбат. Мы выпили с майором по рюмке коньяка, он пожелал

мне без проблем дослужить в Афганистане. Я ещё раз поблагодарил комбата и вышел из кабинета.

Почти сутки мы с братом добирались на поезде до Абакана. Рано утром, тридцать первого декабря, в канун Нового 1987 года, пешком от железнодорожного вокзала мы дошли до нашего нового дома, по улице Советской. Перед тем как уехать в Новосибирск, я ничего не говорил родителям о своем желании привести Олега в отпуск, и когда открылась входная дверь, и они увидели на пороге своих сыновей, мама и отец чуть не упали в обморок.... Это было настоящее родительское счастье....

Часть тридцать четвёртая.

В начале февраля 1988 года после отпуска, я возвращался к месту службы в Афганистан, в провинцию Кундуз. На военном аэродроме «Ташкент- Восточный» (Тузель) суeta и неразбериха. Пройден пограничный контроль и таможня. Большой проблемой при пересечении советско-афганской границы, было провезти горячительные напитки, которые были запрещены к перевозке в Афганистан, по причине Горбачевского «сухого закона». Чемодан весил килограммов двадцать пять. Я боялся, что у меня будет перегруз, а оплачивать лишнее было уже нечем. Все деньги оставил в отпуске... Опасения оказались напрасными, так как особо за этим никто из персонала аэродрома не следил. В чемодан, привезенный ещё из Чехословакии, я упаковал трехлитровую банку «вишневого компота», запечатанную заводским способом. Вместо компота в банке был известный русский сорокаградусный напиток, подкрашенный настоящим вишневым сиропом.

Находясь в отпуске, я получил посылку от родителей моего солдата Вилли Рубина из Эстонии, с реактивами и фотобумагой для фотопечати, которые я забрал с собой в Афганистан, они и были основным тяжелым грузом. Родители солдата, в знак благодарности, для меня лично, вложили в посылку таллиннский бальзам и набор хороших шоколадных конфет.

Между тем, после прохождения пограничного контроля, разношерстная военно-гражданская братия набилась в накопитель и пребывала в ожидании посадки в Ил-76-й. На старых, порядком обветшавших, обитых черным дерматином раздолбанных сидениях, с чемоданами и разными поклажами, расположились уже побывавшие в Афганистане военнослужащие, которые возвращались из отпусков и командировок, и впервые ехавшие к новому месту службы офицеры и прапорщики, а так же вольнонаемные гражданские, в том числе и представительницы слабого пола. Кто-то спал,

кто-то пребывал в смятении и тревоге от предстоящих событий. У одной из девушек, в авоське, я заметил кухонную утварь (чайник, чугунную сковороду и кастрюли разных калибров). Посадка явно затягивалась и точного времени отправки никто не знал. Так прошло часа два. Несмотря на известный Указ, необстрелянный народ стал украдкой доставать из своих загашников припасенный алкоголь и закуску к нему. Контингент же «ограниченный», имевший опыт, выдерживал МХАТовскую паузу... Как говорится, общее горе и радость сближает людей, поэтому в местах, где появлялось горячительное, образовывались кружки по интересам. В одну из таких групп попал и я. Рядом с нашей компанией, у майора-артиллериста, одетого в повседневную шинель, на чемодане лежала гитара. Я спросил разрешение, настроил её под себя и спел одну из своих песен-переделок «О заменщике», родившуюся в Афганистане на музыку В. Кузьмина «Мячик»:

Припев:

«...Где же ты заменщик дорогой?

Где же ты заменщик дорогой?

Приготовил я тебе бакши-и-и-ш,

Вот и вышел срок, пора домой,

Вот и вышел срок, пора домой,

Ну а ты зараза не летишь,

Ну а ты, зараза, не ле-ти-шь...»

Незамысловатая песенка произвела впечатление на присутствующих, и в железной кружке расплескался жизнеутверждающий напиток. Хороший напиток примиряет с неидеальным миром... Чтобы скоротать время и отвлечься от ненужных в данной ситуации мыслей, стали травить анекдоты, байки о жизни и службе в Афганистане. Хохот раздавался по всему помещению. Один молодой старлей в выцветшей полевой форме-афганке рассказал в присутствии вышеупомянутой молодой женщины, о том, как чугунная сковорода спасла его, в первом полете в Афганистане. По совету бывалых попутчиков, заблаговременно, перед вылетом, он положил сковороду под мягкое место. И во время обстрела вертолета Ми-6, при посадке на аэродроме Файзабада, именно чугунная сковорода спасла его от вражеской пули. Восторг и удивление женщины и всех, кто развесив уши впервые летел в Афганистан, не знали границ. Принимая всё сказанное за непреложную быль, попутчица обрадовалась, что у неё есть такое средство противовоздушной обороны. И вот уже у старлея в кружке забултыхался ядреный напиток. Без малого десять часов мы просидели в мирном накопителе, отсрочив себе непредсказуемое продолжение будущего полета и

приземления. Позже, по прилету в столицу Афганистана, мы узнали, что за час до нашей отправки, на аэродроме Кабула стингером сбили Ил-76-й...

Как всегда неожиданно, в громкоговорителях прозвучало приглашение на посадку. Народ спокойно, без суеты, потянулся со своим скарбом на перрон, где нас уже ждал самолет на Кабул. Лайнер был оборудован сидениями-скамьями в два яруса. Мне, как расторопному и бывалому пассажиру, досталось место возле кабины пилотов на кресле борттехника-оператора. Все разместились согласно «купленным билетам». Двигатели запустили, самолет медленно и размеренно тронулся со стоянки и проследовал к старту взлетно-посадочной полосы. На лицах моих соседей-попутчиков я увидел плохо скрываемый страх от предстоящего путешествия и неопределенности. Майор-артиллерист с гитарой оказался рядом со мной, на втором ярусе. Суета в движениях и взгляде, испарина на полысевшей голове, неизвестность предстоящих событий, выдавали тревогу, которая передалась и мне.

«Илюшин» замер перед броском. Двигатели взревели на полную мощь. Самолет набрал скорость, необходимую для взлета и нехотя оторвался от бетонной полосы, помчав в неизведанную для многих даль. Иллюминатор был далеко, и я урывками мог наблюдать землю, до момента, когда самолет заложил вираж и вышел на заданный курс до афганской границы.

Спустя минут двадцать лайнер набрал высоту, народ успокоился. Кто-то уснул, или делал вид, что спит. Кто-то о чем-то разговаривал с соседями. Каменное лицо майора наводило на определенные мысли. Я видел, как он мучается, но не мог понять от чего. И вот когда самолет приступил к снижению над аэродромом Кабула, развязка свершилась. Видимо в эту минуту сложилось всё, и выпитый накануне алкоголь, и страх, и то как осуществлялась посадка по-афгански... У всех, кто находился внутри самолета уши сворачивались в трубочку, дыхание учащалось и сбивалось в непривычный ритм, людей придавливало к сидениям... И тут бравый майор-артиллерист не выдержал. Всё содержимое его желудка изрыгнулось на собственную шинель и на попутчиков, сидящих под ним, на нижнем ярусе... Зрелище было неописуемое, эмоции переполняли организм...

Слава Богу, что наше путешествие закончилось, и мы приземлились целые и невредимые, если не считать моральных потерь от «фонтана» майора- артиллериста...

Часть тридцать пятая.

В Кабуле, на пересыльном пункте, в казарме модульного типа, неожиданно я встретил командира минометной батареи нашего батальона – капитана Алексея Визитиу. Радости не было предела. Знакомое лицо на пересыльном пункте, в Кабуле!!! Это что-то... Мы подошли друг к другу, поздоровались, обнялись.... Я физически почувствовал высохшую правую ладонь капитана. Я видел как он её держит, оберегая от ненужного контакта. Потом, чуть позже, увидел, как он нагружает руку резиновым эспандером. Он возвращался после лечения в Кабульском армейском госпитале.

- Что случилось? – спросил я.

- Потом расскажу,- ответил командир батареи. Я не стал лезть к человеку в селезенку. Видел как ему неловко находиться в этой ситуации. Но что-то подсказывало мне, что есть какая-то тайна того, что с ним произошло.

Вечером капитан рассказал мне, что перед самым Новым годом подорвался на mine, типа МОН-50, когда ехал на ГАЗ-66-ом с заставы командира третьей роты, к себе в расположение. Подрыв произошел со стороны водителя, младшего сержанта Польшина, который принял на себя почти весь заряд от мины. Кабина автомобиля со стороны водителя была изрешечена убийными элементами, как дуршлаг... Командиру батареи досталось два осколка в правую руку, которой он держался за поручень в кабине, перебив десять сантиметров сухожилия.

Паша умер по дороге в медсанбат на руках у рядового Анатолия Кирюшкина....

Что тут скажешь? Горечь от потери солдата, сына, брата и очень хорошего молодого человека, ничем нельзя измерить. Павел Польшин служил в нашей роте и был прикомандирован в минометную батарею, как водитель БРДМ-2, для передачи своего боевого опыта вновь прибывшим молодым бойцам батареи. Еще накануне моего отпуска, он попросил нас, отцов-командиров, отозвать его из минометной батареи в свою родную вторую роту, так как молодые солдаты-водители батареи возмужали и окрепли, а в нашей роте у него были друзья и два земляка из Украины. Наш ротный Сергей Ефимкин написал рапорт на имя командира батальона, с просьбой вернуть солдата в роту, но видимо, что-то не сложилось, и теперь мы все вместе винили себя, что не настояли и не сберегли своего солдата от злополучной мины....

После рассказанного, мы с Алексеем и с соседями по модулю, помянули Пашу. В разговоре с капитаном я почувствовал недосказанность, он отводил взгляд и уходил от ответов на мои прямые вопросы. А вопросы были. Как он оказался на заставе у командира третьей роты? С какой целью

он туда ездил, да ещё на ГАЗ-66-ом? Почему поздно возвращался на свою заставу? Почему поехал по неустановленному маршруту?

Развязка и ответы на мои «почему» наступила, когда я приехал в расположение роты. За столом, по случаю моего прибытия, я услышал всю правду о том, что произошло на самом деле...

Накануне Нового 1988 года, 29 декабря 1987 года, два приятеля, командиры подразделений нашего батальона, капитан Визитиу и капитан Трижичинский решили встретиться на заставе командира третьей роты. Капитан Визитиу приехал на злополучном «шестидесят шестом». Друзья засиделись дольше положенного, а возвращаться на глазах у всего батальона – это навлечь на себя гнев командования. Поэтому командир батареи принял решение ехать другим, окружным путем, не сказав о своем плане ротному. Отъехав от заставы несколько метров, прозвучал взрыв мины, которая была установлена на обочине дороги. Самое паршивое в этой ситуации было то, что мина, на которой подорвался «шестидесят шестой», была установлена бойцами третьей роты под командованием капитана Трижичинского. Минное поле было накрыто вокруг всей заставы, на случай предупреждения от внезапного нападения духов, а мины направленного действия, по инициативе командира третьей роты на обочинах дороги, которая располагалась с тыльной стороны заставы. О том, что кроме основного минного поля были еще и мины направленного действия на обочинах дороги, никто в батальоне не знал.

Павла Польшина, за мужество и героизм, наградили орденом Красной Звезды, посмертно.

История получила свое продолжение спустя несколько лет. Уже вернувшись в Союз после Афгана, в начале 90-х, я смотрел передачу на одном из центральных каналов о всесоюзном фестивале солдатской песни. Ведущая зачитала письмо сестры Павла Польшина. Меня словно резануло по живому.... В памяти снова промелькнули события тех лет. Сестра просила откликнуться сослуживцев её брата и рассказать правду о том, как погиб Паша. На родине солдата, в школе где он учился, в память о нем, силами учащихся организован музей.

Какую «правду» и что я мог рассказать сестре Павла Польшина? Нужна ли ей эта «правда»??? Не знаю...

Часть тридцать шестая.

В первых числах февраля 1988 года я возвратился из отпуска. За время моего отсутствия случилось событие, описанное выше и ещё один инцидент,

который едва не закончился трагично для нашего командира батальона майора Чуваева и Сергея Ефимкина....

В начале января, в сумерках, с заставы минометной батареи наблюдателями было замечено передвижение трех «барбухаек» по автодороге, в направлении Ханабада. Минометным огнем три большегруза марки Мерседес были остановлены. В одну из машин мина попала прямой наводкой. После доклада командира батальона майора Чуваева С.А. командиру 201-й дивизии о случившемся, комдив категорически запретил выезд броне группы к месту, где находились «барбухайки. Лишь на следующий день, ближе к вечеру, полковник приказал, чтобы один грузовой Мерседес («барбухайка») стоял у ворот его штаба.

Для досмотра машин и эвакуации одного автомобиля из батальона приехала группа, в составе двух бронетранспортеров, под командованием майора Чуваева С.А. и тревожная группа нашей роты, с Сергеем Ефимкиным и Габилем Мамедовым. Место, где была остановлена колонна, Сергеем было хорошо знакомо – это место где мы полгода назад устраивали реализованную засаду. Теперь в засаду попали мои сослуживцы. При подъезде к машинам, в сторону бронетранспортеров прозвучали автоматные выстрелы и три выстрела из гранатомета. К счастью все три гранаты пролетели мимо цели, четвертая граната так и осталась в гранатомете. Первой очередью пуля попала в открытый люк новенького БТР-60 ПБ, полученного накануне, за которым сидел комбат, а оболочка от пули срикошетила командиру батальона в лицо. Окровавленный комбат укрылся внутри бронетранспортёра. Ответным огнем трое «духов» были уничтожены на месте. Один из автомобилей стоял без кабины, которую взрывом мины разорвало в клочья, второй лежал на боку в грязи, рядом с первым. Судя по всему, пытаясь объехать, он застрял и опрокинулся на бок. Третий стоял невредимым, но все попытки столкнуть его с места закончились без результата. Во время осмотра места боя и «барбухаек» бойцы обнаружили в одном из автомобилей хорошо замаскированный «тайник», в котором находились импортные (английские) медикаменты в больших количествах, наркотики, оружие и боеприпасы. В двух других были продукты и одежда.

По пути следования к своему бронетранспортеру, старший лейтенант Ефимкин чуть не пострадал от произвольной очереди одного из прапорщиков нашего батальона, который шел сзади офицера....

По случаю моего приезда, за ужином мы договорились с командиром роты, что обязательно съездим в медсанбат и навестим майора Чуваева. Из отпуска я привез «вишневый компот», который был к месту в

холодный зимний вечер, разных вкусных сибирских деликатесов и передачу для своей землячки - Любы Ямм, которую мне ещё предстояло найти в управлении 201 мотострелковой дивизии.

- Ты знаешь, Юра, как оценили нашу с тобой работу? - ротный не скрывал своего гнева.

- Во время твоего отпуска, вместо «Красной Звезды», мне перед строем вручили «Звезду Шерифа» (орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР III степени»), - которым в мирное время в Союзе награждают за успехи в боевой и политической подготовке.

- Через пару недель прилетел представитель наградного отдела 40-й армии и забрал у меня этот орден, врученный перед строем батальона, сказав, что он вручен по ошибке и втихаря всучил мне медаль «За боевые заслуги», которую я отказался получать, и оставил в батальоне. Представляешь, Михалыч, какие клоуны? – ещё больше разошёлся ротный.

- Саню Локтионова, тоже перед строем наградили орденом «За Службу Родине в Вооруженных Силах СССР III степени» и так же заменили медалью «За боевые заслуги», так он взял орден и на глазах помощника начальника наградного отдела армии выбросил его в выгребную яму. Хорошо солдатики нашли его и достали...

Я был в шоке от этой новости и уже не спрашивал о своем награждении.

- А о твоей награде вообще нет никакой информации, - предвидя мой вопрос, продолжил Сергей.

- Я видел твоё представление на орден «Красной Звезды» и, судя по тому, как обошлись со мной, не удивлюсь, если тебе тоже придёт медаль, - не унимался ротный.

В отличие от нас с Сергеем, старшего лейтенанта Игоря Крамарчука, «комсомольца» нашего батальона, который вместе с нами был в засаде, наградили орденом «Красной Звезды». У политработников своё отделение кадров и соответственно свой наградной отдел, поэтому ему без всяких заминок и проволочек, своевременно пришел орден, к которому его представили.

Забегая вперед, скажу, что свой орден я всё же получил, только получил я его спустя пять лет после представления к награде, в 1992 году в Абаканском военкомате. К тому времени я уволился из армии и работал в народном хозяйстве, но, как говорится, дорога ложка к обеду. Кто знает, как сложилась бы моя армейская карьера, если бы у меня был этот злополучный орден....

Часть тридцать седьмая.

Наутро мы с Сергеем прибыли в расположение дивизионного медсанбата. Погода стояла мерзкая, моросил дождь, а под ногами лужи и грязь. Затянутое серой дымкой небо усиливало и без того неблагоприятное душевное состояние....

Мы зашли в помещение медсанбата и попросили дежурную медсестру вызвать комбата на улицу. Через пару минут Сергей Александрович стоял перед нашими очами с заклеенной лейкопластырем щекой и в добром здравии. Встреча была теплой, но недолгой. Мы не стали донимать майора расспросами, пожелали скорейшего выздоровления. А для ускорения процесса выздоровления, я оставил комбату отлитого в пол-литровую бутылку «вишневого компота» и закуску....

Собираясь в обратную дорогу, Сергей заскочил в местный магазинчик, а я стоял на улице, так как чеков после отпуска у меня не было. Мне предстояло ещё разыскать свою землячку. И вдруг, среди всей этой толчеи, грязи и слякоти, на маленьком пяточке Кундузского медсанбата я увидел знакомое лицо. Это была, чуть ниже среднего роста, с яркими красными губами, в полевой форме знойная брюнетка, прапорщик Любовь Ямм. Люба - подруга моей двоюродной сестры Светланы. Мы несколько раз встречались в Абакане и общались с ней. Мои родственники рассказали, что Люба служит в Афганистане, в Кундузе. Зная, что я в отпуске, Люба через родственницу попросила привести из дома резиновые сапоги и шерстяные носки, что я с удовольствием и сделал. Мы тепло обнялись. Я видел, как женщина была рада встретить человека, который совсем недавно был на её родной земле и привез её частичку....

- Вот так встреча, Люба! Не ожидал.... Люба, почему Афганистан? Есть же другие страны, где можно было продолжить службу: Венгрия, Чехословакия, ГДР, Польша, – я высыпал на молодую женщину кучу вопросов...

- Привет, Юрик, рада тебя видеть, - уклонилась от ответа на все вопросы Любовь.

- Вот твои сапоги и носки, - я доставал из сумки самые необходимые, в данной ситуации, элементы одежды.

- Спасибо, Юра! Как там Абакан, что нового?

- Да не за что, любой на моем месте поступил бы точно так же. Абакан стоит, куда он денется. В Абакане проходил международный турнир по хоккею с мячом на приз газеты «Советская Россия». Расскажи, как ты, как устроилась, где служишь?

- Всё хорошо. Слава Богу, на боевые не берут, политика национального примирения, без меня обходятся, как ни странно....

- Любовь Ханоновна, я вас умоляю, «Ви» как всегда вовремя приехали с политикой национального примирения, скоро вывод войск, - не удержался я от ироничного тона.

- Я служу в управлении дивизии, в отделе заместителя командира соединения по тылу, - Люба была немногословна.

- Живу во втором модуле, вроде бы всё устраивает, кстати, у нас много красивых молодых и незамужних девушек, - загадочно произнесла Люба.

- К вам тяжело пробраться, у вас охрана, мужики здоровые на входе в модуль стоят, караулят красивых да молодых, чтобы не дай Бог.... Может лучше к нам в роту? У нас тепло, баня, душ и бассейн, культурная программа и хороший ужин, - Люба потеплела и заинтересовалась.

- А женихи-то для меня есть? - вкрадчиво спросила Люба.

- Есть, два прапорщика, но они оба женаты.

- Нет, прапорщиков мне не надо, я сама прапорщик, лучший кандидат для меня - не ниже майора.

- Что-нибудь придумаем....

- Договорились, Юра, только, как с тобой связаться? – спросила Люба.

- Попросишь, чтобы соединили с «Гусаром» - это наш батальонный позывной, а он, в свою очередь соединит с «Оврагом» - это наша вторая рота. Запомни, «Гусар» и «Овраг», - я выстроил логическую цепочку соединений с нашей ротой.

- Давай, до встречи, может сегодня и позвоню, - последней фразой Люба создала интригу. А это означало, что надо ждать землячку в гости, да не одну и возможно сегодня вечером. Что ж, мы всегда рады встретить хороших людей.

Под морозящий дождь мы с Сергеем откланялись и уехали в расположение своей роты.

Часть тридцать восьмая.

После обеда поступил звонок от начальника штаба батальона. Нашей роте предписывалось находиться в готовности для участия в армейской операции. О продолжительности такого состояния не сообщалось....

Ротный отдал распоряжение по всем заставам о приведении подразделения в боевую готовность. Фактически мы и так постоянно находились в этом состоянии. Требовалось немного - отдать команду и мобильная тревожная группа, учитывая, что определенное количество личного состава должно находиться на заставах постоянно, в течение нескольких минут была готова выполнить поставленную задачу.

С гостями на сегодня придется повременить. Мы сидели в сержантском классе и фантазировали по поводу знакомства наших прапорщиков с Любовью Ханоновной.

- Николай Сидорович! – Сергей обратился к технику роты, старшему прапорщику Верховскому.

- Вы интеллигентный человек, умеете себя правильно подать, тем более, давно не общались с представительницами прекрасной половины, готовы к знакомству?

- Да ну вас, товарищ старший лейтенант, - техник слегка засмутился, и по лицу пробежала лёгкая улыбка.

- И как вы себе это представляете?

- Как, как, нормально, сейчас позвонит Юрина землячка. Любовь Ханоновна говорила нам сегодня днём, что «они» очень «хочут» встретиться именно с вами, Николай Николаевич, - лицо прапорщика покрылось испариной и покраснело от предвкушения встречи...

- А вдруг «имям» не «пондравится», - решил подыграть наш техник.

- Так это ж от вас всё будет зависеть, вы как никто другой можете обаять кого угодно, мы - то вас знаем. Вон сколько писем от «любовниц» приходит, - решил «пошутить» я...

- Все эти письма от жены и детей! Какие любовницы, Юрий Михайлович? – повысив тональность своего ответа, перейдя на фальцет, ответил техник. Николай Сидорович «опустился» на грешную землю, и было видно, как его охватила тоска и печаль... Шутки закончились, техник расстроился и ушел к себе в комнату.

Со старшиной знакомить не хотелось. Он вообще был нелюдимым человеком. Он старался не попадаться на глаза ни Сергею, ни мне. Старшина выполнял всё, что положено старшине, не более того, но без души. К тому же, в самый ответственный момент, он был любителем выпить втихаря.

В свете последних событий, комбат лежал в медсанбате, начальник штаба – на «хозяйстве», замполит и зампотех батальона почему-то вообще не рассматривались...

Раздалась трель телефонного аппарата ТА-57. На другом конце провода ротный услышал голос моей землячки и передал трубку мне.

- Да, «страшный» лейтенант Коряков, слушаю.

- Здравствуй, Юра, ещё раз. У одной из наших девочек сегодня день рождения, она приглашает тебя с Сергеем его отпраздновать, - без раскачки начала Люба. – Мы вас ждем к шести часам вечера.

- Люба, передай девушке от нас с Сергеем большое спасибо за приглашение, но у нас возникла небольшая проблема, о которой нельзя говорить по телефону.

- Ничего не знаю, мы вас будем ждать, у нас уже почти всё готово.

Я посмотрел на часы, которые показывали семнадцать часов, двадцать минут...

- Постараемся что-нибудь придумать, но если нас не будет ровно в восемнадцать часов, значит, мы не смогли.... Да, как зовут девушку? - поинтересовался я у Любы.

- Екатерина, - коротко ответила, прапорщик Ямм и положила трубку.

Вот так всегда бывает, в самый неподходящий момент поступает предложение, от которого трудно, а практически невозможно отказаться. Что делать? Оставаться в расположении и выполнять приказ командования или принять приглашение и использовать его для нечастого общения с представительницами слабого пола? Про «слабый пол» отдельная тема для более глубокого разговора. Не такой уж он и «слабый этот пол», если считать, что в большинстве своём, женщины разных возрастов, преследуя разные цели, отправлялись служить в Афганистан и находились в одинаковых со всеми военнослужащими условиях и испытывали те же тяжести и лишения, что и остальной ограниченный контингент.

Возвращаясь к любимому выражению, что «из каждой безвыходной ситуации есть как минимум два выхода», мы стали искать возможность ненадолго отлучиться из расположения роты.

Такая возможность есть всегда, когда в подразделении четко организована служба войск и взаимодействие....

Мы решили не отказываться от приглашения, приехать и поздравить именинницу, посидеть для приличия часик и возвратиться в своё расположение. Замысел заключался в следующем: на бронетранспортере, скрытно по оврагу, подъехать как можно ближе к управлению дивизии. Взять с собой переносную радиостанцию для связи. Заместитель командира первого взвода старший сержант Ураков, находившийся в управлении роты, в случае необходимости должен был на нашей «секретной» частоте выйти на связь с водителем бронетранспортера рядовым Володей Помазовым, а тот, в свою очередь докладывать обо всех изменениях обстановки. Для связи с командирским БТРом у нас с собой была переносная радиостанция Р-148.

Через десять минут, с выключенными фарами, чтобы не привлекать внимание, мы выехали в управление дивизии и ровно в восемнадцать часов

переступили порог комнаты, где уже всё было готово к торжеству. Я проверил связь - всё принимало и передавало, как учили....

Часть тридцать девятая.

- Здравия желаю, командир ни разу не краснознаменной второй роты, кавалер ордена «Сутулова за «прогибание» третьей степени», трижды «орденопросец», «страшный» лейтенант Сергей Ефимкин, от имени и по поручению бойцов нашего батальона, поздравляю виновницу сегодняшнего торжества Екатерину, с Днем рождения! - с порога представился и поздравил именинницу наш ротный. Такой заход являлся отличительной особенностью Сергея. Этим он располагал к себе всех присутствующих и с первых минут создавал неформальную атмосферу праздника, словно с этой компанией мы встречались не в первый раз. Собственно и времени-то на раскачку не было, а наличие громадной конкуренции у малого количества женщин в Афганистане вполне оправдывало бурный натиск Сергея....

Улыбки и дружелюбный смех наполнили небольшую комнату щитового модуля, в которой расположились девушки. Сколько их находилось в помещении, теперь и не вспомнить. С непривычки глаза разбегались от такого количества женщин. Я зашел значительно скромнее и вручил виновнице торжества новенький кофейный сервиз с мелодией, одолженный у Николая Сидоровича.

Как и уговаривались, мы пробыли недолго на званом торжестве, но сумели произвести хорошее впечатление на присутствующих девушек, которые не хотели нас отпускать. Сергей «травил» анекдоты и рассказывал интересные истории из армейской жизни. Я спел свои песни-переделки под гитару, которые с успехом принимали в любом коллективе.

Напоследок, перед самым уходом, Люба подошла и вкрадчиво спросила нас:

- Юра, Серёжа, скажите, кто из девушек вам больше понравился?

От такого вопроса я смутился и ответил примерно следующее:

- Все девочки хорошие и достойные и выделить кого-то не могу.

Но Люба настаивала:

- Ребята, скажите, а то девчонки обидятся...

Выбор действительно был трудным. Да мы и не преследовали цель - конкретно познакомиться для каких-то определенных отношений. Нам просто надо было на некоторое время окунуться в «мирную жизнь» и переключиться с военной обстановки на «гражданскую». Так что и конкретного ответа от нас не последовало. С тех пор, в Афганистане, мы

не встречались с прапорщиком Любовью Ямм, тем более с её подругами из управления 201-й мотострелковой дивизии. Сейчас трудно вспомнить причину, по которой я не поддерживал отношения со своей землячкой. Скорее всего, большая занятость не позволили нам отлучаться из расположения роты, и то, что о нашем посещении узнал командир дивизии, который приказал командиру батальона с особой тщательностью следить за своими подчиненными.

Часть сороковая.

В ночь на 22 февраля 1988 года из отпуска прилетел командир первого взвода нашей роты, лейтенант Габиль Мамедов. Я встретил взводного на аэродроме и, несмотря на позднее время, мы быстро организовали его встречу у себя в «ЦУПе», так мы называли место, где жили ротный, я и техник - старший прапорщик Верховский Н.С.

Габиль привез бакинские дары: балык из красной рыбы, икру и трехлитровую банку «компота из фейхоа». Опрокинув первый «нурсик» за встречу, мы с Сергеем посмотрели друг на друга и почти одновременно произнесли:

- Габиль, что-то никакой крепости в «компоте» нет, как будто простой воды с освежителем выпили.....

- Габиль, что ты налил в банку? - спросил ротный.

- Мужики, как вы сами учили - водку, потом положил несколько плодов экзотического фрукта и «закатал» крышкой банку.....,- виновато произнес взводный.

- Эти зеленые штучки, как они называются? - продолжил допрос Сергей.

- Фейхоа, фрукт такой тропический, у нас в Азербайджане растет - продолжил лейтенант Мамедов.

Николай Сидорович достал из банки фейхоа, разрезал его пополам и откусил зеленый плод.... Лицо техника слегка скривилось, и он протянул мне вторую половинку фрукта. Не раздумывая, я тоже решил попробовать фейхоа и обнаружил, что как раз во фрукте оказался почти весь алкоголь. Испробовав несколько плодов мы поняли, что фейхоа абсорбировал из «компота» весь алкоголь и понизил его крепость, а реакция организма на фрукт оказалась адекватной - мы все почувствовали эффект опьянения и через некоторое время удалились на отдых...

Однако сон продолжался недолго. В пять часов утра, из батальона поступил звонок командира. По данным радиоперехвата, в зоне ответственности нашего батальона, работала «духовская» радиостанция. В Международный женский день это могла быть подготовка к обстрелу

Кундузского гарнизона, и работающий радиопередатчик мог служить для корректировки стрельбы реактивными снарядами. Комбат назвал координаты, в которых могла находиться радиостанция. Тревожная группа была поднята к выполнению задачи. С командиром роты по карте мы определили предполагаемое место выхода в эфир и, без промедления, выдвинулись на место «работы» передатчика.

Местность была знакома и изучена нами досконально. Мы знали каждую складку, ложбинку и бугорок. Точка координат находилась в овраге, примерно в четырех километрах от заставы управления нашей роты. Время в пути заняло немногим более десяти минут, и когда мы спустились в овраг, то увидели прямо перед собой большое стадо овец и баранов, рядом с которым находились семь афганцев разного возраста из близлежащего кишлака.... Солдаты произвели досмотр каждого пастуха и пастушонка. Никаких подозрительных предметов, а тем более радиостанции мы не обнаружили. Почти всех афганцев мы знали в лицо, однако среди них был «чужой», бородатый, с посохом, в черной чалме, в выцветшей накидке, пастух. Ротный через переводчика подозвал чужака к себе поближе и стал допрашивать

- Кто такой, где живешь, чьи бараны?

- Гарип, командор, гарип (бедный, командир, бедный), - запричитал «пастух»...

- Что ты, заладил, гарип, гарип, где радиостанция, сучонок? - повторил Сергей.

- Гарип, гарип! - не унимаясь и переходя на крик, завопил афганец.

Я связался с управлением батальона и доложил, что в указанном квадрате, нашей группой обнаружено стадо овец. Комбат приказал произвести досмотр каждой овцы, потому что, по словам командира, незадолго до обнаружения нами овечьего стада в указанном месте, вновь работал радиопередатчик, но как обыскать каждую овцу, никто из нас не мог представить...

Сергей матом обрушился на пастуха и зачитал «Приказ Верховного Главнокомандующего» о наказании «пастуха» и приведении приговора в исполнении, на месте, приказав ему рыть могилу для себя... Саидов перевел «бородатому» приказ старшего лейтенанта Ефимкина. Кто-то из бойцов принес из бронетранспортера БСЛ-110 большую саперную лопату - 110 см. и отдал афганцу. Не понимая, что делать и озираясь по сторонам, «гарип» всё же принялся копать себе яму.

Бойцы «прочесали» всю близлежащую местность. Результата не было. Тем временем, внимательно приглядевшись к баранам и овцам, я увидел, что

бока некоторых из них подкрашены краской разного цвета. Возможно, под длиной шерстью одного из окрашенных животных могла быть спрятана радиостанция. Ротный отдал команду бойцам поймать несколько овец, вымазанных краской и проверить их на наличие радиостанции и других предметов....

Ловля баранов заняла несколько минут. И результат не заставил себя долго ждать. Под одним из баранов бойцы нашли заветную радиостанцию. Мы первый раз в жизни увидели импортную Моторолу. Она отличалась от привычных армейских приёмо-передающих устройств габаритами, внешним видом и, конечно же, характеристиками....

Сергей поднялся на бронетранспортер и вышел на связь с комбатом. После доклада, ротный подошел к «гарипу».

- Откуда у тебя рация, чудак? - старший лейтенант Ефимкин орал ему прямо в ухо...

«Пастух» с остервенением мотал головой в разные стороны, одновременно выкрикивая:

- «Гарип», «гарип»!!!

- Ничего себе, бедный? Юра, давай скручивай этому уроду руки и на «броник», увезем в дивизию, пусть там с ним разбираются, кому положено! - скомандовал ротный.

Связав «пастуха» веревками, бойцы закинули его на бронетранспортер. Мы понимали, что остальные пастухи, среди которых были дети, подростки и мужчины среднего возраста, тоже связаны с «духами», но решили не брать с собой всех, и оставили молодняк на месте со стадом, так как посчитали, что душман использовал их для прикрытия. С собой забрали лишь двоих взрослых афганцев, остальные «ребята» всегда были «под рукой». Мы знали, где они живут, чем занимаются и в случае необходимости, спокойно могли с ними «разобраться»....

В ожидании торжественного мероприятия по случаю празднования Дня Советской армии и Военно-морского флота, рядом с клубом стояли военнослужащие 201 –й дивизии и наряженные женщины. Мы гордо проехали мимо них и остановились недалеко от штаба дивизии. Передача «духа», вещественного доказательства и сопровождавших афганцев, а так же дача пояснений компетентным органам, заняли немного времени. С чувством исполненного долга, тревожная группа нашей роты возвратилась в своё расположение....

Часть сорок первая.

В середине марта 1988 года командир третьего взвода нашей роты, старший лейтенант Артем Купин, выпускник Алма-атинского общевойскового командного училища имени Маршала Советского Союза И.С. Конева уезжал в очередной отпуск. Мне предстояло заменить его и на полтора месяца поселиться на его заставе, которая располагалась в крепости.

По долгу службы, я много раз бывал на этой заставе. Максимум три – четыре часа пребывания на удаленном расстоянии от «цивилизации» и я снова оказывался в привычной для себя среде, где есть электричество, душ, прохладный бассейн и общение с немногочисленными офицерами и прапорщиками роты. Теперь же предстояло прочувствовать все прелести автономного пребывания в рамках ограниченного пространства.

Крепость Насири располагалась между кишлаками Мадраса и Накель, на краю обрыва, который протянулся от южного Кундуза до Алиабада. Основная угроза обстрелов воздушных судов исходила со стороны «зеленой зоны», расположенной вдоль дороги на Кундуз, поэтому большинство огневых средств, приборов наблюдения и разведки были сосредоточены на этом направлении. Вокруг заставы по периметру было «накрыто» смешанное минное поле (растяжки соседствовали с минами нажимного действия), огороженное двойным забором колючей проволоки. Боевые позиции были оборудованы окопами с ходами сообщений в полный рост и капонирами для трёх бронетранспортёров – БТР-70 и одного БРДМ-2. На огневых позициях были установлены два миномёта, калибра сто двадцать и восемьдесят два миллиметров. Кроме этого, в распоряжении взвода имелось два автоматических гранатомета АГС-17, которые были закреплены на вращающихся танковых опорных катках. Один из наблюдательных постов был оборудован станцией ближней разведки СБР-3, которая позволяла в любое время суток, в условиях отсутствия оптической видимости, производить наблюдение за местностью. С помощью этой станции, в ночное время наблюдатель мог отслеживать любые передвижения, точно определяя направление и дальность до цели. Это позволяло эффективно использовать все имеющиеся огневые средства в ночное время.

Крепость представляла собой прямоугольник 25х30 метров, с высотой стен от шести до восьми метров. Толщина стен у основания почти метр. В углах прямоугольника располагались башни, обращенные к «зеленке». На втором этаже одной из башен было помещение командира взвода. Во второй, дальней от входа в крепость башне, был оборудован наблюдательный пост со станцией ближней разведки. В связи с тем, что под помещением начальника заставы находился склад боеприпасов, было принято решение - установить по периметру башни дополнительный глиняный забор на всю высоту склада. Комната командира взвода представляла собой небольшое уютное помещение, с деревянной кроватью и

столом. Два окна были занавешены марлей и светомаскировкой, свернутой в рулон в дневное время суток. На полу лежал афганский тканый ковер.

Солдаты размещались, в пристроенных к противоположной от входа в крепость стене, в двух помещениях, между которыми была оборудована веранда длинным солдатским столом, огороженная небольшим штакетником, выкрашенным в синий цвет. В спальнях стояли двухъярусные кровати с прикроватными тумбочками. Рядом со спальным помещением, в правом углу, находилась кухня. Очаг с настоящим казаном, в котором готовились практически все блюда, располагался у стены, справа от входа в крепость. На противоположной от очага стене, на специальных стеллажах, висели бронежилеты с касками и носимый запас боеприпасов в вещмешках для каждого бойца. Рядом со стеллажом была оборудована беседка для курильщиков. Справа от стеллажей для бронежилетов находился специальный лаз, устроенный под основанием стены. Через него осуществлялся выход личного состава из крепости на боевые позиции. В жару бойцы выносили кровати на улицу. Готовясь ко сну, военнослужащие смачивали простыни водой, потому что из-за духоты спать в помещении было невозможно.

Для приготовления пищи использовались, в основном, консервированные продукты. Даже картофель был в трёхлитровых стеклянных банках, в водном растворе с солью и лимонной кислотой. Воду на заставу доставляли один раз в два-три дня, в полутора кубовой бочке, установленной на автомобиле ГАЗ-66, собранном из запасных частей, найденных на дивизионном «кладбище» военной техники. Чтобы охладить воду или любую другую жидкость в любую жару, использовались глиняные кувшины или полутора литровые солдатские полиэтиленовые фляжки, которые укрывались смоченной водой материей и выставлялись на сквозняк. Через полчаса жидкость в этих ёмкостях была прохладная.

Для освещения помещений в ночное время использовались: фонари «летучая мышь» и подручные осветительные «приборы», сделанные собственными руками (сплюснутые гильзы от крупнокалиберного пулемёта, со вставленными в них кусочками ткани в виде фитиля, или же простая ткань опущенная в консервную банку с растительным или машинным маслом).

Ранее, до мая 1987 года, в крепости располагался пост царандоя (Министерства внутренних дел Афганистана), численностью восемь человек, но когда всех восьмерых военнослужащих – афганцев вырезали душманы, командование 201-й дивизии приняло решение перевести один взвод нашего батальона на их место. Царандоевский пост переместили в «зеленку» на дорогу, прямо перед крепостью. Задачей военнослужащих, находившихся на посту, была проверка транспорта, который направлялся в Кундуз. Это был своеобразный фильтр, перед большим городом, целью которого было минимизировать поступление оружия и боеприпасов в столицу провинции Кундуз.

Пост представлял собой глинобитное помещение, с одним окном и шлагбаумом на дороге для остановки транспорта, движущегося в

направлении Пули-Хумри – Кундуз. Командиром поста был лейтенант царандоя товарищ Валиахмед, которого мы между собой звали просто «Валирка». Валирка окончил специальные курсы первоначальной подготовки и переподготовки Ростовской высшей школы милиции в Новочеркасске и неплохо разговаривал на русском языке. На вид ему было около тридцати лет. Валиахмед носил пышные усы, был худощав, подтянут и всегда чисто выбрит. Он постоянно находился в веселом и приподнятом настроении. Мы изредка встречались с ним во время моих приездов на заставу. Особенно часто царандоевец посещал нашу крепость тогда, когда у мусульман был пост Рамадан. Валирка приходил изможденный и голодный к нашему обеду. Мы приглашали его покушать вместе с нами, но он всегда отказывался. Иногда, Вали соглашался и просил:

- Командор, опусти сметомаскировка, чтобы Аллах не видел. И тогда уплетал приготовленный обед за обе щеки....

Однажды командир поста пришел на заставу в послеобеденное время и, увидев меня вместо Артема, сильно удивился. Улыбка исчезла с его уст....

- Здравия жилаю, товарищ командор! А где товарищ Артем?

- Здравия орзу, шарики комил фармондехи! – почти по-афгански приветствовал я командира поста.

- Артем в отпуске, я некоторое время буду вместо него....

- Харашё, он ничё не передавал тебе? – спросил Вали.

- А что он должен передать?

- Ну, там, надо поддержка кам-кам (маленько), давать, – стал пояснять Валирка.

- Какой, такой поддержка? – я слегка перестроился на афганский манер.

- Ну, когда душман придёт ко мне, надо кам-кам стрелять по орифир первьий, лево десять, по агеэсь, по минамёт, - как бы оправдываясь продолжил Вали....

Гораздо позже я узнал, что иногда, когда Валирка превышал свои должностные полномочия и оббирал больше допустимого барбухайки (афганские грузовые машины) с товаром, проезжающие мимо поста, водители автомобилей жаловались «духам» на чиновничий беспредел командира поста и ночью обидчики вместе с душманами приходили к Валирке, чтобы проучить царандоевцев и забрать «конфискованный» днём товар.

- Да, что-то такое Артем говорил, - я с пониманием отнесся к просьбам Валиахмеда и пообещал «поддержку» в случае нападения «духов» на царандоевский пост...

Мы поднялись на второй этаж, в комнату начальника заставы. Я угостил Валирку свежим индийским чаем с конфетами, он расслабился, а я стал расспрашивать его о жизни.

- Вали, у тебя семья, дети есть?

- Да, мама, папа, братья и сёстры есть. Свадьба скоро будет. Я тебя приглашай на свадьбу, придёшь?

- Если позовёшь, по возможности, обязательно приду, - немного слукавил я.

- А невесту давно знаешь, красивая девушка?
- Я невесту не видел, только мама да папа один раз девичку видел.
- Так как же ты будешь жениться, если ты невесту не видел? Мало ли кого могут подсунуть?
- Я только руку девички как-как выдери и как-как ногу в туфельке тоже видел, - показал на своей руке маленький кусочек тела Вали...
- И что, как рука?
- Рука такой маленький, кожа - белый-белый, - расставив указательный и большой пальцы, показал размер ноги, закатывая глаза от удовольствия, похвалился Валиахмед.
- А лицо видел, ну хоть глаза?
- Нет не видел, только рука и нога, она в чадра бил, папа говорил, очень красивый девичка.
- Почему не женишься, в чём проблема и когда свадьба?
- Свадьба скоро, только надо калым платить. Когда сабиру калым, тогда буду свадьбу делать.
- А где жить будете?
- Мал-мал дом будем строить, рядом с родителем, но не знаю ещё когда, а пока у папы дома будем жить.

Да, сложно всё у них. И калым отдать за невесту, и дом построить, и жена должна дома сидеть, за хозяйством смотреть. Наверно так и должно быть, чтобы не разводиться, как у нас после первого года совместного проживания, от того что в бытовом плане не всё устроено.

- А у тебя есть жена? – Валирка обратился ко мне.
- Нет, я такой же холостяк, как и ты. Вот это нас с тобой объединяет.

Свадьба моя сорвалась пять лет назад, но я ни о чем не жалел, особенно когда поехал в Афганистан. Мало ли что могло произойти.... А так, я холостой молодой человек, не обремененный семейными узами. Единственные близкие люди, которые ежеминутно переживали за меня – мои родители и младший брат. Может быть, благодаря отцу, маме и их беззаветной вере я вернулся домой живым. Они каждую субботу ходили в церковь, ставили свечу и молились за меня.

Перед уходом, командир царандоевского поста ещё раз попросил «поддержки».

- Вон туда, по минамёт, по агеэс, - Вали показал на местности, куда мои бойцы должны будут стрелять в случае нападения «духов»....

Прошло несколько дней моего пребывания на заставе. Чтобы скрасить моё одиночество, днём периодически приезжал Сергей. В один из первых приездов, я доложил командиру роты о просьбе Валиахмеда. Сергей дал добро на оказание помощи с нашей стороны, если будет очень серьёзная ситуация....

После завтрака, до обеда я проводил тренировки с личным составом по действиям, в случае возникновения внештатных ситуаций на заставе и подступах к ней. Личный состав проводил учебные стрельбы из всех видов вооружения, находящихся на заставе. После обеда, во время пика жары,

бойцы, не задействованные в дежурстве, уходили в спальное помещение и отдыхали. Ближе к вечеру весь личный состав производил чистку оружия, водители бронетранспортеров и наводчики пулеметов обслуживали технику и вооружение. Каждый день, вечером, после ужина, на построении я отдавал боевой приказ на охрану и оборону участка зоны ответственности нашей заставы, уточняя ориентиры, порядок действий, сигналы оповещения и взаимодействия и доводил до подчиненных пароль с отзывом.

С наступлением ночи из близлежащего кишлака, на всю округу раздавалась вечерняя молитва муллы. Молитву хорошо было слышно лишь ранним утром и в вечернее время. Мой организм с особым чувством реагировал на завывания муллы. Я не понимал в чем смысл его молитвы, но душераздирающий и выворачивающий наизнанку душу голос, раздававшийся бесконечным эхом по «зеленке», не оставлял никого равнодушным. В такие минуты меня всегда охватывала тревога и беспокойство, и на подсознательном уровне этот голос приводил в чувство, говоря мне:

- Юра, ты на чужой земле, со всеми вытекающими последствиями....

Кроме этого, вокруг крепости, происходила активизация ночной жизни животных. Особенное беспокойство вызывали шакалы. Да, эти мерзкие существа вопили в непосредственной близости от заставы, потому что внизу, под обрывом бежал маленький ручеек, и многочисленная стая шакалов приходила к нему, чтобы усладить жажду прохладной влагой. Впервые услышав вопли шакалов, я подумал, что это люди так кричат или громко смеются. Очень неприятные ощущения.

Ночью я почти не спал. И вот однажды, крик командира царандоевского поста пробудил моё полудремотное состояние.

-Товарищ командир, оритир первый, лево десять, по агэес, по минамёт, давай стреляй!!!– благим матом заорал Валирка.

В одно мгновение личный состав взвода был поднят по тревоге. Через пару минут все бойцы заняли свои огневые позиции....

В ночной тишине голос царандоевца раздавался особенно громко. Понятно, рядом «духи» и есть большая вероятность погибнуть смертью храбрых, не испытав прелестей семейной жизни....

Расчет гранатометчиков по моей команде произвел пристрелочный выстрел.

-Товарищ командир, давай ещё по минамёт, по агэес, бистрейший!!!» - царандоевца разрывала безнадёга, и он продолжал отдавать мне «команды»....

- Товарищ командир, давай бистрейший, бл...ть, мне п...ц будет.

Меня одолевали смутные сомнения, откуда такой богатый словарный запас наших крепких русских выражений в арсенале у афганца? Ах да, Вали три года учился в Советском Союзе....

Сначала миномётчики выпустили осветительную мину на 200 метров из 120-ти миллиметрового миномета, чтобы Валиахмед и его бойцы могли лучше разглядеть «духов. Наводчик минометного расчета заранее выставил

прицел и произвел один выстрел 82-х миллиметровой осколочно-фугасной миной...

-Ха-ра-шо, товарищ командир! Давай ещё по агэес, кам-кам! Оритир первый лево 10, дальше 50!» - скорректировал огонь гранатометчиков Валирка.

Гранатомётчики ввели поправки и по моей команде произвели две длинные очереди из АГС-17.

-Та-ша-кур (спасибо), товарищ командир! Весё, п...ц душманам..., - поблагодарил меня и моих бойцов за работу Валиахмед.

Воцарилась тишина, как будто не было никаких выстрелов, минометных разрывов, очередей из гранатомета и всей этой «войны». Было ощущение, что всё это действие происходило не со мной.

После выполнения задачи, я приказал разрядить оружие, проверил его на предмет наличия патронов в патроннике и отдал распоряжение заместителю командира взвода - поставить оружие в пирамиды.

В возбужденном состоянии я провел остаток ночи. Только под утро смог немного вздремнул.

С первыми лучами солнца к крепости выдвинулась делегация афганцев из пяти человек, во главе с Валиркой. На входе в расположение заставы, перед проходом в минном поле, я приветствовал крестьян по мусульманскому обычаю. По выражению лиц афганцев я видел, что они явно чем-то расстроены.

Валиахмед с покрасневшими от бессонной ночи глазами рассказал, как во время ночного нападения на его пост, стабилизатором осветительной мины, выпущенной из нашего миномёта, попало в голову корове. Бедняга стояла в открытом стойле хозяйственного двора рядом с царандоевским постом и скончалась от прямого попадания осветительной мины.... В качестве доказательства один их пришедших афганцев, показал окровавленный корпус осветительной мины со стабилизатором.

Где-то уже было подобное происшествие. Нет? Это случайная гибель животного и мне в очередной раз предстояло разругивать неприятную ситуацию.

Я отвел Валиахмеда в сторону.

- Вали, какого хрена ты их сюда привел? Давай сам решаешь все вопросы. Понимаешь же, что это случайно произошло?

- Конечно, товарищ командир, я то понимаю, а как мне быть, они вэегда рядом, - показывая на крестьян, оправдывался Валиахмед.

- Я боюсь, они меня могут резать, говорят, чтобы шурави (советские) отдали бакшиш (подарок) за корову.

- Какой бакшиш, Вали? Ты в своем уме? Мы помогли тебе, и ты сам должен разругивать ситуацию. Это случайно. Понимаешь?

- Латно, что-нибудь придумаю, - Валирка развернулся и подошел к афганцам. Жестикуюлируя руками, командир поста стал что-то объяснять своим соседям, те поднимая руки к небу, возражали. Перепалка продолжалась несколько минут. Мне надоели эти разборки. Я решительно

подошел к толпе и в вежливой форме посоветовал как можно быстрее уйти от крепости.

Вечером, точно по расписанию, командир поста со своим помощником снова нарисовались около крепости. В руках у Вали была упаковка баночного пенного немецкого напитка. У помощника – много разных фруктов, овощей, афганского риса и свежей говядины.

- Это тебе, командир, - Вали протянул упаковку пива.

- А это твоим солдатам, царандоевец отдал дыню, фрукты и всё для плова. Сегодня в обед приезжали ХАДовцы, всё сматрели, изучали, спрашивали меня, сказали, что нападавшие душманы из банды....

- Зачем всё это? – я показал на принесенные царандоевцем бакшиши.

- У нас так принято делать, - засмутился Валирка.

- Как-то это не по-людски, понимаешь, Вали?

- Почему? Ты мне помог, я тебе благодарить...

- Это наша обязанность, помогать друг другу. Если бы я этого не сделал, ты бы не стоял сейчас рядом со мной.

- Правильно, поэтому не обижай меня и моих сарбозов (солдат). Ви помогли нам, ми хотим благодарить вас, - Валирка протянул правую руку и слегка склонил голову. В ответ я тоже приветствовал его рукопожатием...

Часть сорок вторая.

В конце марта 1988 года начальника штаба батальона, майора Панченко К.А. назначили командиром батальона охраны штаба 40-й армии. Должность начальника штаба оказалась вакантной. Все военнослужащие батальона были уверены, что на вакантную должность назначат нашего ротного, старшего лейтенанта Сергея Ефимкина. Это ожидание выглядело вполне логичным и оправданным. За полтора года службы в Афганистане, под командованием Сергея, сначала первая, а затем и вторая роты батальона стали на порядок лучше по всем показателям. Среди офицеров батальона это была самая достойная кандидатура, но где-то на более высоком уровне так не считали, поэтому с перемещениями пришлось повременить. Сергею прямым текстом было заявлено, что начальником штаба нашего батальона он не будет и свою службу в Афганистане до замены продолжит в своем родном подразделении.

На период отсутствия начальника штаба, Сергей категорически отклонил возможность исполнять обязанности НШ. По его предложению, мне представилась такая возможность, в течение неопределенного количества времени попрактиковаться в этой должности. Меня срочно отозвали из расположения заставы третьего взвода, и со своими скромными пожитками я переехал через овраг в управление батальона.

С первых минут пребывания в батальоне, я почувствовал разницу в условиях проживания. Меня поселили в комнату «старого» НШ, с кондиционером. А это в Афганистане большое дело, которое не требует дополнительных пояснений.... При пятидесятиградусной жаре на улице, находясь в комнате, я мог и замерзнуть.

Я с головой окунулся в работу начальника штаба, начав с изучения текущей документации. Каждый день приходили приказы, директивы и кодограммы из штаба 40-й армии. На еженедельных совещаниях офицеров и прапорщиков батальона мне приходилось доводить руководящие документы до всех военнослужащих. Главной и неотъемлемой частью моей работы была организация и контроль боевой подготовки и службы войск во всех подразделениях батальона. Мы с командиром батальона, по очереди, совершали объезды по нашим заставам. Я, в основном, ездил по заставам третьей роты и минометной батарее. Проезжая по заставам других подразделений и внимательно изучая особенности несения службы, незамыленным взглядом, я видел недостатки и, исходя из опыта службы в своей второй роте, подсказывал командирам, что необходимо сделать для более качественного выполнения возложенных на всех нас задач.

При посещении минометной батареи, мне нравилось, как всё у них устроено. Каждый офицер, сержант и солдат знали свои задачи и чётко действовали, согласно боевому расчёту. На заставе был почти идеальный порядок.

В третьей роте, которая располагалась на трёх заставах второго полукольца охраны аэродрома Кундуз, были нюансы. Удаленность от «цивилизации» накладывала свой отпечаток и на офицеров и на бойцов, поэтому было ощущение, что они немного диковаты, и каждое появление нового для них человека воспринималось ими как нечто особенное. Я видел, как они ловили каждое моё слово, потому что для них я был другим, непривычным человеком.

Через две недели после моего пребывания в должности исполняющего обязанности НШ, в батальон приехал новый начальник штаба, капитан Копашин Василий Владимирович. Среднего роста, худощавый капитан, выпускник Бакинского общевойскового командного училища 1980 года выпуска. Он приехал из Дальневосточного военного округа. Познакомившись и пообщавшись поближе, я узнал, что это его второй заход в Афганистан, первый был с 1983 по 1985 годы в Асадабаде. Сначала он был командиром гранатометного взвода, а затем служил командиром разведвзвода в мотострелковом батальоне. В первый раз в Афганистан он прибыл, так же как и я, из Центральной группы войск. Вместе с капитаном

Копашиным учился мой сослуживец и друг по ЦГВ, старший лейтенант Артур Балаев.

В меру своих возможностей, я помог капитану принять дела, сопровождая и показывая ему расположение застав нашего батальона. Конечно, всё что он увидел, в сравнении с его первым пребыванием в Афганистане, было для него необычным. Здесь в Кундузе спокойнее, к тому же после 1986 года активных боевых действий проводилось намного меньше, но, несмотря на это, необходимо было в любую минуту быть в готовности к выполнению возложенных на батальон задач.

Имея боевой опыт, капитан Копашин видел недостатки и заострял на них пристальное внимание. В основном они касались инженерного оборудования боевых позиций на заставах батальона. В большей степени это касалось застав третьей роты. В этот момент я и предположить не мог, что через месяц меня назначат командиром этой роты, и мне самому предстоит выполнять мероприятия по устранению недостатков, на которые НШ указал «старому» ротному, капитану Трижичинскому...

А пока, я снова оказался в привычной для себя обстановке, среди своих уже родных и близких мне сослуживцев.

Тридцать сорок третья.

15 мая 1988 года начался первый этап вывода советских войск из Афганистана. У нас в батальоне не все до конца понимали серьезность этого мероприятия. Думали, что это очередная кампания, примерно такая же, какая была в августе 1986 года, когда «выводили» шесть полков, укомплектованные «дембелями» и офицерами-заменщиками со всего Афганистана. Многие из офицеров, а особенно прапорщиков не хотели досрочно заменяться в Союз. Большая часть из них, вообще, не представляла такого итога пребывания в Афганистане. Кто-то не до конца обеспечил себе выслугу лет, кто-то в полной мере не пополнил свои карманы «барахлом», кто-то не стал «помощником Героя Советского Союза» или не получил «заслуженную» награду.

У меня тоже были определенные планы и ожидания перемен по службе, но я не форсировал события. Да, я знал, что командиром файзабадской первой роты стал лейтенант Артур Егиазарян, что Арсалан Гомбоев заменился и уехал в Союз заместителем командира роты, хотя, наверное, мог бы спокойно стать ротным в Файзабаде. В то время я не до конца понимал, что на самом деле происходит с этими назначениями на должности и представлениями к наградам. Вся эта круговерть событий и

интриг проходила мимо меня, и слава Богу. До последнего дня я не знал о своей дальнейшей участи в Афганистане.

Наконец, в начале июля 1988 года, меня вызвал комбат - майор Чуваев С.А. и рассказал, что направил в штаб армии документы на представление меня на должность командира третьей роты нашего батальона. Для меня это известие было полнейшей неожиданностью.

- Юра, документы на тебя ушли месяц назад. Скоро батальон будет выходить в Союз и нам надо быстрее определиться с командиром третьей роты, поэтому надо срочно лететь в Кабул и забирать приказ о твоём назначении, - по-отечески произнёс комбат.

- Когда лететь?

- Прямо сейчас звони на аэродром, уточни, когда будет борт на Кабул и вперёд. Да, можешь заехать к майору Панченко, он тебе поможет попасть в штаб армии и возьми с собой огненной жидкости, на всякий случай.

В штабе батальона мне выдали командировочное предписание, я записался на ночной рейс до Кабула и стал собираться в путь. У старшины взял два литра самогонки, пару банок консервов, буханку хлеба и мыльно-пузырные принадлежности.

Услышав гул самолета в ночном кундузском небе, выехал на бронетранспортере на аэродром. Стандартная процедура посадки и снова Ан-12-ый в воздухе, теперь уже со мной на борту. Особых эмоций не было и страха тоже не было. Всё буднично и привычно. Теперь все мысли были о новом назначении, но сначала нужно было получить заветный Приказ. Как-то и не верилось. Неожиданное назначение, перед самым выводом....

К одиннадцати часам в громкоговорителе пересыльного пункта объявили мою фамилию для отправки в штаб армии. Погрузившись в автобус, я впервые ехал по Кабулу. Сидевший рядом со мной капитан-политработник стал моим гидом, показывая достопримечательности столицы Афганистана. А вот и батальон охраны штаба 40-й армии. На КПП спросил майора Панченко К. А. Дежурный сделал звонок и назвал мою фамилию. На другом конце провода комбат отдал распоряжение пропустить меня и через несколько минут я сидел в кабинете Сергея Александровича.

- Привет, Юра, рад тебя видеть, как долетел? - мы обнялись с майором.

- Без происшествий, всё штатно, вам бакшиш от нашей роты, - я достал две бутылки самогонки из сумки и поставил на стол.

- О, я помню этот славный напиток, передай Сергею и старшине большой привет, - комбат не глядя убрал горячительное зелье в сейф.

- Приказ на тебя я видел, он у кадровиков был, и его давно должны были отправить в батальон, но сейчас такая неразбериха, всё направлено на вывод

войск. Давай сделаем так, сейчас я проведу небольшое совещание, ты пока посидишь на улице, и минут через тридцать мы пойдем вместе в штаб армии. Хорошо?

- Как скажете, - у меня, собственно, не было вариантов, для каких-либо других действий и возражений.

Как и было озвучено, примерно через час мы оказались у здания штаба 40-й армии, бывшей резиденции лидера Афганистана Хафизуллы Амина. На дворе 1988 год, и конечно же, ничего во внешнем и внутреннем убранстве дворца не напоминало о событиях девятилетней давности. Мы прошли внутрь здания, поднялись на третий этаж, и я оказался в кабинете начальника канцелярии штаба 40-й армии.

Без каких-либо промедлений, офицер, ответственный за отправку приказов и распоряжений по частям 40-й армии, нашёл мой документ, отпечатал его копию и передал мне. Я расписался в получении приказа и отблагодарил майора пол-литровой бутылочкой самогонки. Наконец у меня на руках был приказ о моем назначении на должность командира третьей роты нашего батальона....

Конечно же, я был рад этому событию. Для каждого офицера, назначение на вышестоящую должность – это значительное событие в жизни. Морально и ментально я давно был готов к этой должности, теперь предстояло на практике доказать, прежде всего самому себе, что все мои знания и приобретённый опыт станут хорошим фундаментом для дальнейшей службы.

Часть сорок четвёртая.

Константин Александрович отвез меня на своем УАЗике на аэродром Кабула. В ожидании отправки на Кундуз я провел несколько часов. Около полуночи, по «громкой» связи объявили список военнослужащих, среди которых была и моя фамилия. Посадка в самолет прошла быстро. В самолете уже стояли закрепленные ящики со скорбным Грузом-200. Пройдя мимо ящиков, я присел на боковом сидении. Ан-12-й летел из Кабула в Фергану, с посадкой в Кундузе. Жена моего двоюродного дяди по отцовской линии - тётя Надя Анискина, служила в медсанчасти ферганского авиационного полка. Назвав фамилию, я спросил у борттехника:

- Знакома ли вам Анискина Надежда?

На что офицер утвердительно кивнул головой.

- Хорошо, тогда передайте ей огромный привет от меня, - я назвал свою фамилию.

Мне тут же предложили пройти в гермокабину, в которой уже находились четыре офицера и один прапорщик. В знак благодарности я передал командиру экипажа «крайнюю» бутылку самогонки, запасенную «на всякий случай».

Майор, командир экипажа, вышел из кабины пилотов и поинтересовался, кто же это передает привет в Фергану? Я встал, представился. Мы пожали друг другу руки.

- Обязательно передам привет Надежде Владимировне, - ответственно заявил командир экипажа.

- Так, давай-ка за знакомство, старлей....,- офицер достал «мою» бутылку, налил в кружку зеленого цвета больше половины и залпом опрокинул содержимое, запив молоком из пакета, который стоял на импровизированном столе. Затем все, кто присутствовал при этом нашем «знакомстве», по очереди символически пригубили огненной воды.

- Ну ладно, полетели, - безучастно, почти полушёпотом произнес командир экипажа. Я многое повидал в Афганистане, но чтобы вот так, перед полетом командир экипажа, между делом выпивал спиртное.... Признаться честно, было немного дико от этой картины. Я не знал, как реагировать на всё увиденное. Да и никто из присутствующих офицеров не выразил никакого возражения на поведение летчика.

Самолет поднялся в ночное Кабульское небо и взял курс на Кундуз. Как только Ан-12-й набрал необходимую высоту, включился свет, дверь кабины экипажа открылась и оттуда появилась знакомая фигура майора.

- Остался ещё самогон? - спросил у присутствующих командир экипажа. Увидев в бутылке, которая при наборе высоты чуть не упала на пол, остатки самогонки, майор опустошил её, ничем не закусывая, и удалился в кабину, которая оставалась открытой. Все сидевшие в гермокабине офицеры переглянулись между собой. Теперь у нас, свидетелей сего зрелища, были большие сомнения относительно мягкой посадки самолета на взлетно-посадочную полосу аэродрома в Кундузе. Мы приготовились к самому худшему. Майор не унимался, для полного удовлетворения ему явно не хватило выпитого, и он попросил спирт у бортинженера.

- Может хватит? - неуверенно спросил капитан в камуфляжной форме.

- Какой хватит, Эдик, наливай грамм двадцать, - тоном не терпящим возражений, произнёс майор. Капитан налил чистого спирта в кружку, майор выпил, его физиономия скривилась, и он бухнулся в правое кресло пилота....

С замиранием сердца мы наблюдали эту безумную картину. Подлетая к Кундузу, в салоне выключили свет, самолет нехотя приступил к снижению. Двигатели ревели на пределе своих возможностей, и словно чувствуя, что

самолетом управляет нетрезвый человек, сопротивлялись командам пилота. После второго витка, прожектор на земле высветил взлетку, и самолет приступил к посадке. Но что-то пошло не так и Ан-12-й, едва не задев выпущенными шасси вышку руководителя полетов, ушёл на второй круг...Мы слышали, как второй пилот выругался матом на командира и принял управление самолетом на себя. Со второго захода, схватив два «козла» на взлетно-посадочной полосе, мы проехали к дальней стоянке и выгрузились на взлетку....

Под белы рученьки майора спустили по трапу и попытались увести подальше от руководителя полетов, который на полной скорости мчался к Ан-12-му на аэродромном УАЗике. Что было дальше, нас мало интересовало. Слава Богу, мы благополучно приземлились и устойчиво стояли на «родной» Кундузской земле....

Часть сорок пятая.

После моего прилета в Кундуз и назначения на должность командира третьей роты, почти за месяц до вывода нашего батальона в Союз, 8 июля 1988 года в батальоне произошло событие, о котором до сих пор нет точного понимания, есть предположения, о которых попытаюсь рассказать, изложив свою версию случившегося чрезвычайного происшествия.

Каждое утро группа саперов из трех человек, которая была прикомандирована к минометной батарее, проверяла проселочную дорогу, соединявшую управление батальона с минометной батареей. Без обследования дороги на предмет установки минных заграждений и соответствующего доклада по инстанции, ни одна единица техники не могла проехать по данному маршруту. За всё время существования батальона, на дороге ни разу не было обнаружено ни одного минно-взрывного устройства. Тем не менее, как говорится «береженого Бог бережет». Поэтому каждое утро, в любое время года, три человека выходили из заставы минометной батареи для «проверки на дорогах»....

По маршруту следования группы, в километре от дороги, располагались несколько афганских кишлаков: Джазгузар, Маларги и Навиан. Афганцы свободно наблюдали за перемещениями и иногда выходили к нашим воинам на контакт. Теперь я могу только предполагать, что это были за контакты, и что на самом деле произошло в то злополучное утро. Ранним утром, 8 июля 1988 года, ефрейтор Кутняк Сергей, рядовой Солтонов Анарбек и рядовой Усманов Миндияр спокойно и привычно встретились с жителями одного из близлежащих кишлаков и вступили с ними в диалог.

Накануне этой встречи, бойцы заказали у афганцев бакшиши (подарки) для родных и близких, так как вывод войск был не за горами.

- Ну чо, принесли платки, ткань, ручки? – спросил у афганцев рядовой Солтонов, который мог спокойно объясняться по-афгански.

- Да, вот смотрите, всё как вы заказывали. Развернув содержимое небольшой сумки, солдаты оценили товар.

- Вот пайса за товар. Самый старший из афганцев ловкими движениями пальцев пересчитал пачку зеленых афгани.

- Надо ещё принести кое-что, запоминай, Ахмед: часы – 1 штука, кофейный сервиз – 1 штука, костюм «Командо» – 2 штуки. Когда сможете принести?

- Принесём через три дня, давай пайсу (деньги по-афгански).

- Нет, деньги отдам, когда принесете бакшиши, - сказал, как отрезал Усманов.

- Хорошо, принесу товар, но чтобы пайса была без обмана.

- Анарбек, дай пострелять из автомата, - умоляюще попросил один из афганцев.

Бойцы повернулись к Сергею Кутняку – он был старшим в группе и Солтонов перевел ему просьбу афганца.

- Надо дальше идти по маршруту, - решил отнекаться ефрейтор Кутняк.

- Да пусть пару выстрелов сделают, вон по тем банкам, - посоветовал Миша Усманов.

Нехотя, будто предчувствуя нехорошее, Сергей буквально выдавил из себя последнюю фразу:

- Давай, только быстрее, нам надо уже быть в батальоне....

Сергея Кутняка, который служил в нашей второй роте, перевели в минометную батарею зимой, во время моего отпуска. Он был уроженцем села Константиновка Донецкой области. Хороший солдат, настоящий воин, но видимо поддался уговорам и день 8 июля стал для него и для его сослуживцев последним днём...

Кто-то из бойцов передал автомат одному из афганцев, который, как и было условлено, сделал два выстрела по банкам, а затем развернул ствол в сторону наших солдат и расстрелял всех троих.... Они не успели среагировать на подлость, приготовленную «духами».... Собрав автоматы, бронежилеты, каски и щупы для разведки мин, душманы скрылись в кишлаке.

В расчётное время группа сапёров не вышла в расположение батальона, и командование минометной батареи забило тревогу. Грузовой Урал немедленно выехал с заставы и через несколько минут сидевшие в кабине автомобиля старшина батареи и водитель обнаружили тела своих трёх

солдат.... В сопровождении бойцов, к месту трагедии подъехали командир батальона майор Чуваев и командир минометной батареи капитан Визитиу.

Оценив обстановку и сделав соответствующие предположения, Алексей Визитиу проехал в кишлак Навиан, собрал старейшин и через переводчика выдвинул афганцам ультиматум:

- Если в течение трёх часов те, кто расстрелял моих бойцов, не вернут оружие и снаряжение, я разнесу кишлак на мелкие кусочки....

Старейшины стали заверять офицеров о том, что местные не могли так поступить, что они всегда были в добрососедских отношениях с шурави и никогда не позволяли себе подобного.... Однако капитан прервал стариков и, в подтверждение своих слов, командир батареи по радиостанции произвел целеуказание и отдал команду на производство выстрела из миномёта. Через несколько минут в пятистах метрах юго-западнее кишлака все увидели и услышали взрыв 120- миллиметровой мины.... Толпа старейшин загудела и стала размахивать руками. Посовещавшись, афганцы ушли в кишлак и пообещали вернуться через три часа.

Время ультиматума медленно и неуклонно приближалось к своему завершению. Никаких движений из кишлака в сторону наших позиций не было замечено. Ровно через три часа, над кишлаком зависла осветительная мина, предупреждающая о начале обстрела кишлака осколочно-фугасными минами....

Странная, бессмысленная и глупая смерть троих наших солдат, за месяц до вывода войск, буквально обескуражила каждого воина нашего батальона. Мы все знали, что никогда нельзя доверять афганцам. Но наша безалаберность и расхлябанность в очередной раз сыграли с нашими бойцами злую шутку. Мы всегда умны задним числом. Никто не мог подумать, что подобное может произойти, но это случилось, и от того, вдвойне горько и печально, что в результате собственного разгильдяйства три молодых человека, у которых впереди была длинная и счастливая жизнь, сложили свои головы на земле Афганистана....

Часть сорок шестая.

Вскоре я приступил к исполнению обязанностей командира третьей роты. На мою должность, заместителя командира второй роты, назначили лейтенанта Мамедова Г.С.. Первый взвод принял вновь прибывший лейтенант Тедеев Тимур, выпускник Орджоникидзевского ВОКУ. Старшего лейтенанта Купина Артёма перевели в файзабадскую первую роту, поэтому исполнять обязанности командира третьего взвода, по совместительству, стал Габиль Мамедов.

До вывода батальона в Союз оставались считанные недели. Времени на подготовку к выводу практически не было. Каждый день я ездил по заставам, которые располагались в центре Ишантопской степи, на удалении трёх-четырёх километров от заставы управления роты, и знакомился с личным составом подразделения. Смотрел, как устроен быт подчиненных, проверял готовность командиров взводов к выполнению боевых задач. Особое внимание уделялось состоянию техники и вооружения. Предполагалось, что во время вывода войск, батальон до государственной границы должен будет совершить многокилометровый марш и уже там передать всю имеющуюся у него технику и вооружение.

Кроме трёх застав, в моём распоряжении был отдельный выносной танковый пост. Управление роты и первый взвод находился на одном из насыпных холмов. Существовала легенда, что эти холмы были захоронениями воинов армии Александра Македонского, во время его похода через Афганистан, при покорении Индии.

Второй взвод располагался в центре степи на краю оврага (старого русла реки). Командовал взводом лейтенант Екимовский Александр, выпускник Ленинградского высшего общевойскового командного училища имени С.М. Кирова. Через заставу второго взвода проходила проселочная дорога, от управления батальона до минометной батареи. Третий взвод располагался рядом с зеленой зоной, в пятистах метрах юго-западнее кишлака Джагузар. Взводом командовал лейтенант Сергей Левитский.

10 июля 1988 года ночную тишину Ишантопской степи разбудили взрывы и автоматно-пулеметные очереди. Я быстро выскочил из своего помещения на ротный командный пункт и вышел на связь с командиром второго взвода, лейтенантом Екимовским. Параллельно отдал команду тревожной группе - быть в готовности выехать на помощь второму взводу. Взводный докладывал сбивчиво и неразборчиво, от того, невозможно было объективно оценить обстановку. Кроме этого, в наушниках слышалась стрельба и разрывы. Я приказал Александру Екимовскому на время приостановить стрельбу, укрыть максимальное количество бойцов в окопах и внимательно, с помощью приборов ночного видения, наблюдать за прилегающей местностью. Через минуту возбужденный командир взвода вновь вышел со мной на связь:

- «Чинара», я «Чинара-595-й», стрельбу прекратил, ответного огня никто не ведет. При подрыве первых мин, поднял заставу по тревоге и огнём из вооружения двух бронетранспортеров пресек попытку нападения на заставу. Когда прекратил стрельбу, обнаружил, что рядом с минным полем находится стадо овец и коров, я «Чинара-595-й», «Приём»...

- «Чинара-595-й», я «Чинара», почему в самом начале нельзя было внимательно рассмотреть это стадо? Я «Чинара», «Приём»...
- Потому что...., - Александр задержался с ответом и не знал, что ответить. Я догадывался о причине, поэтому прервал его молчание:
- «Чинара 595-й», я «Чинара», «Приём».
- Я «Чинара 595-й, «Приём» - ответил командир второго взвода.
- «Чинара 595-й», необходимо усилить наблюдение по всему периметру заставы, личному составу находиться на боевых позициях, быть в готовности к отражению нападения и немедленно докладывать обо всех изменениях обстановки, я «Чинара», «Приём».
- Я, «Чинара 595-й», вас понял, «Приём»....

Мне стала понятна причина внезапной стрельбы. Хотя нельзя было сбрасывать со счетов и провокационный характер захода этого стада на минное поле. «Духи» могли специально отвлечь наше внимание взрывами мин, и под их прикрытием атаковать в другом месте или произвести налет на соседнюю заставу. Так же у них была возможность организовать засаду на пути следования тревожной группы, которая должна была выдвинуться на помощь второму взводу.

Находясь на возвышенности, мне хорошо были видны разлет трассирующих пуль и взрывы мин, от которых загорелся сухостой. Я напомнил взводному о том, чтобы все бойцы находились в укрытиях и лишний раз не высовывали свои буйные головы под взрывы мин....

Доложив в штаб батальона о текущей обстановке и своих соображениях, я продолжал наблюдение и периодически заслушивал доклады командира взвода. Примерно через час взрывы прекратились. Только дым от пожара напоминал о случившемся. Ночь в июле закончилась, не успев начаться и когда первые солнечные лучи вышли из-за горизонта, я собрал группу из шести человек и отправился на заставу лейтенанта Екимовского.

Почти одновременно со мной, к заставе подъехал бронетранспортер управления батальона с командиром и начальником штаба батальона. На минном поле и перед ним лежали трупы животных. Рядом, сгрудившись в один большой гурт, стояли остатки, некогда большого стада.... Лейтенант Екимовский, ещё не до конца отошедший от ночного «боя», докладывал нам с комбатом все подробности ночного происшествия. Два бойца привели пастуха в лохмотьях, который находился под воздействием чарса (афганский гашиш) и ночного кошмара, моргая и глядя на нас отрешенным взглядом, причитая и повторяя, как мантру, что он «гарип» (бедный)....

Картина произошедшего, более-менее, была понятна и ясна. Пастух, обкурившись вечером и потеряв контроль не только над собой, но и над

стадом, завалился в небольшую ямку и уснул. Неуправляемое стадо животных в кромешной темноте забрело на минное поле и встретило жесточайший отпор наших бойцов. В течение всего «боя», пастух пролежал в своём укрытии. На нём не было ни малейшей царапины.... В оправдание своих солдат могу сказать следующее. В светлое время суток наблюдатели контролировали перемещения животных по степи, но ближе к вечеру, стадо спустилось в овраг и исчезло из поля зрения наблюдателей. Ночью бесконтрольное стадо «скрытно» подошло к заставе, напоролось на минное поле и получило заслуженный отпор....

Около сорока животных «смертью храбрых полегли на поле сражений». Естественно никто из нас не испытывал восторга по этому поводу. Более того, была очевидная вероятность того, что большое начальство будет, весьма, расстроено этим событием.

Примерно через час, к месту ночного происшествия подошла группа старейшин из близлежащих кишлаков Джаргузар и Навиан. Через переводчика мы объяснили, что же произошло сегодня ночью. Они хватались за голову, бормотали себе под нос какие-то фразы, но никто не обращал на них внимание. Начальник штаба батальона вызвал группу саперов инженерно-саперного батальона 201-й мотострелковой дивизии, которые по прибытии на место, немедленно приступили к «эвакуации» распухших на солнце тел животных и восстановлению минно-взрывных заграждений. Кто-то из стариков заикнулся о компенсации от потери части стада, но комбат в жесткой форме остановил афганцев и приказал удалиться, напомнив им о недавней гибели троих наших бойцов от рук, пришедших со стороны вышеупомянутого кишлака «духов».

По окончании разбирательств, ко мне подошел Саша Екимовский и полусшепотом шепнул на ухо:

- Командир, бойцы, под шумок, отвели на выносной пост несколько баранов, какие будут указания?

- Да, уж..... Пусть пока постоят в укромном месте, потом что ни будь, придумаем. Только чтобы никаких следов, чтобы всё было чисто.

Я знал, что афганцы придя в себя, пересчитают оставшихся в живых овечек и коров, трупы эвакуированных животных и увидят численную разницу, между тем количеством, которое было до обстрела и тем, что осталось после происшествия. Поэтому я ещё раз обратился к лейтенанту Екимовскому:

- Саня, сделай так, чтобы комар носа не подточил....

Через пару дней, как и предполагалось, группа старейшин, в сопровождении заместителя начальника политуправления 201 мотострелковой дивизии, прибыли в мою роту, с целью обследования

расположения застав и бронетехники, на предмет наличия животных. К нашему счастью, никаких следов присутствия овец обнаружено не было, и афганцы не солоно хлебавши, уехали восвояси

Между тем, в течение нескольких дней, личный состав батальона питался свежим бараньим мясом....

Часть сорок седьмая.

Непосредственно перед выводом войск, в батальон зачастили проверяющие. Через два дня после ночного «боя» со стадом овец, в батальон приехал представитель отдела службы войск штаба 40-й армии, в звании майора. Я встретил офицера на заставе первого взвода. Мы познакомились с майором. Он, как и я оказался выпускником Омского ВОКУ и учился с моим первым комбатом майором Алексеевым, под началом которого после выпуска из училища, я служил в Центральной группе войск. Проверяющий попросил построить весь личный состав подразделения для проверки. Каждый солдат и сержант называли свои должности, звания и фамилии, а проверяющий сверял их со сведениями из штатно-должностной книги (ШДК). Затем была проведена проверка оружия и наличие техники на заставе. Вся процедура заняла не более часа, и мы отправились на заставу второго взвода. Время в пути заняло не более десяти минут. Перед входом на заставу нас встретил лейтенант Екимовский. Я попросил построить личный состав, незадействованный в несении службы. Сборы были недолгими, лишь водители бронетранспортеров немного задержались, так как они обслуживали технику и были в мазуте.

Наконец все бойцы, в две шеренги, с оружием стояли в помещении перед кроватями. Каждый солдат представлялся проверяющему. Майор сверял данные военнослужащих с ротной ШДК. В это время я обратил внимание, что в распахнутое окно доносятся одиночные автоматные выстрелы.

- Лейтенант Екимовский, у вас все бойцы в строю? - спросил я у взводного.

- Так точно, товарищ старший лейтенант, - уверенно ответил Александр Екимовский.

- Что это за стрельба на стрельбище? – было ощущение, что кто-то стреляет одиночными выстрелами из автомата...

- Никто не может стрелять, весь личный состав здесь, за исключением трёх солдат, которые находятся на наблюдательных постах, - ответил начальник заставы.

Майор подозрительно посмотрел на нас обоих.... В этот миг, дежурный по заставе забежал в помещение и благим матом заорал:

- БТР горит!

Только этого ещё не хватало до полного комплекта неприятностей, обрушившихся в первые дни моего пребывания в должности командира роты...

Выбежав на улицу, мы увидели языки пламени, вырывавшихся из открытых люков, в районе двигателей бронетранспортера, стоящего в окопе, в пятидесяти метрах от нас, и разлетающиеся в разные стороны трассирующие пули боекомплекта, находящегося внутри БТРа. Пожар ежесекундно набирал силу, а интенсивность разлета пуль увеличивалась с геометрической прогрессией. О тушении пожара не могло быть и речи, тем не менее, командир взвода надел на себя два тяжелых бронежилета, каску и по ходам сообщения подскочил к бронетранспортёру с левого борта, прихватив с собой два огнетушителя. В этот момент из верхних люков усилился нескончаемый вылет пуль, и пламя охватило задние пары колес БТРа, окутав черным дымом всё вокруг так, что едва было видно фигуру Александра Екимовского.

- Саня, уходи быстрее от «коробочки»! – скомандовал я...

С проверкой, мягко говоря, не повезло. Как назло всё происходило на глазах майора, и он стал невольным свидетелем чрезвычайного происшествия на моей заставе. Я ещё раз крикнул взводному, чтобы тот отошел от бронетранспортера. Лейтенант и сам видел тщетность своих усилий, потому что пожар полыхал по полной программе, и подобраться к месту горения было невозможно. К тому же была вероятность взрыва топливных баков. Мы отвели личный состав в помещение заставы и ждали окончание пожара....

Проверяющий, видя моё состояние, оказался нормальным мужиком. Он отвел меня в сторону и сказал:

- Старлей, не переживай сильно, я представляю сколько тебе придется разгрести завалов и писать объяснительных, тем более вывод войск близко. БТР восстановлению не подлежит – это точно. Что ты будешь делать с БТРом, я не знаю. Но ты должен знать, я никому ничего докладывать не буду.... К сожалению, я не запомнил фамилию майора, который мог перевернуть мою судьбу в один миг, но я всегда с благодарностью вспоминаю этого офицера, выпускника прославленного Омского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени М.В. Фрунзе...

Половина горы свалилась с моих плеч. Проверяющий уехал в управление батальона, пообещав доложить комбату, что вины офицеров роты в случившемся нет....

На самом деле я прекрасно понимал, что результатом пожара были элементарные нарушения мер безопасности при выполнении регламентных работ при обслуживании техники. Мысленно я представил, как мог загореться бронетранспортёр. Во-первых, перед началом работ с аккумуляторов не были сняты клеммы, и от этого, скорее всего произошло короткое замыкание. Во-вторых, возможно солдаты могли устроить перекур внутри БТРа, а когда внезапно поступила команда на построение, впопыхах бросили окурки на днище бронетранспортера, которые попали на промасленную ветошь. При температуре воздуха около пятидесяти градусов внутри БРТа, загорание произошло мгновенно....

После отъезда майора у меня состоялся обстоятельный разговор с командиром взвода. Тяжело было смотреть на лейтенанта Екимовского, я представлял себя на его месте, но, по существу, мы оба должны были разделить груз ответственности за это происшествие. К этому моменту пожар закончился, и мы осмотрели бронетранспортёр. Внутри не было живого места. Всё внутреннее пространство было изрешечено пулями. Все приборы наблюдения и прицел пулеметов выведен из строя. Двигатели расплавились, резина колес выгорела дотла...

- Саня, что будем делать? – начал разговор я.

- Не знаю, надо попробовать восстановить то, что можно, - задумчиво ответил взводный.

- Да, пусть техник с водителями полазят по свалке техники и что возможно подберут там, предварительно составив опись всего, что необходимо. Надо проехать на дивизионный склад запчастей и там посмотреть то, что можно взять....

Работа предстояла большая и серьезная, а времени на восстановление уже не было. Главное, чтобы бронетранспортер мог передвигаться на колесах.... Забегая вперед, скажу, что этот злополучный БТР, в сопровождении лейтенанта Екимовского доехал до границы и там благополучно был передан на утилизацию....

Часть сорок восьмая.

Время неумолимо приближало срок вывода нашего батальона из Афганистана. Готовились передаточные ведомости и акты, составлялись всевозможные списки, которые корректировались по несколько раз в день. Подготавливались помещения застав и техника к передаче афганской армии. Времени на все подготовительные мероприятия катастрофически не хватало. Тем не менее, 27 июля 1988 года, я отметил свой двадцать шестой день рождения в кругу своих друзей-сослуживцев.

1 августа 1988 года, из штаба батальона поступила команда о передаче застав батальона и техники военнослужащим афганской армии. Ближе к вечеру 2 августа, в расположении заставы первого взвода появились «сарбосы» (солдаты афганской армии), в количестве десяти человек. Я познакомился с командиром взвода и сказал ему, чтобы он компактно разместил своих подчинённых в землянке. Мы вместе прошли по территории заставы. Я показал афганцу границы минных полей, все помещения - землянку для личного состава, кухонное помещение и столовую, канцелярию командира роты и взвода, склады боеприпасов и продовольствия. В заключение я провел командира «сарбосов» в крытый бассейн, который накануне был наполнен чистой водой. Я видел глаза афганца и слышал, как он щелкает языком в знак удовлетворения от увиденного. Поэтому, не оттягивая в долгий ящик процедуру передачи заставы, я пригласил командира в свою канцелярию для подписания акта приёма-передачи имущества и помещений. Кроме помещений, мы передавали тяжелое вооружение: автоматические гранатометы, пулеметы ДШК и «Утес», боеприпасы ко всему оружию. С такими запасами афганцы могли воевать не менее полугода. С собой мы брали личное стрелковое оружие и ручные гранатометы. Утром следующего дня была назначена передача техники на площадке перед въездными воротами в штаб батальона. Вечером командиры взводов по радиосвязи доложили о передаче своих застав афганцам. Я уточнил порядок сдачи техники и пожелал им быть бдительными и усилить наблюдение за «сарбосами» на своих заставах, выставив рядом с ними охрану. Надо сказать, что к 3 августа две трети личного состава подразделений нашего батальона уже отправилась в Союз рейсами транспортной авиации, поэтому к моменту передачи застав афганцам, в расположении оставалось минимальное количество солдат и офицеров.

Беспокойная крайняя ночь на заставе прошла в ожидании предстоящих событий. Я старался свести к минимуму общение с командиром «сарбосов» и не заснуть в ответственный момент, хотя утро следующего дня не сулило ничего хорошего....

На утро я привел себя в порядок и в крайний раз окунулся в прохладу бассейна. Солдаты последовали моему примеру. После нас, не снимая обмундирования, в бассейн запрыгнули афганцы. Было такое ощущение, что они в первый раз увидели воду в бассейне. Они радовались как дети. А выйдя из воды, стали валяться в пыли и кричать от восторга.... От увиденного мы были в шоке....

На построении взвода я сказал несколько напутственных пафосных слов своим бойцам:

- Товарищи солдаты, вот и подходит к завершению наше пребывание в Афганистане. Нам ещё предстоит сложный этап переброски в Союз. Мы с вами выполнили свою задачу. Главное, мы с вами сохранили свои жизни. Давайте немного потерпим и сконцентрируемся. Нас ждут родные и близкие, помните об этом. Лица бойцов были серьезны и сосредоточены. И я скомандовал:

- По машинам!

Я никак не мог отделаться от мысли, что эти мгновения - последние на Афганской земле. Несмотря на договорённости, достигнутые между командованием 40-й армией и основными главарями банд-формирований о соблюдении перемирия во время вывода войск, меня не покидала тревога о том, что афганцы, оставшиеся на заставе, могут выстрелить нам в спину. Мы развернули стволы в сторону заставы, и на предельной скорости рванули вдале, оставляя за собой клубы афганской пыли...

Нам осталось передать технику афганцам.... На площадке, перед расположением батальона, в три ряда стояла техника второй и третьей роты. Ближе к обеду появилась группа афганцев во главе с полковником афганской армии, ответственного за приемку техники. Они распределились по нашим машинам и стали тщательнейшим образом принимать нашу технику. По большей части я не видел горячего желания принять наши бронетранспортеры и БРДМы. Они выискивали малейшие изъяны. Доходило до того, что трещина стекла на спидометре приборной панели расценивалась, как большой недостаток, не позволяющий принимать машину. Один «специалист» попросил запустить двигатель БРДМа. Работая на холостом ходу, двигатель слегка раскачивался, на что принимающий технику сказал, что он не закреплен должным образом. Я пытался возразить ему:

- На холостом ходу такая работа двигателя, вполне нормальная и легкое покачивание двигателя происходит от того, что он закреплен на специальных подушках.

Я попросил водителя прибавить обороты, двигатель устойчиво стал работать, не раскачиваясь. Но видимо это не очень-то волновало принимающую сторону. В своих тетрадках они ставили какие-то отметки, говорящие о том, что данный экземпляр техники не подлежит принятию....

Всё мероприятие проходило в условиях сильнейшей жары. Организм обезвоживался, и кровь буквально закипала. Кто-то из офицеров отправил бойцов на дивизионный водозабор, который по существу уже не работал в нормальном режиме, обеспечивающем обеззараживание воды.... Начальник медицинской службы батальона капитан Шалашников Миша снабдил всех военнослужащих таблетками, проинструктировав нас о том, что они помогут

нам преодолеть жажду голода и взбодрят организм в течение нескольких суток.

После обеда начала вырисовываться следующая картина: помимо сгоревшего бронетранспортера, в моей роте афганцы не принимали две единицы техники. Я доложил об этом комбату. Нервы у всех были на пределе. Мы готовы были на крайние поступки. Майор Чуваев С.А., в присутствии полковника афганских вооруженных сил, отдал распоряжение о том, чтобы технику, которую не принимали афганцы, перевезли в овраг и расстреляли из ручного гранатомёта, составив соответствующие акты и зафиксировав подрыв на фотопленку....

Услышав распоряжение комбата, афганский полковник встал перед моей машиной и замахал руками, показывая нам, что не надо никуда ехать. Я попытался отодвинуть полковника, но офицер стоял как скала, к тому же, на помощь ему подоспели «сарбосы». Расчет майора Чуваева оказался правильным. Все технические формальности были улажены, и большая часть техники была передана афганцам. Тем не менее, небольшая её часть должна была преодолеть марш до границы Афганистана с Советским Союзом своим ходом. В их числе был БТР Александра Екимовского, который на сцепке благополучно доехал до Союза....

В самый последний момент нам, командирам второй роты - старшему лейтенанту Ефимкину Сергею, офицерам и прапорщикам управления батальона и мне, командиру третьей роты, поступила команда: вместе с остатками своих подразделений убыть на аэродром Кундуза и быть в готовности к вылету в Союз. В батальоне оставалось минимальное количество военнослужащих и техники, которые самостоятельно должны были отправиться к границе....

Часть сорок девятая.

Ожидание борта на кундузском аэродроме заняло не менее двух часов. На окрестности спустилась непроглядная ночь, и мы с переполняющими нас чувствами сидели в ожидании отправки на Родину. Услышав в ночном небе гул двигателей Ан-12, мы были ещё на один шаг ближе к дому...

Погрузка в самолет прошла быстро и без суеты. Один из членов экипажа сверил списки военнослужащих батальона, переданные ему начальником штаба. Важно было в этой неразберихе никого не оставить в Афганистане. Но, судя по тому, что все благополучно добрались до конечного пункта назначения, всё было организовано на достойном уровне. С большой точностью не помню, кто летел этим бортом, но то, что Сергей Ефимкин был рядом, это точно...

Улетая одним из крайних бортов из Кундуза, никто не мог гарантировать нам безопасный взлет. Фактически не осталось ни одного подразделения охраны аэродрома, которое могло предотвратить обстрел нашего борта, но об этом никто не думал в ту минуту. В самолете выключили свет, нас, офицеров и прапорщиков стоя разместили в гермокабине. Мы стояли и держались друг за друга, не давая упасть при взлете. После разбега, самолет оторвался от взлетной полосы и резко заложил вираж, набирая высоту. Мы попадали на колени и еле удерживались в таком положении. Ан-12-й набрал высоту и вышел на заданный курс. В салоне включился свет, мы расположились кто где. Через несколько минут в кабине пилотов открылась дверь, и командир экипажа торжественно произнёс самую долгожданную для всех нас фразу: «Самолет Ан-12-й, борт номер 025, пересёк границу Союза Советских Социалистических Республик»!

Этот день и ночь 3 августа 1988 года я запомнил на всю оставшуюся жизнь.... Для нас афганская война закончилась. Эмоции переполняли каждого, кто находился сейчас в этом самолете. Не сговариваясь, мы закричали протяжное:

- Урааааа!

Мы обнимались друг с другом и не могли успокоиться. Откуда не возьмись, в руках у старшины второй роты появилась бутылка самогонки. Как всегда, вторая рота заранее позаботилась о праздновании знаменательного события. Сергей Ефимкин подмигнул старшине, и по мановению волшебной палочки прапорщик Маковский разлил всем присутствующим популярного напитка. Не успели мы опустошить содержимое, как самолет приступил к снижению.

На военном аэродроме Какайды в Термезе нашей группе организовали небольшой митинг по поводу прибытия на родную землю, нам вручили пластинки с песнями на афганскую тематику. Затем, в выставленные перед нашими шеренгами ящики для оружия, мы сложили свои автоматы, пулеметы, гранатометы и стройными рядами отправились в палаточный городок, расположенный неподалеку. Сергей Ефимкин передал встречающему нас офицеру территориального управления КГБ СССР коробку с телевизором Panasonic и видеомэгафон этой же марки, которые его попросил сопроводить куратор нашего батальона, полковник Эргашев. Странное дело, нас толком никто из пограничников не проверял. Пограничники сверили списки прилетевших военнослужащих с их личными документами и всё. А ведь нас инструктировали, и мы бойцов запугали, что ни в коем случае нельзя провозить через границу запрещенные вещи. Вся

встреча нашего сводного подразделения показалась быстрой и незатянутой. Всё самое интересное ожидало нас впереди.

В палаточном городке нас встретили прилетевшие накануне офицеры и прапорщики батальона. Мы разместили своих бойцов по палаткам, накормили остатками ужина и сухим пайком. И уже через несколько часов часть солдат и сержантов нашего батальона, прилетевшая днём ранее, отправилась на погрузку в самолет Ил-76, увозивший их в восточные военные округа нашей страны. Мы горячо прощались со своими бойцами, которые с честью выполнили свой долг перед Родиной. Теперь им предстояло дослуживать свой срок до первого приказа о демобилизации, но уже не под нашим началом... На следующий день очередная партия военнослужащих отправилась во внутривенные военные округа.

Позволю себе сделать небольшое отступление. Как известно, мой младший брат служил водителем КАМАЗ-4310 в батальоне охраны штаба Сибирского военного округа. В ночь на 4 августа его роту подняли по тревоге и отправили в аэропорт Толмачево города Новосибирска. Рядом с взлетно-посадочной полосой несколько автомобилей ожидали прибытие самолетов. После приземления Ил-76 из задней аппарели показались загорелые военнослужащие в «афганках» с «дипломатами» в руках, брат подошел к парням и спросил одного из них:

- Мужики, откуда борт?
- Мы из Кундуза вчера прилетели, сегодня неизвестно куда отправят, - ответил первый попавшийся солдат моей третьей роты, Серик Сартаев.
- А где в Кундузе вы служили? – поинтересовался брат.
- В батальоне охраны Кундузского аэродрома.
- Ух ты! У меня брат в Кундузе в батальоне охраны командиром роты служит.
- А как его фамилия? - не поверив словам брата, спросил Серик.
- Коряков, - уверенно ответил Олег.
- Не может быть, это наш ротный, старший лейтенант Коряков Юрий Михайлович, - продолжил рядовой Сартаев.
- Правильно, это мой старший брат.
- Я не верю, покажи «военник», - не унимался сердобольный боец.

Все бойцы сгрудились вокруг брата, он достал военный билет, чтобы мои сомневающиеся сослуживцы-подчиненные смогли лично удостовериться, что на самом деле перед ними настоящий младший брат их командира роты...

Увидев знакомую фамилию и место призыва брата, восторгу моих бойцов не было предела. Такое могло случиться только в фантастическом фильме. Солдаты стали хлопать Олега по плечу, приговаривая:

- Ну, у тебя брат, настоящий мужик! Видишь, мы все живыми вернулись домой – это его заслуга!

Олега переполняло чувство гордости за меня, а бойцы, в знак благодарности подарили ему маленькие афганские бакшиши (подарки).

- Так значит, брат вышел из Афгана вместе с вами? – спросил Олег.

- Конечно, он сейчас в Термезе, вместе с остальными офицерами и прапорщиками батальона...

Узнав, что самолет с бойцами летит в Абакан, брат передал Серику Сартаеву адрес родителей, с тем, чтобы он смог побывать у нас в гостях и лично сказать, что их сын в Союзе. Олег был безмерно рад и счастлив за меня. Он был первым из родственников, кому я сказал, что еду служить в Афганистан. Вот теперь он мог спокойно выдохнуть и перевести дух.

Всё самое плохое, что могло случиться уже позади....

Часть пятидесятая.

Ночь 4 августа 1988 года прошла под звуки прилетающих и отлетающих бортов. Накопившаяся усталость компенсировалась безмятежным состоянием спокойствия и умиротворения. Мы по-настоящему были счастливы и в полной мере наслаждались этим положением. Мы наконец-то вернулись в мирную обстановку, к которой ещё надо было привыкать. Впереди были новые назначения и новое место службы. Поговаривали, что каждый из офицеров должен убыть к тому месту, откуда его направляли в Афганистан, а тот, кто прибыл из групп войск из-за границы, должен был поступить в распоряжение штаба округа, где находится военное училище, которое он заканчивал. Следовательно, моя дорога была в направлении Новосибирска, но к этим размышлениям мой мозг ещё не был готов. Сейчас в головах моих сослуживцев царила полнейшая расслабленность и эйфория. Личный состав почти всех подразделений батальона был отправлен в дальние военные округа, а мы - офицеры и прапорщики были предоставлены сами себе.

Первым делом мы снарядили командира взвода обеспечения батальона прапорщика Кололу Игоря, для отправки телеграмм своим родным и близким. Каждый, на листке бумаги написал несколько строк и адрес, куда

необходимо было отправить долгожданную весточку. Я написал коротко и лаконично: «Мама и папа, я в Союзе, Юра. Ура!». Эта телеграмма до сих пор сохранена в домашнем архиве.

После обеда оставшиеся офицеры и прапорщики из нашего батальона, а также несколько солдат-срочников из управления батальона, со всем скарбом загрузились в ЗИЛ-131-й и направились в военный городок мотострелкового полка Термезского гарнизона. Мы разместились в кирпичной казарме на третьем этаже, чемоданы с личными вещами составили в комнату для хранения оружия, привели себя в порядок, переоделись в гражданскую одежду и вышли на улицу мирного, но прифронтового Термеза....

Яркое и жаркое солнце сквозь вековые чинары ласкало нас своими лучами. Синее, бездонное и мирное небо дарило надежду на счастливую и долгую жизнь. С моих губ не сходила радостная и счастливая улыбка. В этот миг мы считали себя победителями, потому что каждый из нас с честью выполнил свой воинский долг перед Родиной. Мы были в ожидании новых и больших перемен в своей жизни в лучшую сторону.

Мы шли по улице и прохожие, оглядываясь на нас, дарили нам свои приветливые взгляды. Торговцы фруктами зазывали нас к своим прилавкам. Немногочисленные девушки с участием смотрели в наши ищущие глаза...

Какой-то аксакал, в чалме, халате и с седой бородкой остановил нас и спросил меня:

- Огил, сиз озбекмисиз? (Сынок, ты узбек?)

В очередной раз меня признали за своего. Так было в Комарно, на юге Чехословакии, по сути, венгерском городе. Когда я служил в этой стране, ко мне постоянно обращались на венгерском языке. Так было в родном Абакане, где соседка хакаса всё время заставляла признаться меня, что я хакас. Теперь вот старик узбек, увидев моё загорелое лицо с черными усами, обратился на узбекском языке.

- Нет, я не узбек.

- Вай, почти как мой син, толко чут ты вище. Ты же из-за речки вернулся?

- Да, Отаси (отец на узбекском), - ответил я.

- Мой син служит в Пули-Хумри, писалъ писмо, что скоро будет дома. Так вот я приехалъ его встречать. Ты не видель его?

- Как зовут сына?

- Ариф Худанкулов, может, знаешь?

- Нет, отец, не знаю я его, но он точно скоро будет дома, и вы его обязательно встретите!

Отойдя несколько шагов, я обернулся и поглядел на аксакала. Он стоял и смотрел нам вслед, представляя на моем месте своего Арифа, отвешивая низкие поклоны, прижимая руки к сердцу....

Дай Бог здоровья всем отцам и матерям, которые самозабвенно ждали своих сыновей и дочерей из Афганистана. Ещё больше сил нужно матерям, которые не встретили своих родных и близких....

Большой и дружной компанией мы зашли в фотосалон, где сфотографировались на память об этом знаменательном событии....

Потом были многочисленные банкеты, поездка с Артуром Егиазаряном в Ташкент, встреча с комбатом после многокилометрового марша от Кундуза до Хайратона, переселение в гостиницу...

17 августа 1988 года начальник штаба батальона, капитан Копашин В.В. вручил мне предписание к новому месту службы. 24 августа 1988 года я должен был быть в штабе Сибирского военного округа, в Новосибирске. Днём следующего дня я улетел из Термеза в Ташкент, и через пару дней я был в родном Абакане. Уже дома я почувствовал себя нехорошо и обратился в медсанчасть местного гарнизона, где мне выписали направление в инфекционную больницу. У меня диагностировали самую распространённую афганскую болезнь – гепатит.... Да, в самый последний день, передавая технику афганцам, я выпил «сырой» воды и подхватил заразу...

Через полтора месяца меня выписали из больницы, и уже 4 октября я шёл по осеннему Новосибирску, в направлении штаба Сибирского военного округа. Не обращая ни на кого внимания, спокойно вышагивая по тротуару вдоль Красного проспекта, я услышал визг тормозящих шин большегрузного автомобиля. Затем последовал, страшной силы, воздушный сигнал.... КАМАЗ остановился рядом со мной, и из него выскочила знакомая худящая фигура моего младшего брата. Олег подбежал ко мне, мы крепко обнялись, долго стояли и не могли освободиться из объятий. Мимо проходила старушка, она остановилась и удивлённо произнесла надолго врезающуюся в память фразу:

- Где это видано, чтобы солдат обнимался с офицером.... Я всё видела, но чтобы вот так, солдат с офицером, стоят и обнимаются....

- Это мой родной брат, он вернулся из Афганистана, - повернувшись к бабуле, сказал, как отрезал, младший сержант Олег Коряков.

Бабушка пошла своей дорогой, а мы с братом ещё долго стояли и смотрели ей вслед.

Круг замкнулся. Олег первый кому я сказал, что еду в Афганистан, и он же подвел черту, сказав, что я вернулся из Афганистана....

Послесловие к Афганскому дневнику.

Дневник – это способ зафиксировать события на «бумаге», которые происходили с его автором, вспомнить людей, с которыми сводили те или иные обстоятельства, рассказать о времени....

Я попытался как можно точно и последовательно вспомнить эпизоды своей службы в Афганистане, с небольшими отступлениями. Что из этого вышло, пусть оценят те, кто прочитал дневник до конца. В рамках предложенного повествовательного жанра, мне не хотелось давать оценок и обстоятельно анализировать поступки людей и события, я попытался на бумаге изложить то, что произошло со мной и с моими сослуживцами там, за речкой. Повторюсь ещё раз, у нашего батальона не было своего «Сталинграда», мы ежеминутно выполняли поставленную перед батальоном задачу.

В Афганистан я приехал офицером, имеющим трёхлетний опыт службы в войсках и с багажом знаний, полученных в военном училище. С особой благодарностью вспоминаю командиров Омского высшего общевойскового командного дважды Краснознамённого училища имени М.В. Фрунзе: командира 4-го курсантского батальона полковника Молчанова Владимира Николаевича, командиров 10-й курсантской роты – старшего лейтенанта Сергуна Игоря Дмитриевича и капитана Любезного Александра Николаевича, командира 2-го курсантского взвода – капитана Казака Анатолия Антоновича. Большое влияние на моё офицерское становление оказали мой первый командир роты в войсках – гвардии капитан Липаткин Александр Васильевич, командиры взводов: – гвардии старший лейтенант Балаев Артур и гвардии старший лейтенант Вожов Евгений. Мне очень повезло на встречи с хорошими людьми, их было подавляющее большинство.

Отдельное огромное спасибо хочу выразить своей жене, Светлане. Во многом благодаря ей, я написал этот дневник. Она верная, надежная и любимая женщина, вдохновившая меня на написание воспоминаний, и которая помогла в редактировании дневника.

В молодости мы все в той или иной степени совершали безрассудные действия, за которые иногда бывает стыдно до сих пор. Но они были и стали частью нашей истории. О некоторых событиях и о людях я не стал писать, потому что до сих пор эти люди живут рядом с нами. У них есть родные и близкие. Только по этой причине не хочется ворошить прошлое. Все звания и фамилии в дневнике подлинные, кроме одной. Фамилию одного

военачальника я изменил по вышеупомянутым причинам и потому, что его уже нет с нами.

Пусть не вошедшие в Афганский дневник странички моей далёкой молодости останутся, в том числе, и на моей совести. Наверно ещё не пришло то время, когда можно и нужно об этом писать.

Мы разъехались по своим новым и старым гарнизонам. Разъехались так, как будто никто и никогда больше не встретится в этой жизни. Да, мы оставили друг другу адреса своих родителей, в надежде, что будем писать и сообщать о себе приятные новости. Но почему-то, спустя небольшой промежуток времени, крепкие и надежные связи были утеряны. Что произошло, что случилось с нами?

А случилось то, что в один миг поменялась страна. В Афганистан нас отправляла большая и великая держава - Союз Советских Социалистических Республик и все надежды и ожидания по возвращении домой, были связаны с ней. Возвратились мы в разрываемую противоречиями и назревающими переменами страну, в которой мы оказались ненужными изгоями. В тот момент мало кому было дело до искалеченных судеб многих «афганцев», до их физических ран и душевных мук. И чаще всего, нам самим приходилось искать себя и своё место в изменившемся мире – политики были заняты своими делами. Некогда большая страна в одночасье превратилась в «независимые» государства. Так же как и новые страны, мы поодиночке находили себя в новой жизни, а народные избранники своим постановлением Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года", осудили решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. В один миг «афганцы» из героев превратились в сброд калек, бандитов, наркоманов и алкашей....

Память избирательна по своей сути. Много событий, из почти двухлетней жизни в Афганистане, безвозвратно улетучились в астрал, и восстановить их со скрупулёзной точностью, не представляется возможным, да и нет в этом особой необходимости. Так же и люди. Есть те, кто постоянно на связи и с кем приятно посидеть в дружеской обстановке и вспомнить о далёкой боевой молодости, а есть такие, чьи фамилии и имена за давностью лет стерлись из памяти.

Если бы у меня была возможность что-то изменить и вернуться в прошлое, я бы ничего не стал менять глобально, кроме одного. До сих пор корю себя за то, что не стал ходатайствовать перед вышестоящим командованием о представлении к наградам своих подчинённых. Была бы моя воля, я бы отметил почти всех своих бойцов и офицеров, потому что они каждый день были рядом, подставляли своё плечо и наравне со мной

испытывали тяготы и лишения. У нас были самые лучшие солдаты и сержанты. Им особая благодарность, почет и уважение, и низкий поклон родителям, которые воспитали таких сыновей.

Мне жаль, что я не представил к награде лейтенанта Александра Екимовского.... Всякое у нас было в совместной службе. Мы были оба взводными в Файзабаде. Почти одновременно нас перевели в Кундуз. Последний, перед выводом, месяц Саша служил под моим началом в третьей роте. И здесь были небольшие нюансы. Помню, как он подошел ко мне после вывода войск, в Термезе и сам спросил:

- Командир, почему ты меня не представляешь к награде, неужели я не заслужил хотя бы медаль за «Боевые заслуги»?

В то время я был максималистом и посчитал, что Александр «не навоевал» на медаль, тем более такое обращение слегка напрягло меня. У нас в батальоне многие офицеры и прапорщики уехали из Афганистана без боевых наград. Я не захотел обесценивать награду, буркнув что-то нечленораздельное, и отвернул глаза в сторону.

Буквально за час до этого разговора, ко мне подошел сержант, писарь начальника штаба батальона и обратился с предложением:

- Товарищ старший лейтенант, на вас было представление к ордену. Хотите ускорить его получение?

- Что я должен для этого сделать?

- Сто чеков и орден будет вручен быстро, - ответил сержант.

- Насколько быстро?

- Очень быстро....

- А не пошел бы ты на слово из трёх букв!!! Причём здесь 100 чеков? Если есть представление, я рано или поздно получу свою заслуженную награду, но тебе сынок платить 100 чеков я не намерен....

Вечером я встретился с Сергеем Ефимкиным, и он рассказал похожую историю про аналогичное предложение писаря. Мы оба почувствовали что-то неладное, но не стали выяснять у начальника штаба подробности. Нам просто надо было скорее уехать домой. И вот тут, после столь некрасивого предложения, состоялся разговор с Александром Екимовским....

Имей я в то время такой же житейский опыт за плечами, какой я имею сейчас, не раздумывая, написал бы рапорт о представлении его к награде. Рассуждать сейчас в сослагательном наклонении о событиях тридцатилетней давности, наверное, глупо, но я чувствую свою вину....

Используя современные информационные технологии (Интернет), спустя почти двадцать лет, я нашёл всех тех, с кем хочу общаться и кто мне по-настоящему дорог. Мы переписываемся и созваниваемся. Поздравляем друг

друга с праздниками и личными знаменательными событиями. Отправляем друг другу посылки через знакомых. Несколько раз мы встречались хорошей и тёплой компанией в столице нашей Родины, в Москве. Двадцатилетие вывода войск организовал Сергей Ефимкин. Очередной большой юбилей вывода войск и встречу сослуживцев мы организовывали уже вместе с Сергеем, подключив Володю Чугришина, командира огневого взвода миномётной батареи нашего батальона. Положительный заряд эмоций и воспоминания останутся до следующего юбилея. Часто звонят простые солдаты, которые были надёжной опорой там, за речкой и благодарят за то, что вернулись домой живыми. От этого тепло и радостно на душе. Значит, не зря всё это было...